

Д
АЛЬНИЙ
ВОСТОК
В

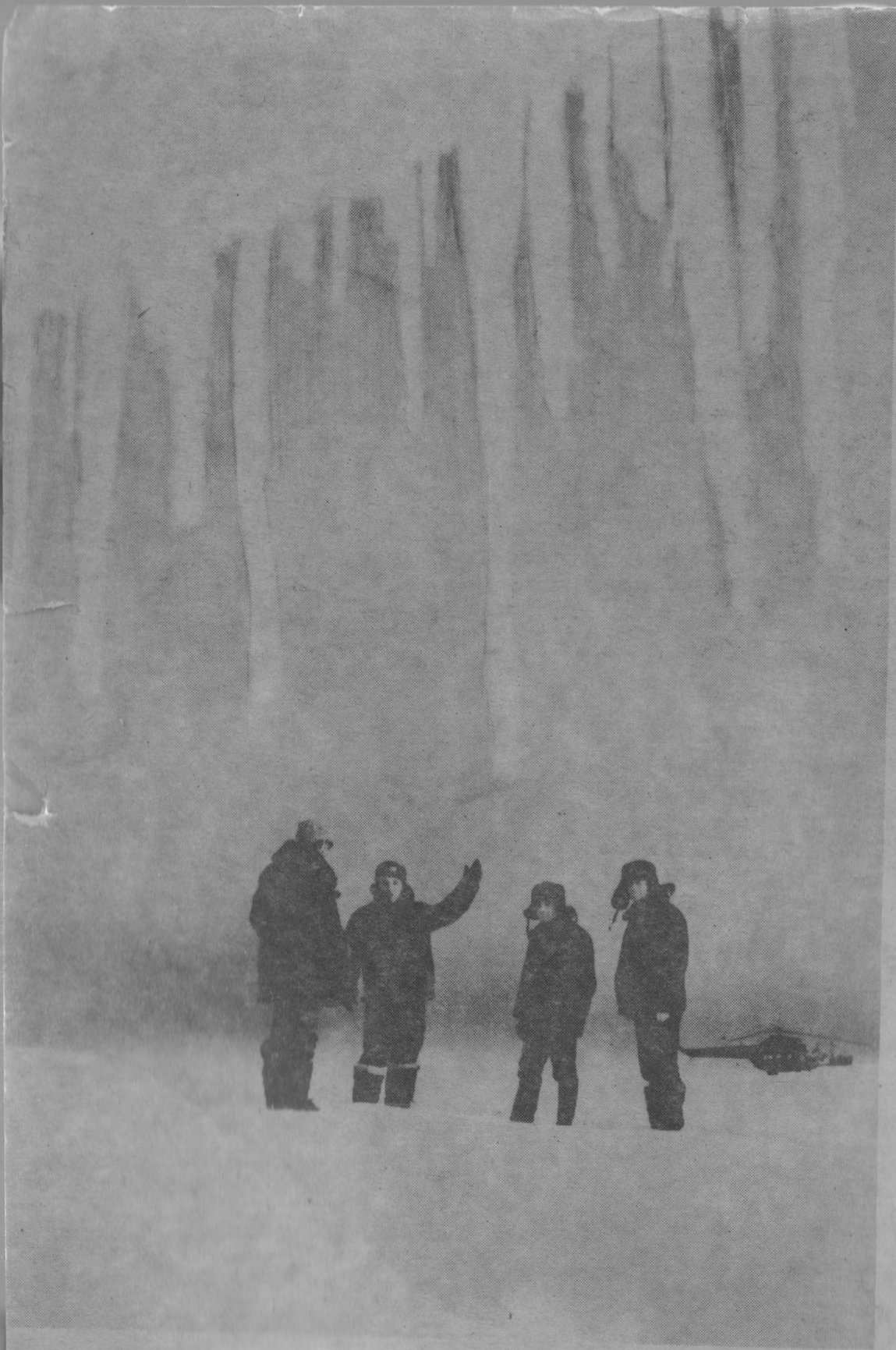
12

1976

Север

Фото Ю. Муравина

Север

Фото Ю. Муравина

Ежемесячный
литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
И ХАБАРОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ

ГОД ИЗДАНИЯ 44-й

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Владимир Архипов — СТОЛИЦА БАМа, «РОССИЯ — СВЕТ!...», стихи 3	
Валентин Богданов — ПАМЯТИ ПЕТРА КОМАРОВА, «В ЭТУ ПОРУ И СЛАДКО, И ГОРЬКО...», ПОСЛЕ МАРША, СЛУЧАИ В КАРЬЕРЕ, «ПОЛ-НОЛУНИЕ, ТИХИЙ МОРОЗ...», стихи..... 4	
Виктор Соломатов — «ОТ КРАСНОТАЛА РОЗОВЕЮТ СКЛОНЫ...», «ГОРОД ЗЯБКО КУТАЕТСЯ В СУМЕРКИ...», «ЗДРАВСТВУЙТЕ! КАК ПОЖИВАЕТЕ?...» «АВГУСТ ЩЕДРО РАНЕТОМ УСЫПАЛ САДЫ...», ПРЕДЗИМЬЕ, «СЕНТЯБРЬ ДОБАВИЛ ДВОРНИКАМ РАБОТЫ...», стихи 6	
Евгений Рожков — ПРАЗДНИК МОЛОДОГО ОЛЕНЯ, повесть 8	
Валентин Федоров — ПЕТЕЧКА, повесть 40	
Елена Калюжная — «МНЕ ГОВОРЯТ, ЧТО В ОБЛАКАХ ВИТАЮ...», «ТО РАСТАЕТ, ТО ВЫПАДЕТ ВНОВЬ...», ТРАВИНКА, ОБИДА, стихи 62	
Тамара Рыжкова — «КАК ЯРОК ДЕРЕВЬЕВ ОСЕННИЙ НАРЯД...», «ТУМАН В НОГАХ У ОГОЛЕННОЙ РОЩИ...», «ВЫШИВАЕТ СОЛНЦЕ НА ЗЕМЛЕ УЗОРЫ...», «НЕТ, Я НИ О ЧЕМ НЕ ЖАЛЕЮ...», «ЛАСКОЙ ТВОЕЙ НЕ СОГРЕТА Я...», «ПО ВЕЧЕРАМ НА УЛИЦУ НЕ ТЯНЕТ...», «ПЕЧАЛЬНОЕ ВРЕМЯ, ГЛУБОКАЯ ОСЕНЬ...», «СТРАДАНИЕ НА СЕРДЦЕ МНЕ ЛЕГЛО...», стихи..... 63	
Игорь Кравченко — ДЕВУШКА С ОКЕАНСКОГО ПРОСПЕКТА, рассказ .. 65	
Галина Бушуева — ЕЛЬКА, рассказ 71	
Олег Щербановский — СТАРИК, рассказ 86	

ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ

Николай Сансеев — СЕРДЦЕМ ВЫНОСИ, очерк..... 97	
Алексей Леонтьев — ОДЕРЖИМЫЕ, очерк..... 103	
Евгений Гончаров — ТРИ ДНЯ СТРАДЫ, очерк..... 108	
Евгений Бугаенко — ЛОСОСИ НЕРЕСТЯТСЯ НА... ЗАВОДЕ, фотоочерк 114	
Михаил Эдидович — ЭКСПЕДИЦИЯ «БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ», очерк . 116	
А. Виктор — ПРАЗДНИК КНИГИ НА БАМе..... 122	

ДЕКАБРЬ • 1976

УГОЛОК КРАЕВЕДА

Ю. Миротворцев — О СУДЬБЕ ПРИРОДЫ ОЗЕРА ХАНКА	123
---	-----

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Н. Рогаль — НЕУТОМИМЫЙ БОРЕЦ ЗА МИР	125
Николай Тихонов — МЫ ПОСТРОИМ НАШ БАМ!	127
Ю. Иванов — «ЕГО ЛЮБИЛИ, ЛЮБЯТ И БУДУТ ЛЮБИТЬ»	129
Н. Тутушкина — МУЗЕЙ А. А. ФАДЕЕВА В ЧУГУЕВКЕ	131
А. Шурыгин — НОВАЯ НАХОДКА	133

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ю. Бриль — ЭКСПЕДИЦИЯ В ГЛУБЬ ВЕКОВ	135
Е. Головкин — «ОН ГОВОРИЛ ОТ ИМЕНИ РОССИИ»	137
С. Лившиц — ПЕСНИ ТУНДРЫ	139
В. Александровский — ВЕЛИКИЕ ВЕРСТЫ	140
В. Юхименко — «КОЛУМБЫ РОССИИ»	142
Н. Кочешков — КНИГА О ДРЕВНЕМ И СРЕДНЕВЕКОВОМ ТИБЕТЕ	143
Э. Осипова — ЧЕРЕЗ ВСЕ ПРЕГРАДЫ	145
НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ	150
КОРОТКО О РАЗНОМ	151
СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ДАЛЬНИЙ ВОСТОК» ЗА 1976 ГОД	155

Главный редактор Н. М. РОГАЛЬ.

Редакционная коллегия:

В. Н. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ, В. М. ЕФИМЕНКО,
Н. Д. НАВОЛОЧКИН (зам. главного редактора),
В. Е. РОМАНОВ, В. М. САНГИ, П. В. ХАЛОВ.

Ответственный секретарь К. С. ОВЕЧКИН.

Рукописи объемом меньше авторского листа не возвращаются.

Технический редактор Н. А. Лызова. Корректор А. Е. Москвитин.
Адрес редакции: 680610, г. Хабаровск, Комсомольская ул., № 80. Телефон 33-13-68

Подписано к печати 23/XI 1976 г. ВЛ 00301.
Бумага 70X108¹/₁₆. 14 усл. печ. л., 15,31 уч.-изд. л. Тираж 30 000 экз.
Заказ № 581. Цена 50 коп.

Хабаровское книжное издательство, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.
Типография № 1 Краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

«Дальний Восток», 1976

СТОЛИЦА БАМа

Как по душе нам строек строгость,
Людей обветренные лица.
Гул самолетов на дорогах,
Твой ритм, таежная столица.

Какая ширь, как жить высоко!
Плывут окраиной закаты
И красноперо бьются в сопках,
Как рыбина на перекате.

Здесь вздыбились над бездорожьем
Две пары рельсов — два оленя...
Мой город! Нет тебя дороже,
Ты создан нашим вдохновеньем.

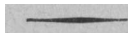
Владимир АРХИПОВ

Ты — молодой! Я тоже — молод!
И даль для нас,
 как мир, открыта.
С тобою мы, таежный город, —
Как корабли перед отплытьем!

* * *

Россия — свет!
Как светел миг
Снегов, из года в год летящих.
Я вижу, как торжествен лик
Земли, в грядущее светящей.
Россия, милая, живи
Во все века, во все годыны!
Ведь неизбывна песнь любви,
Одна — у матери и сына.
Я — твой солдат, я — твой поэт,
Я зодчий твой со дня рожденья.
Преображает белый свет
Твое высокое свеченье.
Оно — на БАМе и в столице...
России свет —
И мне виднее
Снежок у дочки на ресницах
И чистый снег на Мавзолее...

Тында

ПАМЯТИ ПЕТРА КОМАРОВА

То курлыканье с неба, то клёкот,
Растревоженных птиц голоса...
Было время осенних отлетов,
В Приамурье желтели леса.

В этом рыжем, пронзительном свете,
Заливающим грани полей,
Становилось просторно поэту
После тесной квартиры своей.

Зная втайне, что болен, что годы
Роковую подводят черту,
Он сильнее удивлялся природе
И влюблялся в ее красоту.

Все смотрел в неоглядные дали,
Тихой нежностью в сердце раним,
И теплели глаза и вбирали
Все, что было сейчас перед ним:

Лист осины с прожилкою алой,
Синей сопки нечеткий овал.
Приамурье, которое знал он,
Так, наверно, никто не знал.

И когда в окружении этом
Не хватало от нежности сил, —
Он глаза закрывал, как от света,
И ладони к глазам подносил...

Видно, нет притягательней силы
И земли незабвеннее нет,
Чем вот эти просторы России,
Над которыми думал поэт.

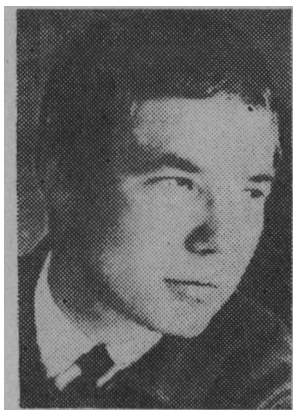
* * *

В эту пору и сладко, и горько
Листья память мою ворошат...
Листопад замечает пригорки,
Небеса на пригорках лежат.

Я отважно на дерево лезу,
Исполняя братишкин наказ,
Посмотреть, как под вечер над лесом
Журавли пролетят на закат.

Вот на гибкой вершине качаюсь
Чтобы стало немного теплей,
На братишкин вопрос отвечаю,
Что нигде не видать журавлей,

Валентин БОГДАНОВ

Так хотелось ему почему-то
Посмотреть сквозь густой листопад,
Как над лесом, поднявшимся круто,
Эти птицы летят на закат.

Дули горько военные ветры,
Были в тягость мы милой родне.
Журавлей мой братишка не встретил,
Не дождался отца по весне...

С той поры приосели пригорки
И леса поредели в краю.
Только в сердце то сладко, то горько
Осень трогает память мою.

И уже без конца перед взглядом
Все летят отголоском тех дней
Золотая пурга листопада
И знакомые птицы над ней...

ПОСЛЕ МАРША

Дав себе недолгую поблажку,
За неделю, может быть, впервой,
Спит комбат, прикрыв лицо фуражкой,
Чуб белесый спутался с травой.

Веет горьким жаром от моторов,
Пыль с брони стекает на траву.
Запах медуницы и автола
От земли восходит в синеву.

Далеко за дымкою лиловой
Бродит эха гулкий перезвон.
Спит комбат. Береза в изголовье
Стережет его глубокий сон.

СЛУЧАЙ В КАРЬЕРЕ

Холодные тени от сопок
Синели на свежем снегу...
Прыжками стремительный соболю
Уже настигал кабаргу.

Но тень ее косо мелькнула,
И вот уже, легче стрелы,
Она через пропасть махнула
На узенький выступ скалы.

Не знала того животина,
От счастья роняя слезу,
Что чуть ли не тонна тротила
Забита для взрыва внизу.

Стояли за грузом машины,
Но, сделав веселый прищур,
Взглянул бригадир на вершину
И тихо сказал: — Перекур...

* * *

Полнолуние, тихий мороз,
На опушке лежат полутени.
От луны, от снегов, от берез
На душе моей полдень весенний.

Индевелые стынют кусты,
Свет полян все печальней и глуше.
Отчего эта снежная стынь
Наполняет теплом мою душу?

Оттого ли, что в этой глуши,
Как бы ни было время жестоко,
Для холодных движений души
Никогда не найдется истока.

Оттого ли, что в этом краю,
Где под снегом родные могилы,
Так возвысила душу мою
Верность Родине — матери милой.

Пусть уносят меня далеко
И надолго винты и колеса,
Все равно и светло, и легко.
Буду я возвращаться к березам,

Где зимой в полнолуние кусты
Затеняют поляны все глуше,
И морозная тихая стынь
Наполняет теплом мою душу.

* * *

От краснотала розовеют склоны,
Пришла весна в окрестные леса.
Об эту пору мы щедры и склонны,
Как некогда, поверить в чудеса.

Черемуховых почек аромат
Плывет над остывающим апрелем.
Светильнички подснежников горят
В траве, пропахшей сыростью и прелью.

Настырно прет упрямая трава,
И желчью тополиный лист исходит.
Всплывают на протоках острова...
Все это значит, что весна — уходит.

* * *

Виктор СОЛОМАТОВ

Город зябко кутается в сумерки,
Сизый дождик вкрадчиво шуршит.
Ясность.

В мыслях ни малейшей сутолоки—
Именины сердца и души.

В этот час, тревожный и бодрящий,
Площади и улицы пусты.
Только месяц — вечный разводящий,
Проверяет звездные посты.

* * *

Здравствуйте! Как поживаете?
В радости, или в печали?
Вижу, как пожимаете
В недоуменье плечами.

Письмо мое крутите, вертите,
Душу свою томя.
Верите и не верите,
В то, что оно от меня.

А может, над ним зеваете,
Потягиваясь вальяжно.
Если вы так поживаете,
То я поживаю
неважно.

* * *

Август щедро ранетом усыпал сады —
Наливным,
краснощеким, спелым...
На поникшей траве остаются следы —
Это осень моя подоспела.

ПРАЗДНИК МОЛОДОГО ОЛЕНЯ

ПОВЕСТЬ

I

Четырехтысячное стадо оленей, прижатое одной стороной к озеру, а с другой—окруженное людьми, бурлило и нервно вращалось. Коричневыми, поблескивающими на солнце тонкими рогами олени ударялись друг о друга, и в морозном воздухе звучали резкие, словно выстрелы, удары.

— Хоок... Хоок! — кричали пастухи, успокаивая животных.

Олени, что бегали не внутри стада, а с краю, устало останавливались, опьянев от сутолоки и сумасшедшего бега, от криков и страха, высунув алые языки, по-собачьи часто дышали, и белая пузырчатая пена легкими хлопьями падала на снег. Бока животных вздувались и опадали, и жалко было их видеть, испуганных и усталых.

Наконец олени заметили просвет в цепи людей, бросились в него отчаянно, как навстречу стае волков. Пастухи побежали наперерез, замахали арканами, шапками, закричали нервно и зло. Олени, видно, не понимали пастухов и потому, осатанев, бежали вперед. Вот они выскочили из плена, резко сбавили бег, затем совсем остановились, прядая ушами, повернули головы в сторону тех животных, что остались в загоне, не понимая, почему не последовали они их примеру. Но и другие, видно, почувствовали, что есть слабые места в пастушеской обороне, и теперь небольшими группами ломились в просветы, которые появились в разных концах цепи. Их уже нельзя было удерживать; стадо, словно вода сквозь пальцы, просачивалось между пастухами, которые не в силах были ничего изменить.

Директор оленеводческого совхоза Павел Иванович Скрипин отошел от людской цепи, в сердцах плюнул и нахлобучил на голову старую, облезлую заячью шапку.

— Туды их растуды, опять прорвались!

Он потоптался беспокойно на месте, еще раз выругался, представив, что все нужно начинать с начала — собирать животных, подгонять их к озеру.

— Пошли, ребята, перекурим! Чего попусту стоять-то, — сказал он, обращаясь к пастухам, и потом крикнул олентехнику: А ты, Нуваттагин, вели стадо собрать. Нужно еще раз попытаться пересчитать оленей.

Молодой олентехник Нуваттагин — худой, высокий, одетый в легкую, тонкую кухлянку, — рысцой подбежал к пастухам, которые уж собрались в кружок и жадно затягивались папиросами. Он что-то быстро-быстро говорил по-чукотски, размахивая руками. От группы отделились четверо и побежали в разные стороны собирать стадо, которое далеко растянулось по ложбине.

— Скажу я вам честно, Павел Иванович, — подходя к директору степенной, размашистой походкой, заговорил совхозный бухгалтер. — Устарели методы подсчета. В конторе скоро электронная машина будет работать, а оленей считаем дедовским способом

— Мастак ты, Григорий Ильич, говорить. Давай что-нибудь предлагай.

— А чего предлагать-то? — Бухгалтер помолчал, словно продумывая что-то. — Все ясно. Я вот смотрел и думал: а что, если стадо с вертолета фотографировать? Скажем, пасутся олени, а тут их с вертолета бац! Потом на снимке в конторе, в тепле считай себе.

— Ловко, сверху, с вертолета! Я не прочь и со спутников. Давай заказывай вертолет, попробуем!

— Зачем же так? Я серьезно! — обиделся бухгалтер.

— А я, что, нет? — Глаза директора поблескивали влажно и беспокойно. — Мы второй месяц ждем вертолета, не можем снаряжение охотникам выбросить. Ты сам заявку в округ отправлял. То погоды нет, то вертолетов. И потом от треска вертолета все олени разбегутся.

Их плотным кольцом обступили пастухи, сочувственно смотрели на директора. Видно было, что прожектерство бухгалтера, человека, малосведущего в оленеводстве, тоже раздражало их.

— С вертолета! Надо ж такое придумать! — сказал насмешливо Павел Иванович, засмеялся беззлобно, и худое, давно не бритое лицо его приобрело доброе выражение. — Конечно, придет такое время, когда все будет по-другому. Все может быть, жизнь на месте не стоит. А вот пока приходится бегать, потеть и нервничать.

Павел Иванович поднял руку, посмотрел на часы, поморщился, сожалея, что попусту уходит время. Чтобы все слышали, сказал:

— Два часа дня. Все мы не пообедали, устали, но еще раз попытаемся удержать стадо нужно.

Пастухи стали молча расходиться. И правда люди устали, весь день на ногах. Павел Иванович понял состояние пастухов, весело добавил:

— Закончим подсчет, такой праздник закатым, чертям жарко станет!

— А вино будет? — спросил кто-то из пастухов.

Павел Иванович помолчал, улыбнулся. Как ответить, ведь заведующему торговым участком он строго наказывал поменьше привозить спиртного. Вздохнул и уклончиво ответил:

— Там поглядим.

Пастухи засмеялись.

— Хитрый ты, директор, — сказал тот пастух, что спрашивал про вино, — вот и уговорил, придется поработать.

Среди пастухов раздался дружный смех. Павел Иванович потоптался на месте, язбко повел плечами.

Оленевод Этлену, шестидесятипятилетний бригадир второго ста-

Евгений Фролович Рожков родился в 1943 году в Рязанской области. После окончания сельскохозяйственного техникума приехал на Чукотку. Работал зоотехником в оленеводческих бригадах, в окружном комсомоле, сотрудником чукотского радио. Участник IV все-союзного совещания молодых писателей.

да, в течение всего разговора молча стоял в стороне, попыхивал трубкой. Теперь он подошел к директору, хрипло сказал:

— Не полусится нисево. Олень устал, олень долго бегал голодный. Если теперь опять селовек мало — олени убегут. Женсин пусть помогают.

Этлену пыхнул трубкой, облако табачного дыма в морозном воздухе вмиг побелело, будто стало твердым, таким, что его можно взять и подержать в руках.

— Вообще, это верно! — Павел Иванович понимающе закивал головой. Женсин надо было пораньше позвать на помощь, обед они давно сварили. — Давай, Нуваттагин, посылай кого-нибудь за женщинами, а то вон стадо гонят.

С возвышенности хорошо было видно, как у подножия сопки, от которой тянулась к северу горная цепь, пастухи завернули стадо и гнали его опять к озеру.

Чтобы не пугать оленей, люди отошли от озера подальше, расселись небольшими группами и стали ждать. Ждать в такой солнечный, безветренный день не утомительно, даже приятно. Можно смотреть на светло-голубое, будто летнее небо, на синеющую даль, вдыхать холодный и свежий воздух, чистый, как после дождя или обильного весеннего снегопада. В такие часы все вокруг кажется прозрачным, все предметы приобретают легкость и особую красоту.

Павел Иванович разговаривал с новым главным зоотехником совхоза — Ивановым, еще совсем молодым парнем, всего месяц назад прибывшим по направлению с «материка». От недавнего раздражения у директора не осталось и следа, он был мягок и добродушен.

— Какая погода сегодня! Удивительно! — сказал директор и улыбнулся. Лицо его сделалось вдруг моложе и красивее. — В сентябре у нас всегда хорошая погода. Правда, бывает, пойдут дожди со снегом... Обидно, если не успеем посчитать стадо, вдруг погода испортится. Тогда плохи наши дела.

— Я вот что подумал: место выбрано не совсем удачно. Наверное, что-то получше можно было выбрать, — после короткого раздумья сказал зоотехник.

Он посмотрел на директора и засмутился, решив, что, может, зря лезет с советами, — место наверняка выбирали люди, хорошо знающие окрестности.

— Место, действительно, неудачное. Раньше в долине реки Ныгчеквеем считали, там удобнее. Стадо загоняли, как в мешок, на косу. С трех сторон озеро, и оставался только узкий перешеек.

С подсчетом легко управлялось десять человек. Но олени весь ягель в округе выбили, пришлось перебираться сюда.

Павел Иванович кашлянул в кулак, снял шапку и вытер лицо подкладкой, хотя оно было совсем не потным. Поглядев на молодого зоотехника, он вспомнил, как Иванов прямо с дороги зашел с вещами к нему в кабинет, и это понравилось Скрипину. Если специалист первым долгом приходит в контору, а не в квартиру, предназначенную ему, значит, он будет болеть за производство, работа для него важнее личной устроенности.

— В новом году тебе, Иван Иванович, придется проводить счет, приглядывайся.

Зоотехник кивнул головой, легкий румянец смущения появился на его лице. Он совсем недавно из института и не привык еще, чтобы называли его по имени и отчеству.

Оленей уже подогнали к озеру. Пастухи теснили их ближе к воде. Олени вели себя пока спокойно, только часто нагибались к земле,

принюхивались к следам. Когда до изгиба озера оставалось немного и уже хорошо было видно вытоптанное оленями место ловушки, животные что-то почувствовали. Те олени, что бежали впереди, забеспокоились, начали останавливаться, высоко поднимать рогатые головы. Издали были видны их беспокойно раздувающиеся розовые ноздри. На передних напирали задние животные. Они шли лавиной, ничего пока не видя и еще не чувствуя тревоги. Стадо начало кружиться, бурлить, и совсем не передвигалось уже вперед.

— Павел Иванысь? — Старый бригадир Этлену привстал на ноги. — Пора насинать, а то олешка китрый, убежать совсем будет.

Старик пыхнул трубкой, глотнул торопливо дым и закашлялся.

— Ну, что ты будешь делать! Женщины вот ко времени не пришли. Давай, ребята, окружай, медлить нельзя!

Пастухи, размахивая руками, громко улюлюкая, побежали к стаду. Олени, напуганные криками, еще больше заметались, подались вперед и оказались в мешке. Молодые оленухи старались забиться в глубь стада, а быки — тяжелые, медлительные — пытались прорваться из западни.

В самый последний момент, когда, казалось, никакими силами уже не сдержать животных, подоспели женщины. Бледные от быстрого бега, встревоженные тем, что не успеют, они встали между мужчинами и уплотнили цепь.

Олени будто поняли, что теперь не вырваться, стали успокаиваться.

— Образумились! — вытирая потное лицо, сказал Павел Иванович, хохотнул, довольный. — Образумились, черти рогатые! А куда им деваться-то!

Цепь пастухов в центре разомкнулась, и все ждали, когда олени побегут в просвет. Бегут они обычно небольшими группами, и их легко пересчитать. Но олени, видно, окончательно успокоились, стояли, равнодушно и устало понурились головы.

— Как ни обижайся, Павел Иванович, — заговорил бухгалтер, — а с просчетом не получается. Жди вот, когда они теперь расшевелятся. А ринутся вдруг все — не остановишь. Придумать что-то надо.

— Вот и придумал бы что-нибудь, только не космическое, пожалуйста, — буркнул директор.

Спорить ему с Серовым не хотелось, он даже не посмотрел в его сторону, подчеркивая этим, что о пустяках больше не будет говорить. И тут же сердито зашумел на пастухов:

— Ну чего вы, как мертвые, стоите! Пошевелите оленей-то, так мы и до вечера их не сосчитаем.

Шевелить оленей не пришлось. Несколько животных сорвалось с места и побежало в просвет, вкладывая в бег все силы. Это были разведчики, за их бегом наблюдало все стадо. Малейшая опасность — и стадо вновь взбунтуется. За небольшой группой, которая удачно миновала людской коридор, побежала другая, потом еще одна и еще. Поняв, что им ничего не угрожает, олени бежали гуськом, не торопясь, даже с любопытством поглядывая на счетную комиссию.

II

Иванов впервые участвовал в подсчете оленей. Собственно, даже впервые видел их, потому что учился он и жил на Рязанщине, где оленей нет, и даже не предполагал, что поедет на Север и будет работать в оленеводческом совхозе. Но он быстро освоился с незнакомым ему

делом, считал легко и успевал записывать результат в блокнот, когда остальные члены комиссии еще кивали головами. В душе молодой зоотехник посмеивался над незадачливыми счетчиками, его веселила их нерасторопность, неумение схватывать глазами всю группу животных и считать быстро. Это маленькое его превосходство над работниками, долгие годы связанными с оленеводством, подбадривало его и придавало ему уверенности. Он был доволен, что легко научился считать. А уж коль малое дело освоил — непременно освоит и большое.

После подсчета очередной группы оленей комиссия собралась в кружок и подвела итоги. Когда число оленей совпало с цифрой, названной Ивановым, директор весело засмеялся, хлопнув зоотехника по плечу.

— Ну молодец! Ты работаешь, как электронная машина! Рассказал бы, как считаешь, может, и мы у тебя научимся.

Впрочем, Иванова пастухи не поняли, не могли представить себе, что можно считать, используя зрительную память. А кто и понял, не мог быстро освоить его метод, путался, сбивался, и в конце концов решили считать по-старому. Но за новым зоотехником закрепилась слава, как о надежном и быстром счетчике. За глаза пастухи называли его «Три Ивана». Иван Иванович Иванов считает сразу за троих.

Зоотехник с членами счетной комиссии стоял немного в стороне от людской цепи, удерживающей оленей. В минуты, когда животные не бежали по коридору, он успевал посмотреть и на заснеженные вершины сопок, и на голубое, чистое небо, и на женщин, среди которых видна была зеленая курточка врача Гали.

Иванов махал ей рукой, махал украдкой, чтобы никто не увидел его сигналов. Но всякий раз его сигналы замечал Серов и улыбался про себя: давай, мол, маши руками, а мы посмотрим, что из этого получится.

III

К вечеру стадо бригадира Гыргольтагина, еще совсем молодого, пухлощекого парня, во время подсчета не проронившего ни слова, было просчитано.

Пастухи и женщины из оцепления направились к реке, где располагался палаточный городок. Там дождался их сваренный на костре обед.

Гыргольтагин стоял в сторонке, смотрел себе под ноги, внешне равнодушный к тому, что подводится итог его работы за год. На самом деле молодого бригадира даже знобило от волнения. Ему очень хотелось быть первым, он старался изо всех сил и весь год мечтал об этом. Сын лучшего во всей Алькатваамской тундре оленевода, которого теперь нет в живых, должен быть первым, так думал Гыргольтагин. Члены комиссии все считали, писали что-то в своих блокнотах, а он незаметно косился на них, и пламя нетерпения съедало его. «Да быстрее же вы!»

Председатель счетной комиссии, уполномоченный из района Петр Акимович Бессонов, сторонящийся всяких знакомств и дружеских связей, записал в специальный акт результаты подсчета каждого члена комиссии и через минуту-другую назвал общую цифру оленей в стаде.

Гыргольтагин заволновался еще больше, полез за пазуху, достал потрепанную тетрадку и записал это число. Не дожидаясь, пока в конторе подведут итог, он сам стал считать. Ровные линии на белом листе тетради ему показались рядами солдат, которые выстроились перед ним. Он недавно вернулся из армии, и ему хотелось, чтобы ре-

зультат работы бригады был высокий и об этом узнали в полку. Там Гыргольтагин не отличался особыми успехами: он плохо ориентировался по карте, не умел ходить строевым шагом, не мог сразу запомнить устройство автомата. А теперь они должны знать, что здесь он первый!

И та, образ которой он носил в себе, как радость, как большой праздник, не отвернется от него.

Члены комиссии впервые видели, чтобы бригадир так сильно волновался, ожидая результата их работы.

Скрипин подошел к молодому бригадиру, положил на его плечо руку, участливо спросил:

— Ну, много насчитал?

Гыргольтагин ничего не ответил. Он был слишком взволнован.

— Ты не волнуйся, у тебя ведь все хорошо, — сказал Скрипин. — Дня через два результаты будут подсчитаны полностью.

Гыргольтагин сунул тетрадь за пазуху кухлянки и пошел вслед за стадом, которое уже было далеко от места счета. Он шел и думал, что никто не понимает, как важно для него быть первым. Подсчет, который он сам сделал, был не очень-то утешительным. Страшно было подумывать, что для гордой учительницы это будет ничем.

Когда Гыргольтагин первый раз увидел эту девушку, сердце у него занялось пламенем. Он сказал ей «Здравствуй!» И голос его дрогнул. Она ответила ему спокойно, хотя и уважительно. Лицо ее — смуглое, с узкими глазами и маленьким носиком — не зарделось при этом, не залилось краской, как его лицо.

Через неделю он пришел к ней в дом, стал у порога. Смотрел на нее и ничего не мог сказать. От волнения у него кружилась голова и пеленой застилало глаза. Через неделю он опять пришел к ней в дом и опять от волнения ничего не мог сказать. И только в третий раз сказал ей все.

Она выслушала его внимательно. Потом спокойно стала объяснять, что не испытывает к нему возвышенных чувств (она так и сказала «возвышенных»), что ее сердцу мил другой. Гыргольтагин не поверил и решил, что учительница отвергает его любовь лишь потому, что он простой пастух. И тогда же он решил стать первым, о ком все говорить будут, о ком станут писать в газетах.

На комсомольском собрании Гыргольтагин попросил дать ему отстающую бригаду и поклялся, что выведет ее в передовые. Он поклялся именем отца, и ему поверили.

В их роду мужчины всегда были лучшими в работе, борьбе, в беге. Прадед Гыргольтагина был лучшим воином в стойбище, и о его силе слагали легенды. Дед был самым быстрым бегуном, и люди называли его Человеком, быстрым как ветер. Отец был лучшим оленеводом, о нем писали в газетах и книгах.

Быть первым теперь для Гыргольтагина — важнее самой жизни.

IV

Солнце желтого цвета, с легким алым налетом повисло у горизонта. Все вокруг потускнело, будто запылилось. Желтизна кустарников в долине уже не была такой нарядной, как раньше, и вершины сопок не сияли прежней белизной. Сейчас снег на сопках впитал в себя желтизну заходящего солнца, стал тусклым, и казалось, что его кто-то нарочно посыпал желтым песком. Над долиной стояла тишина. Тишина была приятна и желанна.

Пожунав у костра, Иванов пошел к палатке, в которой жил вме-

сте с бухгалтером Серовым. Он протиснулся в узкую щель и увидел в палатке Галю. Она сидела на спальном мешке, обхватив колени руками, и грустно смотрела перед собой.

— Ты здесь? — удивился он.

— Не ожидал?

Галя была в зеленой курточке, в синих расклешенных брюках, в пушистой сиреневой шапочке.

— Я сидела у себя в палатке, да так грустно стало. Вот и пришла сюда. — Она говорила тихо, и в голосе ее слышалась жалоба, как у ребенка, который привык к родительской ласке и теперь остался без нее.

Он смотрел на девушку, но в полумраке не мог разглядеть ее глаз. Они только влажно блестели. Он встал на колени, подвинулся к ней и осторожно взял ее за руку.

— Пойдем гулять, Иванов, — тихо сказала Галя.

Она приподнялась, палатка была совсем низкой, и ей пришлось, как и ему, встать на колени. Лица их оказались рядом.

Он видел теперь ее глаза близко-близко, черные в полумраке, встревоженные, и, неожиданно для самого себя, стал целовать эти глаза, губы, сиреневую шапочку.

Потом они снова смотрели друг другу в глаза, и она говорила ему:

— Странно все... Иванов, ты не думаешь, что это безнравственно, так вот сразу?

— Это не сразу. Я давно, с первого дня...

— Я знаю. Ты целовался когда-нибудь?

— Нет...

— Странно это все-таки... Тундра, олени, вот эта палатка и ты... Иванов! Я ничего такого и представить не могла.

— Так, наверно, должно было быть.

— Да. Наверно, должно быть так...

Они вышли из палатки и не спеша направились к реке. Солнце опустилось ниже и стало больше и краснее. И река покрылась краснотой. Река была неглубокой, с перекатами и песчаными отмелями, вода казалась прозрачной и розовой. Камни на дне были похожи на икринки, которые только что выметала огромная загадочная рыба.

— Давай поднимемся на бугор! — Галя показала рукой в сторону небольшой возвышенности.

По берегу они дошли до крутого, не очень высокого обрыва и стали подниматься по склону холма на его вершину. Под ногами шуршала жесткая трава, попадались тоненькие мелкие кустики. Плотнo прилегая к земле, они цеплялись за ноги и мешали идти.

Внизу, поблескивая акварельной прозрачной желтизной, извиваясь, убегала вдаль река. А там, далеко-далеко, был виден такой же, на каком теперь они стояли, холм, река за ним поворачивала и исчезала.

Галя смотрела на реку, на сопки, синеющие у горизонта, и почему-то вспоминала о горах, куда ездила как-то летом с товарищами по институту. В горах за ней ухаживал один мальчик, беленький такой, скромный. Она с ним целовалась, но это было не так, как с Ивановым, тогда было все просто и сразу забылось. Теперь же все было другим. Она желала поцелуев Иванова и страшилась их. Всем существом своим тянулась к нему и не могла понять, не могла объяснить своего состояния.

— Пойдем вниз, — вдруг зашепила Галя, и он удивился тому, как внезапно и непонятно изменилась она.

Закат все сгущался, небо на западе заалело, и от алого света порозовела вся тундра, порозовела одежда на Гале, и ее зеленая курточка теперь цветом напомнила незрелый помидор. Похолодало; воздух, казалось, стал более упругим, осязаемым.

Они вернулись к реке. Галя присела, начала черпать воду пригоршнями и пить, он тоже стал пить, вода была холодной, от нее ломило зубы. Галя посмотрела на него лукаво, сощурила глаза, брызнула на него водой и побежала прочь. Он погнался за ней, догнал, обнял и стал целовать в губы, щеки. Она прильнула к нему доверчиво и радостно.

Солнце уже скрылось за горизонтом, желто-алый купол вечерней зари висел над ними. Сопки у горизонта высвечивались синим и зеленым светом — это походило на картину, выполненную древним японским художником водяными красками и тушью на шелке.

Когда они возвращались к палаткам, он подумал об этом, вспомнив, что видел такую картину в музее. На ней были заснеженные вершины сопки и вот такая же даль с легкой желтизной, синевой и зеленью. И еще на картине были цветущая ветка сакуры и очаровательная девушка в кимоно. Он сказал Гале о картине, о том, как похож на нее пейзаж, который они видели только что с холма. Она ничего не ответила, только зябко повела плечами.

— Тебе не страшно здесь жить? Глушь... — спросил он тихо, боясь, что Галя обидится на него.

— Теперь уже нет, — ответила она. — Раньше боялась. Даже подумывала сбежать отсюда.

— А я не знаю, сколько здесь проживу. Пока интересно. А как подумаешь, куда черт занес...

— Интерес пройдет, потом тосковать начнешь, и тоже будешь думать, как бы на «материк» улизнуть. — Она посмотрела на Иванова испытующе.

— Нет, — засмеялся он, привлекая Галю, — не буду я так думать.

— Ты что?! — испугалась она. — Нас же видно от палаток!

— Ну и пусть!

— Пойдем, мне нужно руку перевязать одной женщине, она рано ложится спать. У нее ожог сильный!

— Не спеши, не убежит же она!

Они спустились с холма, и он остался ждать ее у реки.

Иванову казалось, что все происходящее в его жизни — это какая-то случайность, преподнесено ему на блюдечке, как выигрыш, которого он не ждал. В институт он поступил без труда и учился легко, без особых усилий, а когда получил диплом с отличием, ему даже показалось, что это несправедливо. Диплом с отличием должен стоить больших трудов и усилий. На Чукотку он попал тоже случайно. Когда шло распределение, он шутил сказал, что готов поехать хоть на край света. Ему вполне серьезно ответили, что есть одно место на Чукотке. Его он и выбрал. Теперь модно уезжать в далекие края. Но сейчас самому кажется, что с выбором направления на работу ему повезло. Много, мало ли он здесь проработает, но его трудовую биографию будет украшать то, что работать начинал он на Крайнем Севере. Чувство, что его жизнь — цепь случайных удач, появилось недавно; здесь он уже стал подумывать о том, что все время так продолжаться не может, что цепь эта вот-вот оборвется и придет полоса трудностей, которые ему нужно будет преодолеть. Ему вот повезло и с Галей. Ведь могла она за год, который прожила здесь, на Севере, выйти замуж. Она не вышла, говорят, даже ни с кем не встречалась — очень гордая

девушка и строгая. А вот с ним она другая, он это чувствует. Значит, опять выигрыш? Он пока не решил, серьезно это у него с Галей или нет, собственно, такого решения может и не быть, только от выигрышей он еще никогда не отказывался.

Ожог у женщины был сильным. Когда Галя осторожно снимала с руки повязку, женщина зажмурила глаза, руки ее дрожали, и коричневое обветренное лицо покрылось мелкой испариной. Женщина прерывисто дышала и еле сдерживалась, чтобы не закричать. Галя понимала, что ей больно, успокаивала пациентку, говоря, что рана скоро заживет, что боль нужно перетерпеть. Когда она закончила бинтовать руку, женщина сказала:

Теперь прохладно руке стало. Хорошо! А болеть начинает, я ночью не сплю.

— Ничего, потерпеть нужно. До свадьбы все заживет.

Женщине было за сорок, и Галя смутилась, подумав, что свадьбы уж у нее не будет.

Когда больная ушла, Галя старательно вымыла руки, поправила на голове шапочку и вышла на улицу. Теперь быстро темнело. У костра еще сидели пастухи, пили чай и о чем-то разговаривали, в тишине голоса их были далеко слышны. Галя по тропинке шла к реке, где ее ждал Иванов.

V

Утро следующего дня выдалось ветреным, пасмурным и холодным. Тучи повисли над заснеженными вершинами сопок. Медленно, неторопливо ползли они с севера, закрыв плотно небо. Только на востоке между землей и тучами был небольшой просвет, узкий, длинный, будто лезвие ножа. В этот просвет проникал какой-то замороженный, будто его промокнули, безрадостный свет солнца. Те виды, что вчера вызвали приятные ощущения, теперь давили и угнетали.

У костра сидели пастухи и молча пили чай. В такую холодную погоду даже не хотелось говорить. Тут еще неувязка у женщин получилась. Сегодня утром из-за ветра они не могли развести костер и не успели сготовить завтрак. Пастухи хмурились, женщины старались загладить свою вину, были обходительны и тихи. Похрустывая сахаром, пастухи пили чай молча и как бы не замечали услужливости женщин. Теперь до самого обеда, а если счет пройдет так же плохо, как вчера, то до вечера им придется на голодный желудок бегать за оленями. Тут уж не до шуток, не до разговоров.

К костру подошел Скрипин, поздоровался.

— Что это вы скисли? Экая беда — мясо не сварили! — сказал он. — Посмотрите на нашего бухгалтера, Григория Ильича, ему, по его комплекции, чтобы наестся, целого оленя нужно, а он чаек попивает и ничего.

— Да, ничего! — буркнул Серов. — Такое уж у нас руководство.

— Ему можно и не есть. Он жирный, целый год проживет, — сказал кто-то из пастухов.

— Я проживу! — Бухгалтер ухмыльнулся. — Я так скажу: устарела эта штука — костер и прочее. Нужно технику применять. Скажем, те же солдатские кухни почему не использовать?

— Все ты со своими прожекторами, — отмахнулся Павел Ивано-

вич. — Сосчитаем стадо, а там женщины и мясо сварят. Аппетит только разгуляется.

На склоне перевала, в стороне озера, показалось стадо. Оленей от костра хорошо видно. На фоне белесого от инея склона фигурки их были четкими, будто обведенными тушью. Стадо стремительно спустилось с перевала, а в долине, где инея почти не было, олени терялись из виду, будто растворялись.

Пастухи у костра стали нехотя подниматься.

Иванов заметил, что вид у директора совхоза сегодня болезненный, глаза грустные и покрасневшие, будто натер он их. Когда они вдвоем шли к месту счета, поотстав от пастухов, олентехник спросил:

— Вам не здоровится?

Павел Иванович хмуро глянул на него, вздохнул и неохотно ответил:

— Немного есть. Что-то меня ломает...

На полпути Скрипин как-то вяло ойкнул, схватился руками за левый бок, присел к земле. Иванов подскочил к директору, подхватил его под руки, испуганно спросил:

— Что с вами?

Скрипин дернул судорожно головой, торопливо полез в карман, вытащил какие-то таблетки и бросил одну в рот.

— Ничего, сейчас пройдет, — сказал тихо он.

Иванов помог Скрипину встать, заботливо отряхнул с его куртки прилипшие сухие травинки, оглядел его внимательно.

— Давление скажется, — виновато поглядывая в сторону, сказал Павел Иванович. — Как плохая погода, так и начинает в висках отбойным молотком стучать. Сердце стало слабое, не выдерживает. Да ты не расстраивайся, как-нибудь переживем.

— Вам бы отдохнуть.

— Пожалуй, сегодня придется отдохнуть. — Павел Иванович посмотрел на молодого зоотехника. — Ничего не поделаешь, годы. Полвека прожил, так что не удивляйся, все закономерно.

Он попытался улыбнуться, но улыбки не получилось, просто дернулись как-то странно обросшие рыжеватой щетиной щеки, вытянулись слегка губы, и стали видны на них тонкие, сухие, розоватые трещинки.

— Я вчера допоздна с отчетом просидел, не выспался. Да днем еще набегался, нанервничался, конечно... — Скрипин оправдывался не столько перед Ивановым, сколько перед самим собой. Сам не верил, что в его возрасте сбои сердца неизбежны.

— Может, вам помочь дойти до палатки?

— Еще чего не хватало! Я уже ничего себя чувствую, не беспокойся. Полежу — совсем будет хорошо. Иди и не волнуйся, а то, знаешь, пойдут разговоры. Мне это ни к чему.

Иванов пошел в стадо, а Скрипин вернулся к палаткам. Шел медленно, ноющая боль все еще стояла в боку, не уменьшалась и не усиливалась. Никуда больше не распространяясь, она была какой-то твердой и даже округлой, как металлический шар, и он чувствовал ее в боку именно как шар. И от него нельзя было избавиться.

Чтобы избавиться от этого неприятного ощущения, он стал думать о Юлии, своей бывшей жене, с которой разошелся несколько лет назад. Он думал о ней и вчера. Когда они расстались, Скрипину казалось, что он забудет Юлию быстро. Но ее он не мог забыть. Юлия говорила, что уезжает она оттого, что опостылела ей жизнь в глуши, с одним и тем же человеком, что ей нужно пожить свободной жизнью, раскованной, без каких-либо обязательств. Тогда он презирал ее. По-

том, может быть, оттого, что это чувство забылось, а любовь осталась, он простил ее; может, для нее это был единственный выход — уйти и пожить одной, чтобы потом вернуться и стать его прежней Юлией. Он поехал к ней с надеждой, что все образуется, что ей уже надоела легкая жизнь и она вернется. Но она жила в захолустной южной деревеньке, на берегу моря, и забыла о его существовании, потому что была счастлива в новой семье, с другим человеком. Он вернулся на Север один. Любовь с годами переросла в какую-то тягостную тоску об ушедшей молодости.

Скрипин посмотрел на небо. Погода начала вроде бы улучшаться. Тучи стали теперь тоньше и легче. И он стал думать о погоде, чтобы не думать о Юлии. Нельзя было волноваться, боль в сердце не утихала.

Утром он больше всего боялся, что испортится погода и остановится вся работа. Природа оказалась милостива к ним, и это его порадовало, хотя он понимал, что радоваться еще рано, все может измениться, не только погода, которая на Чукотке особенно капризна. Могут взбунтоваться олени — да мало ли что может произойти! Но ему все равно было приятно, что погода улучшается.

Павел Иванович подошел к палатке, которая в полевых условиях была и конторкой и его жильем. Вошел и лег, не раздеваясь, на раскладушку, которую не убрал с утра. Боль в сердце не утихала, он достал из кармана пузырек с валидолом, положил таблетку под язык и стал сосать.

В палатке было сумрачно, холодно. Ветер, ударяясь о брезент, заставлял палатку вздрагивать, и она гудела, как барабан.

Скрипин лежал с закрытыми глазами, не хотел ни о чем думать. Нужно было отдохнуть, отвлечься, но в голову лезли бог знает какие мысли. Сердце у него болит не только от постоянного напряжения на работе, а и оттого еще, что он стал слишком возбудимым и нервным, что тоскует по жене, а в молодости еще к тому же злоупотреблял вином. Да и теперь частенько выпивает, а этого ему делать нельзя. Теперь вот приходится рассчитывать и за выпитый коньяк, и за бессонные ночи. Жаль, тогда никто не встретился, кто мог бы наставить его на путь истинный. И он еще подумал, что молодых ребят, которые теперь приезжают на Север, надо бы брать под опеку опытным северянам и держать их в строгости. Над молодым зоотехником Ивановым он с первых дней решил взять негласное шефство, и ему было приятно думать, что со временем тот поймет его намерения и будет потом благодарить.

«Уехать бы на «материк» и подлечиться», — подумал он. Не первой эта мысль приходит ему в голову, но всякий раз желание уехать оставалось только желанием. Для Скрипина «материк» был белым пятном, все зрелые годы он провел на Чукотке. Он не мыслил себя без Чукотки, без тундры, без совхоза.

Двадцать пять лет назад, когда Скрипин впервые стал во главе небольшого хозяйства, он отчетливо знал, к чему должен стремиться, куда должен привести его. Павел Иванович отдал всего себя совхозу, и сам совхоз стал будто вторым Скрипиным, с его биографией и характером. Хозяйство он вел добросовестно и умно, добродушно, но по молодости бывал вспыльчив, и эта вспыльчивость порою мешала ему, как обида ребенку; с годами он становился дальновиднее и осторожнее. В одном хозяйство отличалось от его руководителя — оно было совершенно здорово, без признаков какой-либо болезни. Организм хозяйства работал четко, ритмично, ему предстояло расти и развиваться, ему суждена была долгая жизнь.

VI

Уснуть Скрипин не мог, думалось о всякой всячине. И он решил идти в стадо, чтобы за работой отвлечься.

Идти по кочкастой тундре трудно, и Скрипин шел не спеша, поглядывая на озеро, возле которого виднелись олени и люди.

Животных в загоне оставалось немного — голов триста-четыреста. Стадо попало спокойное, олени не метались из конца в конец, а тихонько ходили по кругу.

Когда Скрипин уже подошел к озеру, он случайно глянул на перевал и ужаснулся. На заснеженной его вершине появились олени, и они стремительно, будто наступающая конница, бежали вниз. До стада, которое только что просчитали, оставалось совсем небольшое расстояние, и оно быстро сокращалось. Пастухи увлечены просчетом и ничего не замечают. Скрипин замахал руками, закричал, но ветер дул навстречу, и никто его не слышал. Тогда Павел Иванович заложил пальцы в рот и как мальчишка пронзительно засвистел. В цепи пастухов кто-то повернулся. Скрипин стал показывать в сторону перевала.

— Бегите наперерез, — не выдержав, снова закричал он. — Стадам нельзя дать смешаться.

Ветер унес слова, и никто их не слышал, но люди уже увидели бегущих по склону перевала оленей, и трое самых быстрых парней побежали наперерез стаду. Навстречу ветру пастухи, бежали медленно, ясно было, что они не успеют встать на пути оленей.

Скрипин подошел к месту работы, остановился тяжело дыша, на лице выступила липкая испарина.

— Засчитались, а тут смотреть в оба надо, не зевать. Как самого нет, так все прахом идет!

Все с волнением смотрели на перевал и ждали, что все-таки будет. Если стада смешаются, то понадобится дня два-три для того, чтобы отделить их. Нелегкая это работа!

— Я как чувствовал, — сказал Павел Иванович, теперь обращаясь к Иванову, который стоял рядом с ним. — Не могу усидеть в палатке, и все!

— Да, нескладно получается, — ответил тот и сам подумал, что паялил глаза черт знает куда, а вот того, что олени пошли через перевал, не заметил.

Олени, не останавливаясь, неслись к просчитанному стаду, а трое пастухов были еще далеко от них и не могли предотвратить смешивание стад.

В первые минуты никто не заметил человека, который бежал по склону перевала. И лишь когда он оказался впереди стада, все увидели его. Теперь было ясно, что только он может изменить направление бега стада.

— Кто это? — спросил Скрипин.

— Коо! Не шнаю! — ответил пастух. — Плёко витно!

В цепи появился бинокль, пошел по рукам.

— Это же Тавтав! — Пастухи узнали того, кто появился впереди стада. — Он такой, он остановит!

Бинокль дали директору, он внимательно стал рассматривать пастуха. Было довольно далеко, и даже в бинокль нельзя было узнать человека по лицу, но по внешнему облику и по тому, как он бежал, это был не кто иной, как Тавтав, — лучший бегун во всей Алякватва-амской тундре. Бежал пастух легко, стремительно, как бежит олень, бежал красиво. Он не семенил, не мельтешил ногами, как это бывает,

когда бегут по кочкастой неровной тундре. Его бег походил на полет, слегка колеблющийся, волнистый.

— Откуда Тавтав-то взялся? — передавая бинокль дальше по цепи, спросил по-чукотски у пастуха Скрипин.

— Коо! Не шнаю! — ответил тот. — Олени, кашится, брикатира Еттегина, а Тавтав не у него пастушит.

— Это я и сам знаю. — Павел Иванович хмуро покосился на пастуха.

Стада все приближались, и теперь казалось, что и Тавтав не в силах остановить эти две лавины.

На склоне перевала, в противоположной от Тавтава стороне, появились новые люди, это бежали пастухи бригады Еттегина. Но они были далеко и ничего не могли изменить.

— Какого черта они пригнали сюда стадо? — размышляя вслух, сказал Скрипин. Он начал топтаться, побледнел, предчувствие чего-то недоброго растревожило его.

— Там что-то случилось. — К Скрипину подошел молодой оленетехник Нуваттагин. — Еттегин знал, что идет просчет стада Аретагина. Он не погнал бы сюда оленей.

Бинокль снова вернулся к Павлу Ивановичу. Директор стоял в окружении пастухов — худенький, маленький, в потрепанной заячьей шапке, похожий на капитана судна, потерпевшего катастрофу.

Олени из просчитанного стада почему-то остановились, может быть, Тавтава испугались или еще чего, — высоко поднимая головы, они смотрели на тех животных, что бежали им навстречу. Тавтав метнул аркан в сторону оленей, те испугались, повернули назад. Теперь Тавтав побегал навстречу новому стаду. Остановить оленей, которые бежали вниз по склону, было труднее. Они по инерции могли пробежать мимо, даже не замедлив бега. Тавтав понял, что бежать бесполезно, нужно сделать так, чтобы олени заметили его, нужно испугать их. Он стал прыгать на месте и махать руками.

Пастухи Еттегина, бежавшие вниз по склону, изменили направление, тесня все стадо в сторону. Тавтав все махал руками, подпрыгивал высоко и медленно шел навстречу оленям. На него должны были наткнуться олени и повернуть в сторону.

— Кажется, пронесет, не смешаются, — сказал директор, поняв замысел пастухов. Он опустил бинокль, покачал головой. — Ну беда с вами. С вами не соскучишься!

Просчитанное стадо оленей уже завернули те трое пастухов, что убежали из цепи. Они гнали стадо к озеру. Пастухи у загона стали вытягиваться в цепь, удивляясь тому, что их олени еще не убежали. Нужно было заканчивать подсчет аретагинского стада.

Бригадир Аретагин — большой и молчаливый человек с крупным, некрасивым лицом — стал гортанно покрикивать, «приглашать» оставшихся в загоне животных бежать в оставленный для них просвет. Олени стояли у воды, спокойные, ленивые, и не думали трогаться с места. Пришлось бригадиру подойти ближе и метнуть чаат. Олени закружились и стали неторопливо, группами втягиваться в просвет между людьми.

Павел Иванович побыл немного среди членов счетной комиссии и пошел по берегу озера к ложбине, где обычно прячутся пастухи, поджидая очередное стадо. Здесь, около большого костра, ждали пастухов женщины с обедом.

Ветер заметно поубавился, а в глубине ложбины было почти тихо; изредка лишь порывы его проносились здесь, и пламя костра тог-

да металось между закопченными ведерными чайниками, пофыркивая, прижималось к земле.

Павел Иванович попросил чаю. Молодая работница Рультынеут — полненькая, с пухлыми грудями жена бригадира Аретагина, такая же молчаливая, как и он сам, — подала директору кружку с чаем и небольшую мисочку с сахаром-рафинадом, спросила:

— Мясо будешь кушать?

— Метчынку — спасибо! — ответил Павел Иванович. — Придут пастухи, я с ними поем.

Рультынеут закивала головой и глянула на директора мягким, ласковым взглядом. Лет пятнадцать назад, когда ей было семнадцать лет, она была постоянной напарницей Скрипина на танцах. Тогда он еще был холостым, и она любила его, как любили его все девчонки. Скрипин был тут самый красивый из парней. Иногда с танцев он провожал Рультынеут домой, она даже к нему в гости ходила. Он тогда жил в большом доме, и в его комнатах кругом были книги. До сих пор в ней жили теплые чувства к нему, он напоминал ей былую юность.

Чай был горячим, душистым. Скрипин сделал несколько маленьких глотков, подивился, что с того момента, когда он испугался, что стада могут смешаться, он уже не чувствовал боли в сердце. Так и раньше бывало: волновался или увлеченно делал что-то — и забывал, не чувствовал боли. А не вызвана ли боль его мнительностью? Но нет! Вдруг он почувствовал ее. Медленно, медленно она росла в нем, как растет снежный ком. Он тяжело вздохнул, посмотрел на пламя костра, безнадежно что-либо теперь менять, никогда не вернуться беззаботные дни молодости. Никогда... Убежали розовые кони молодых лет, убежали все разом, табуном, и так быстро, что он и не заметил, когда это произошло, только все слышится ему дробный гул их копыт. Не вернуться кони, не вернуться прожитые дни. Не вернутся!

Он опять вспомнил о Юлии, и образ ее возник в нем емко, ошутимо, разрывая его на части.

— Что-нибудь нужно? — спросила услужливая Рультынеут, и черненькие ее глазки блеснули.

— Нет, ничего не надо! — ответил директор.

Он нагнулся, взял хворостину, сырую и гибкую, бросил в костер и стал смотреть, как она сначала лежала и не дымилась, а потом ее стало слегка корежить на огне, и вот она вспыхнула ярко и тотчас погасла, только угли остались. Некоторое время они сохраняли форму хворостинки, а потом исчезли.

— Вот и все... — сказал он глухо и задумчиво.

Скрипин допил чай и попросил Рультынеут налить ему еще. Та подошла с большим чайником, наполнила кружку, отошла в сторону и украдкой стала смотреть на Скрипина. Ей захотелось заплакать оттого, что теперь ей не семнадцать и что она никогда теперь не будет танцевать с ним в клубе.

Пастухи, окончив работу, один за другим стали подходить к костру. Они садились в круг, а женщины подавали им на толстых деревянных подносах порезанное на мелкие кусочки мясо. Пастухи, забыв о недавних волнениях, об усталости, весело разговаривали, смеялись, подшучивали друг над другом, ели мясо с наслаждением.

Потом подошли и члены комиссии. Как всегда хмурый, озабоченный, Петр Акимович Бессонов сел в стороне и стал ждать, когда и ему подадут еду. Лицо его с густыми, нависшими на глаза бровями было недовольно. За неделю, которую Бессонов прожил в тундре, среди молчаливых, как он сам, сопков, он соскучился по жене Алле и

дочке, худенькой и капризной, по своему рабочему кабинету в райисполкоме.

Пихают его во всякие дырки, куда другие не хотят ехать. И тем еще неприятна Петру Акимовичу эта командировка, что в начале сентября он собирался отправиться на курорт «Талая» под Магаданом, подлечить радикулит. И вот перед самым отъездом его вызвал председатель райисполкома и «обрадовал».

— Придется тебе, Петр Акимович, срочно выехать в совхоз «Революционер» на подсчет оленей.

Бессонов вздохнул, посмотрел на пастухов, которые с большим аппетитом ели мясо, глянул на директора совхоза Скрипина. Глянул сердито, будто тот во всем был виноват, потом так же сердито стал смотреть себе под ноги.

Бессонов был мнителен, недоверчив, а сегодня, когда чуть было не смешались стада оленей, недоверчивость его еще больше возросла. Он не знал, как лучше выяснить то, в чем он теперь подозревал пастухов. А они ели недоваренное мясо, весело посмеиваясь.

К костру подошел Еттегин, бригадир стада, которое так неожиданно появилось на перевале и чуть не смешалось с просчитываемым стадом оленей. Еттегин толст, неуклюж, на первый взгляд, но на самом деле он очень подвижен и проворен. Вместе с Еттегиным к костру подошли еще два пастуха и Тавтав.

Пастухи обменялись приветствиями, Еттегин сел в круг и тоже стал есть мясо. Скрипин сердито глянул на него и сказал:

— Ну и заварил ты, Еттегин, кашу!

Бригадир вздохнул, почесал затылок рукой, повернулся к Павлу Ивановичу.

— Волки олешек напугали. Держали стадо, эта, поблизости, за перевалом. Хотели, эта, как лучше. Кончите считать оленей Аретагина, а мы тут как тут. Не знали, эта, что так все получится. — Он обескураженно повел руками, как-то странно помаргивал глазами, словно в них попало что-то. — Волки, эта, из оврага выскочили, олени побежали, и мы не могли их остановить.

— Откуда здесь могли волки взяться? — удивился Скрипин.

— Наверно, из лесной стороны забежали, — сказал бригадир.

Старик Этлену уже пообедал, покуривал трубку. Лицо его спокойно, полно достоинства.

— Свой волков у нас нет, — сказал он. — Это тосьно чужой забезали. Свой мы давно стреляли.

— Свои, чужие, какая разница? Если бы смешались стада, то помучились бы. — Скрипин посмотрел на Еттегина и подумал, что теперь ругать его не стоит, сам он все понимает.

Обеденный перерыв подходил к концу, пастухи курили и пили чай.

Бессонов тоже пил чай, украдкой оглядывал всех. Его настороженность не давала всем покоя. «Тебе поручили такое дело, — разжигал он себя, — а ты мух ловишь. Они, может, за твоей спиной шельмуют, а ты разоблачить их не можешь».

— Признаться, товарищи, я только теперь понял, когда стада чуть не смешались, что у вас есть возможность шельмовать. — Он заговорил нарочито громко, чтобы все слышали. Бессонов думал, пусть они не считают его простачком, которого можно обвести вокруг пальца, пусть знают, что он догадывается о возможных проделках.

— Как это «шельмовать»? — недоуменно спросил Скрипин.

Пастухи молчали, не понимая, о чем идет речь, только смотрели на Бессонова — большого начальника, как они его называли.

— А очень просто, оказывается. Стоит перегнать из просчитанного стада столько оленей, сколько нужно в то, которое еще будут считать. Очень просто!

— Надо ж! — ошалело произнес Скрипин; за двадцать пять лет работы в совхозе, ему даже не приходила в голову подобная мысль.— А сколько нужно-то, как это узнать?

— Чего узнавать, на глазок можно прикинуть.

— Кого таким образом мы будем обманывать, тебя или себя?

— Зачем меня? Государство!

Пастухи перестали пить чай, смотрели все на Бессонова, пораженные высказанным им подозрением. Все понимали, что такого никогда не может быть; оленей не перегонишь, потому что сразу видно будет, что это чужие олени. В каждой бригаде свои метки.

— Давно я тебя знаю, а ты все такой же. — Скрипин махнул рукой. Он хотел быть спокойным, но лицо его побледнело, и он заерзал на месте; опять этот палящий зуд внутри, от которого корежит тело.

Бессонова директор не любил, как, впрочем, и Бессонов его. И это между ними еще с тех времен, когда они были молодыми. Теперь же Скрипин высказанное подозрение принял на свой счет.

Отойдя в сторону, он украдкой сунул руку в карман, вытряс из пузырька таблетку, сунул под язык и пошел к озеру. Сердце болело сильнее, и боль будто ширилась, округлялась, превращаясь в тот огненный шар, который совсем недавно ворочался в его груди.

У старого Этлену потухла трубка, дело это необычное, потому что она дымила даже тогда, когда он спал. Старик не спеша вычистил ее и стал набивать табаком. Все, что сказал большой начальник, сильно не понравилось ему. Он знал, что в такое подозрение понимающий человек не поверит, но там, в райцентре, люди видели оленя в основном только на картинке, им покажется это правдой, и станут думать они, что все пастухи мошенники. Этого нельзя было допустить.

— Плёко это! — сказал хрипло старик и скривил лицо, будто держал во рту что-то кислое. — Плёко думать так! Мы все шнаем свой олени, как дети. Тибе можно свой детей отдать чужой селовек? А?.. Нет! Так олени тозе нет!

Старику казалось, что он все как следует объяснил и начальнику теперь понятно, почему нельзя перегонять оленей из одного стада в другое. И он самозабвенно задымил трубкой, почувствовав облегчение оттого, что так хорошо все сказал.

Бригадиру же Еттегину объяснение старика показалось путаным. Этлену плохо говорил по-русски, и начальник мог не понять ничего. Сам Еттегин говорил по-русски хорошо и решил объяснить начальнику все в более понятной форме.

— Если у тебя клочок волоса отстричь и, эта, на голову Скрипина прилепить? Видно будет, а? У тебя волос черный, густой, а у него совсем лысина. У тебя будет заметно, и у него будет заметно. Как можно это оленей перегонять? Я вижу, он увидит, все увидят. Премия не нужно, у пастуха все есть. Мясо есть, шкуры есть — все есть. Зачем премия?

Бессонов молчал, хмуро смотрел на пастухов и думал: «Закудахали?! Видать, что-то есть на самом деле. Если все было бы нормально, не всполошились так бы».

VII

День и после обеда был пасмурным и ветреным. Тучи все ползли куда-то и ползли. Но на востоке открылась вдруг большая светло-зе-

леная полоса чистого неба. Словно начало дороги из холодного тучевого шатра.

Под вечер, когда уж было пересчитано стадо бригадира Еттегна и все собрались идти к палаткам, олентехник Нуваттагин, который всегда все первым замечал, увидел на востоке, у горизонта, какое-то необычное свечение.

— Смотрите, смотрите!.. — крикнул он оторопело. — Небо светится! Посмотрите, как светится небо!

Все посмотрели в сторону, куда показывал Нуваттагин.

Это был тот неизвестный, кого ждали так долго и тучи, и ветер, и сопки. Небо виделось розовым, с оттенком желтизны. Оно не мерцало, не переливалось красками, как это бывает при северном сиянии, да и не могло днем быть северного сияния. Оно мягко, приятно сочилось.

— Это солнце умерших, солнце верхних людей! — хрипло сказал старый Этлену. Пораженный собственной догадкой, он раскрыл рот, и трубка упала в траву, — Оно, наверное, пришло посмотреть на тех, кто должен скоро умереть!

Свечение не исчезало, стало еще четче и ярче. Просвет между землей и тучами расширился, и небо там было не зеленоватым, как раньше, а белым-белым.

— Какое это солнце! Просто закат отражается ото льдов, которые далеко в море, — возразил старику Нуваттагин. Он говорил громко, и слова его слышали все пастухи. Этлену ничего не ответил. И когда другие пастухи поддержали Нуваттагина, он тоже остался безучастен.

Свечение было недолгим. Вскоре небо у горизонта стало таким же светлым, с зеленоватым оттенком, как и раньше.

Пастухи не торопясь зашагали к палаткам, спокойно и чинно, как всегда обсуждаются новости, стали говорить о только что увиденном.

Старый Этлену поднял с земли трубку, пошел за всеми, молчаливо, сосредоточенно покуривая.

Все, что было в жизни старого Этлену, тесно связано с тем, что происходило в огромном мире — в природе. Он всегда зависел от этого. В трудные времена года приходилось работать день и ночь, быть изобретательным и ловким, чтобы сберечь оленей, не дать стихии уничтожить все то, что создавалось долгими годами, и не одним только им.

Вот почему Этлену боялся гнева Зимы — гололеда, когда от бескормицы погибают олени, а оставшиеся в живых дают больной, чахлый приплод.

Вот почему он боялся гнева Лета — сухости, когда олени заболели «копыткой» и гибли.

Гнева Зимы и гнева Лета боялись его деды и прадеды, веками они задабривали злых духов и веками учились распознавать их замыслы.

Все, что происходило на земле, пытался понять и осмыслить старый Этлену. И познанное им самим, а также дедами и прадедами, познанное в нелегкой борьбе за жизнь, помогало ему выжить. Теперь пришли другие времена, пришла иная жизнь. Молодежь уже не верит в предзнаменования и предсказания стариков, верит в книгу и технику, верит в радио, газеты. Этлену тоже верит во все это, но он еще верит и в предзнаменования, они неотделимы от него, как жизнь.

VIII

Иванов был в палатке, когда пришел пастух и сказал, что его зовет к себе директор. Иван Иванович лежал в одежде на кукуле и собирался зайти к Гале. Он сегодня видел ее лишь утром и то мельком, когда уходил вместе со Скрипиным в стадо. Весь день он думал о ней, будто не видел Галю давным-давно. Странно было ему ощущать в себе эту тоску. Да, встречались они, но Иванов не думал, что встречи эти, их отношения могут перерасти в такую вот тоску, в постоянное желание видеть Галю.

Вызов к Скрипину расстраивал его планы на вечер. Он нехотя поднялся и направился к площадке, где горел электрический свет. Здесь уже толпились люди, дожидаясь кино.

Пастухи как замороженные смотрели на поблескивающие детали аппаратуры, изредка перебрасывались словами. Два молодых парня пытались закрепить на невысоких столбах экран — продолговатую раму, обтянутую белым материалом. Экран тут же сносило ветром. Пастух опять становился на плечи другому и закреплял экран. Как только он спускался, экран тут же падал. Это веселило пастухов, и они смеялись, как дети. Женщины сидели на земле тесной группой и тоже хохотали.

Киномеханик Толя Эттынкев — молоденький юркий парнишка, маленький ростом, как двенадцатилетний мальчик, — бегал все время вокруг столба. У него что-то не ладилось с аппаратурой, посматривал он и на тех, что вешали экран.

— Порвете экран, директору скажу, — грозил он им.

Скрипина здесь не было. Тогда Иванов направился к нему в палатку.

Павел Иванович сидел за столом и что-то писал, он был в теплой куртке, без шапки.

— Проходи, садись на раскладушку. Я сейчас закончу.

Палатка была просторной, в ней можно стоять во весь рост. Кроме стола, за которым сидел директор, небольшого чемодана в углу да раскладушки, в палатке ничего не было, может, потому она и казалась просторнее, чем была на самом деле. Ветер порывами шевелил брезент, и он издавал глухой гул, казалось, где-то неподалеку бьет кто-то в ярар.

Скрипин, отложив бумаги, поверх очков посмотрел на Иванова.

— Нам с тобой нужно подбить итоги по всем бригадам, — сказал он. — Я думаю, завтра до обеда мы пропустим последнее стадо, его пораньше подгонят, я говорил пастухам. А потом проведем производственное совещание. Нужно поговорить с людьми, потом времени не будет. Начнется праздник, потом отъезд — не до заседаний будет. Завтра ночью должны прийти вездеходы. Надо подумать, как людей разместить. Давай посидим с тобой ночью и дело сделаем.

Иванов согласно кивнул головой. Но тут же спохватился. У директора было плохо с сердцем, и если он ночью просидит за бумагами, то сердце опять даст о себе знать.

— Павел Иванович, вы отдыхайте. А я позову Серова, и мы с ним все сделаем.

Скрипин усмехнулся, снял очки.

— Ты не волнуйся, ничего со мной не будет. Не привыкать. А Серова звать бесполезно: занает. Мол, и ночью ему покоя не дают. И нам не даст поработать, будет выдвигать всякие прожекты. — Павел Иванович безнадежно махнул рукой. — Давай-ка мы уж с тобой постараемся. Все будет хорошо.

Иванов достал документы, зажег вторую керосиновую лампу. И они принялись за дело.

В палатку тихо вошел киномеханик Толя Эттынкев. В нерешительности потоптался на месте, кашлянул несколько раз.

— Павел Иванович, у меня все готово. Вы просили сказать?

Скрипин поднял голову, посмотрел на часы, вздохнул:

— Какой сегодня фильм-то?

— «Белый взрыв».

— Не видел, и посмотреть не придется. Что у тебя было с аппаратурой?

— Да лампа сгорела.

— Это ничего. Начинай без меня. Людей много собралось?

— Много.

— Вот и крути. Не часто мы пастухов балуем фильмами.

Толя побежал показывать пастухам кино.

— Хороший парнишка, — улыбнулся Павел Иванович. — Представь. Приходит в контору и говорит: «Директор, пошли меня на киномеханика учиться». А сам маленький такой, щекастый. Смех! «Ты, видно, кино сильно любишь?» Кивает головой. «А за что?» — «Если бы не было кино, так и революции в нашей стране не было бы», — «Это почему?» — спрашиваю. — «Люди увидели, как при царе плохо жить, и революцию сделали». Умора! Я ему говорю: «Ты, Толя, подрасти немного, кончишь восемь классов, и пошлем мы тебя учиться». Ушел обиженный. Года через три приходит опять: мол, закончил восемь классов. Послали мы его в кинотехникум. Год, как вернулся. Хорошо работает. Хотели его оставить в поселковом Доме культуры, не захотел. Говорит, буду в стадах работать.

Допоздна они просидели в палатке. Лишь когда работа была закончена, Павел Иванович поднялся из-за стола.

— Пора на боковую, а то у меня глаза ломит от такого тусклого света.

Вышел на середину палатки, проворно замахал руками, несколько раз нагнулся и свободно, не сгибая ног, дотянулся руками до пола.

— Ты смотри, я еще гибкий! — удивился он сам себе.

По подсчетам, которые они только что провели с Ивановым, совхоз добился неплохих результатов. План по сохранности и приросту молодняка был значительно перевыполнен.

— Врачи рекомендуют прогулки перед сном. Может, и мы пройдемся? Как думаешь?

— Пойдемте, — согласился Иванов. — У меня что-то ноги отекали, на раскладушке неудобно было сидеть.

Они погасили лампы, вышли из палатки. И удивились — на улице тихо, тепло. Небо сияло крупными звездами. Луны пока не было видно.

— Завтра, наверное, будет хорошая погода, — сказал Иванов. — Небо-то все чище и чище становится.

— Хорошая погода нам на руку. Я вот вспоминаю, в первые дни, когда приехал на Чукотку, по годам был такой же, как ты, поразила меня простота в природе. Одни сопки коричневые стоят, ничего здесь еще не тронuto, не испорчено, будто вчера родилось. Тридцать лет без малого прошло, а вот это первое ощущение живет во мне. Наверное, и умру с таким чувством, что жил на земле, которой еще предстоит постареть.

— Павел Иванович, вы хорошо говорите по-чукотски. Давно учили?

— В первый год, как приехал. Я-то, что, знаю язык на троечку, а

пот в Магадане живет мой хороший знакомый — этнограф, тот, действительно, на пять знает. Он и книги с русского на чукотский переводит. А я приехал сюда после педучилища, назначили меня учителем красной яранги. В первые дни в тундре с помощью переводчика пришлось объясняться. Присмотрелся, думаю, так дело не пойдет. Не выгодно все время таскать за собой переводчика, решил изучить язык. Месяца через три я уже говорил. Потом меня избрали председателем здесь, раньше тут был не совхоз, а колхоз, это уж потом его в совхоз реорганизовали.

Они вышли к реке и остановились на берегу.

— Язык чукотский и тебе нужно знать, — после недолгого молчания сказал Павел Иванович. — Работать легче будет и вообще по-другому все будешь воспринимать. Конечно, теперь каждый пастух говорит по-русски, но и ты учи их язык — пригодится. Если, конечно, думаешь работать в совхозе... Знаешь, что я тебе хотел посоветовать? — совсем неожиданно сменил он тему разговора. — Ты не больно шикуй, не увлекайся всякими такими прелестями. Тут есть некоторые, что выпить любят. Если с ними свяжешься, до добра не доведут. Здесь беречься нужно от всего такого, это я по себе знаю.

— А я совсем не пью, — сказал Иванов и вроде бы засмутился оттого, что не пьет.

— Ну извини, извини за нравоучения. Это хорошо, что так... но ведь знаешь, всякое бывает...

Скрипин замолчал, с досадой подумав, зачем он говорит все это Иванову, которого вовсе не знает. Вроде подозревает в чем-то. Не-хорошо!

— Да нехорошо, — сказал он это слово вслух. — Бессонов меня сегодня ошарашил. Вечно он подозревает всех в чем-то. Скандальный мужик. Я, как узнал, что он председателем счетной комиссии будет, ждал, что-нибудь да выкинет! В прошлом году в соседнем совхозе он по два раза заставлял стада просчитывать. Ему все кажется, что вокруг одни жулики и только он один честный. А, ну его! В такую ночь хорошо с девушкой гулять. — Скрипин улыбнулся, спросил: — Ты-то с Галей по-серьезному или как?

Иванов неопределенно пожал плечами и ничего не ответил.

— Девушка она хорошая. До нее тут была одна, такие штуки устраивала, только держись. Всю работу развалила. Бывало, спиртику глотнет и давай куролесить. А Галя молодец, ничего не скажешь.

Кругом было тихо-тихо. Скрипин перестал говорить, и тишина стала еще ошутимее.

Иванов подумал, что только здесь, на Дальнем Севере, тишина может быть такой необычно-торжественной.

Луна поднялась уже высоко, бросала на землю голубоватый, будто неоновый свет.

Павел Иванович и Иванов, пожелав друг другу спокойной ночи, разошлись по палаткам, каждый уносил с собой приятное чувство от хорошего разговора.

IX

Утро занялось теплое, солнечное. В палатках люди проснулись рано. Веселые голоса женщин у костра, приглушенный смех мужчин, убаюкивающий рокот реки, перебранка что-то неподеливших собак. Все эти звуки слились в единый радостный гам и заполнили Алькатваамскую тундру.

Сегодня заканчивается работа по пересчету оленей, завтра наступит долгожданный праздник. Погода стоит хорошая, по всем приметам будет и завтра она такой; все это вселяло в людей радостное возбуждение, веселье.

Дым от костра неподвижным столбом тянется ввысь и где-то высоко-высоко рассасывается, превращается в само голубое, безоблачное небо.

Пастухи у костра пьют чай. Одежда и лица их алые от солнца. Добродушны и оживленны сегодня они, байки рассказывают, подшучивают друг над другом. Кто-то начинает подтрунивать над молодыми пастухами из бригады, где учетчиком работает бегун Тавтав. Мол, завтра на празднике Тавтав не выиграет приз в беге с палкой, — ослаб он, состарился. Пастухи горячатся, защищают своего товарища, говорят, что не было еще таких соревнований, на которых Тавтав проиграл бы, что теперь еще лучше стал бегать. Вчера это все видели. Он предотвратил смешивание стад! Горячатся молодые пастухи беззлобно, шутя, кто не знает Тавтава! Нет, сторонников Тавтава не разыграть. И тогда начинают подтрунивать над Аретагиным, молчаливым, как камень, пастухом. Он высок и широкоплеч, всегда выигрывает соревнования по борьбе, а приз вот ставят за борьбу самый плохой. Выходит, зря он побеждает, не уважают теперь борьбу. Все лучшие призы для победителей в бегах: оленя за бег, приемник дорогой или магнитофон тоже за бег. Аретагин ухмыляется. Широкое лицо его добродушно.

— Для пастухов бег — самое главное, — пытается кто-то объяснить. — Будешь плохо бегать, оленей не сможешь пасти. Вот и правильно делают, что лучшие призы дают за бег.

— А ты молчи, — советуют ему, — не с тобой говорят, а с Аретагиным. Ты спокойный, даже равнодушный человек, Аретагин. Себя совсем не ценишь. Другой пошел бы к директору, ударил бы кулаком по столу — давай победителю в борьбе самый большой приз — оленя!

Аретагин все улыбается, а пастухи качают головами; мол, этого медведя никак не расшевелишь. Рультынеут смотрит на своего мужа и думает, что с ним она никогда не танцевала и не потанцует. Он неповоротлив и тяжел. Она вздыхает, прячет в меховой воротник керкера лицо, чтобы никто не видел ее печали, начинает вспоминать, как ей было хорошо, когда она совсем еще молодой ходила танцевать в клуб.

Женщины достают из котла большими металлическими Крючками куски мяса, кладут на подносы, режут и подают мужчинам.

— Вы будете есть мясо? — спрашивает Рультынеут у Скрипина.

Тот кивает утвердительно, и женщина пододвигает ему полную тарелку.

На склоне перевала уже появилось стадо оленей — последнее не просчитанное стадо.

Потом все встанут и идут к озеру. У костра остаются женщины да старый Этлену. Сегодня он почувствовал себя нездоровым, и директор освободил его от работы.

Этлену совсем заскучал. Седой, длинноволосый, с худым морщинистым лицом, сидит он у костра, курит свою трубку, думает. Со вчерашнего дня, когда Он увидел необычное свечение — солнце верхних людей, — его покинуло прежнее душевное равновесие. Мысли грустные не выходили из головы. То, что увидел старик вчера, поразило его. Странное это было свечение. Что ни думай, ни гадай, а это все-таки солнце верхних, умерших, людей, чьи души давно улетели в небеса. Только подозрительно было старику: зачем оно появилось в такой па-

смурный день, накануне праздника, когда люди ведут счет народным оленям? Думалось ему, что все это неспроста.

Этлену запыхтел трубкой, с досадой сплюнул. Совсем не хотел вспоминать, обмануть хотел память. Но не обманул...

Дело было зимой. Вез он Скрипина, тогда еще совсем молодого, на собачках в стойбище. Едут они, а Скрипин рассказывает, каким будет их колхоз в будущем. Не верилось тогда Этлену, что построят дома, в которых будут жить пастухи, школу, магазин, Дворец культуры — все то, что теперь есть в их совхозе, не верилось, что пасти оленей будет помогать техника. Теперь без тракторов и вездеходов, на которых завозят продукты, перевозят с места на место вещи, при перекочевке не обойтись. Все, о чем рассказывал тогда Скрипин, походило на сказку, на обман, при помощи которого этот человек хотел завоевать их доверие. Прошло время, состарился он, Этлену, уже не такой молодой, как прежде, и сам Скрипин, и все, что говорил, сбылось. Выстроили люди большой поселок с красивыми высокими домами. Тепло, светло в них, хотя и не привычно, все кажется, что яранга лучше. За водой не надо бегать, вода есть в квартире, есть даже место, куда можно сходить по надобностям. Смешно! Чего только люди не придумают!

В ту поездку погода была хорошая, стоял сильный мороз, светила луна. До землянки, в которой они решили заночевать, оставалось совсем немного, когда на небе в стороне моря увидели разноцветные полосы огня. Стало так светло, что можно было разглядеть каждую волосинку на кухлянке. Долго они стояли, смотрели на небо, ахали; восхищение передалось ему от молодого Скрипина, который первый раз видел сияние в небе. Когда погасло, они поехали дальше. Помнит Этлену, что в ту ночь в его яранге умерла первая жена, которая долго чем-то болела. Он восхищался огнем на небе, а в яранге умирала его жена. Может, и теперь, думал он, те, кто восхищался этим свечением, не досчитаются завтра своих родственников?

Старик был уверен, что не к добру появилось свечение.

Солнце поднялось уже, было яркое, теплое, вроде не осеннее. Старый Этлену сидел у костра, курил трубку и все размышлял об увиденном вчера свечении в небе.

Х

До самого обеда Иванов у озера считал последнее оленье стадо. Потом было собрание. Он не ожидал, что пастухи так заинтересованно и со знанием дела будут говорить обо всем. Критиковали специалистов, управленческий аппарат, самих себя за неполадки. А как зашумели все, когда объявили, что первое место по показателям заняла бригада Етегина! Не любят они его, что ли? Или наоборот, все рады были, что он победитель? Почему со слезами на глазах убежал с собрания молодой бригадир Гыргольтагин? Вроде и у него приличный результат — четвертое место. Не знал пока Иванов, что происходит среди пастухов, и досадовал на это.

— Ты не переживай, — сказала ему Галя, когда они сошлись вечером у реки. — Пастухи — скрытный народ. Они считают нас временными. Вот Скрипин у них — свой, чукчей его зовут и обо всем ему рассказывают. Тебе они ничего не будут говорить, ты для них пока загадка. С какой стати они тебе будут доверяться?! Знаешь, какое тебе прозвище дали?

— Прозвище?

— Три Ивана.

— Хм, новость! Меня и в институте так звали.

— Ну, в институте тебя звали потому, что ты Иван Иванович Иванов. А здесь потому, что хорошо оленей считаешь. Мне женщины рассказали.

— Если женщины, тогда конечно!..

Ему захотелось сказать ей что-то нежное, но постеснялся. Все слова, которые он знал, казались ему слишком обычными. Иванов взял Галю за руку и привлек к себе. Галя была сейчас тихой и покорной. Волосы ее пахли лекарствами и еще чем-то неуловимо тонким и призывным. «Тундрой, наверно», — подумал он и стал жадно, просто неистово целовать ее лицо и руки.

Он еще боялся тех необычных, необходимых слов, но они уже рождались в нем и были предназначены только ей.

...Ночь была морозная, взошла спокойная яркая луна. Они взялись за руки и стали подниматься на холм.

И, когда они поднялись на его плоскую вершину, увидели внизу, там, где центральная усадьба совхоза, два ярких пучка света. Лучи скользнули по небу, нырнули к земле, и вот на перевале появилась первая машина — звонкий, натуженный рокот ее покотился по долине. На перевале появилась вторая машина, затем третья, четвертая, пятая. Вездеходы грохотали гусеницами, как танки, стремительно катились вниз, будто шли в атаку.

Вездеходы остановились у переката — самого мелкого места, как бы раздумывая, входить или не входить в воду, уставились яркими пучками фар в серебристую гладь реки. На противоположном берегу появились пастухи. Они стали что-то кричать, видно, показывали дорогу. Машины взревели, сорвались с места. У палаток вездеходы обступили люди.

Иванов и Галя спустились с холма и побежали к машинам. Галю уже искали. В ее палатке должны были разместиться девушки из агитбригады.

XI

В палатке, в которой жили Иванов и бухгалтер Серов, поселился Ветров — товарищ из райцентра. Это был еще молодой, может быть, всего лет на пять старше Иванова, человек. Чем-то Иванову он напомнил дружка по институту. У Ветрова та же манера, пожав руку незнакомцу, считать его своим в доску.

— Мне о тебе Серов рассказывал. Ты, говорят, феноменально считаешь, — сразу же перешел на «ты» товаровед. — Слушай, это здорово! Мне бы такие данные.

Иванов снял куртку и сел на разостланный спальный мешок. В палатке горела свеча, и ее свет слабо освещал лица людей и предметы.

— Ты зубы не заговаривай, что-нибудь выпить привез? — допытывался бухгалтер Серов.

— Какие могут быть разговоры! Ты, Григорий Ильич, еще сомневаешься. Нехо-ро-шо! В качестве прописки угощаю «Плиской».

Ветров порывлся в объемистом рюкзаке, достал бутылку, поставил ее перед Серовым.

— Давай команду!

Бухгалтер весь преобразился, и стало видно, что он любит выпить.

— Я как чувствовал, что вы сегодня подкатите. Я даже мясо с ужина прихватил.

Серов разливал по стаканам коньяк, делал он это осторожно, боясь пролить и перелить.

— За благополучный приезд и за все такое!

Бухгалтер, не дожидаясь никого, выпил, усмехнулся непонятно чему.

— Самое большое горе в моей жизни было, знаете, какое? — Ветров сидел уже в меховом мешке со стаканом в руке. — Нет, не отгадаете.

— Когда баба, что ль, ушла? — Серов ухмыльнулся.

Ветров поднял стакан на уровне глаз, посмотрел темно-коричневую жидкость на свет. Закусывать не стал, только понюхал кусочек хлеба и отложил его в сторону.

— Вы командуйте, а я спать. Не могу, устал как собака. Два раза нынче застревал. Лопатой отгребали-отгребали, а он все равно буксует.

Ветров полностью залез в кукуль, видна была только его волосатая большая голова.

Серов аппетитно жевал мясо, а Иванов молча смотрел на него. Не мог он понять этого человека. Какой-то он странный.

— А ты чего посуду задерживаешь? — спросил бухгалтер и глянул на зоотехника испытующе.

— Я, Григорий Ильич, не пью.

— А ты и впрямь девица красная. — Серов добродушно закивал головой. — Я те честно скажу: тут, на Севере, всему научишься. Здесь, бог ты мой, вольная жизнь, деньжата водятся, скука к тому же. Ну да что там, скоро все сам узнаешь. Ты как хочешь, а я выпью. Хм! Скрипин раньше меня все прорабатывал: «Не пей!.. Не пей!» Теперь бросил, видит, не помогает. Сам-то раньше как керосинил. Ты не гляди, что теперь он весь такой идеальный, раньше и за бабами ухлестывал, выпить был не дурак. Теперь утихомирился. Ты думаешь, почему у них с Бессоновым война? В молодости Скрипин с его бабой путался. Видная девка была, это теперь-то зачахла.

Серов поднял стакан, глотнул, откусил яблоко. Лицо его с толстыми, отвислыми щеками и узким лбом, стало красным, глаза помутнели.

Иванов не хотел видеть в Павле Ивановиче святого, но было как-то неприятно слышать нелестное о человеке, которого уважаешь. Он снял с себя верхнюю одежду и тоже залез в спальный мешок. Спать не хотелось, он лежал и смотрел перед собой.

— Между прочим, — опять заговорил Серов. — Я те честно скажу: парень он неплохой. — Бухгалтер кивнул на спящего товаровед. — Парень он мировой — рубаха. Раньше не пил, как вот ты. Приехал такой чистенький, худенький. Потом она от него уехала — и пошел! Баба у него была рослая, бедра во-оо, холеная, как графиня. Такая любого закрутит. Ты вот подумай? — Серов посмотрел на Иванова и перешел на шепот, словно говорил о великом секрете. — Какая баба здесь будет жить? Кругом глушь, белое безмолвие, а там «материк» — театры, кавалеры и прочее. Ловкие теперь пошли девахи, приедут, подженятся, родят ребенка и смываются, а ты плати алименты. Понял, какой у них бизнес?

Серов налил еще коньяка, выпил. Иванов смотрел на него и думал, что Серова вовсе не волнует то, о чем он говорил. Он говорит просто так, из-за подпития.

Иванов лежал и думал о своем: о Гале, о доме, институтских

ребятах, о тундре. Нет, он не жалел, что получил назначение в этот совхоз на Чукотке. Он со школьной скамьи знал, что пойдет учиться на зоотехника. Он любил животных и в летние каникулы пропадал на ферме. Наверное, оттуда, от тех дней и тянется дорожка, по которой ему предстоит пройти всю жизнь.

— А знаешь? — опять заговорил Серов. — Я те честно скажу: знаю, о чем ты сейчас думаешь. У тебя на морде это написано. Ты думаешь, что не хотел бы быть таким, как я. Твой идеал — Скрипин. Хочешь походить на него, хочешь самоотверженно работать, быть полезным. Да, ты будешь таким, как он! Бу-дешь!

Он потянулся к бутылке, слил остатки в стакан, выпил и не стал закусывать.

— Я в форме. Пора мне спать. Ты, Ваня, прости, если чего не так, я безобидный. Я мог бы, но понимаешь...

Последние слова Серов произнес невнятно, он был пьян и через несколько минут спал, блаженно похрапывая.

Иванов потушил свечу, в палатке запахло воском, как в церкви. Снова подумал о Гале, спит она теперь или нет, а может, как и он, лежит и думает о нем. Иванов хотел посмотреть время, но в палатке было темно, и он поленился искать спички.

Часто бывает так: ночью почему-то не спится и начинаешь думать обо всем. Иногда одолевают сомнения. Но одно несомненно, это желание постичь себя, найти нужную ноту в душе, не фальшивую, а звонкую и свежую, как утренний воздух. Теперь он думал о себе, о Гале. Он верил, что все у них будет хорошо, ему всегда везло, повезет и на этот раз.

XII

Чуть-чуть заалел восток, а женщины уже развели костер и вскипятили чай.

Было холодно, к костру один за другим потянулись пастухи — любители почаявать. Они жались к огню, шутили. Пришел старый Этлену — в новом малахае, расшитом разноцветным бисером. Старик блаженно посасывал трубку и поглядывал на восток, где занималась заря. Проснулся и киномеханик Толя Эттынкев.

К костру подошел Скрипин, поздоровался со всеми. Директор был в ватной куртке, но в белой рубашке и при галстукке — и это все заметили, несмотря на то, что было еще темно. Впрочем, почти все, кто собрался у костра, были в обновках.

Ну что ж, сегодня праздник!

Синяя прохладная дымка над тундрой походила на туман, но это был не туман, а дыхание осени. Сопки и вся долина побелели от инея. На берегах озер и рек, которых в низине много, кое-где желтели костры неопавшей листвы. Тихо кругом, морозно, пахнет дымом и тундровой ягодой шикшей, ее здесь так много, что ею устлана вся земля.

Хорошо! Утром всегда хорошо!

Заря с каждой минутой становилась ярче. Вот уже полнеба полыхает алым, вершины сопок порозовели, и долина, впитав свет зари, тоже разрумянилась. Потом алый шатер на востоке дрогнул, поднялся выше, и появилось солнце — его алая макушка.

В палатках уже никто не спал. Все собрались у костра и ждали, когда подгонят стадо. В праздник День Молодого Оленя ведут забой оленей, шкура которых пойдет на пошив меховой одежды. Это день сбора тундрового урожая. Правда, теперь уж не бьют много оле-

ней — шкур хватает в совхозном складе, но традиция соблюдается. И этот день — любимый праздник у пастухов.

Вот на склоне перевала появились олени. Мужчины у костра ожились. Когда стало подгонять ближе к палаткам, Этлену, как старейший бригадир, поймает чаатом и забьет самого жирного молодого оленя.

Из палаток принесли копьё, увитое ленточками. Наконечник копьё стерт, сточен, и сама рукоятка такая темная, отшлифованная, что походила на пластмассовую. Копьё сто лет, а может быть, даже больше. Еще дед старого Этлену колот им на празднике оленей.

Стадо подогнали ближе к палаткам. На ровной площадке, уже с другой стороны озера, решили забить несколько животных. Когда все было готово к церемонии отлова молодого оленя, спохватились, что по традиции до оленя, которого должны убить, сначала обязан дотронуться копьём ребенок — будущий оленевод. А детей здесь не было, все уехали в школу в поселок. Тут кто-то вспомнил о кинемеханике Толе Эттынкеве: он маленького росточка и вполне сойдет за ребенка. Побежали к нему, стали упрашивать, чтобы оставил пока свою аппаратуру, надел кухлянку и бежал в стадо. Толя заулыбался, мол, нечего комедию разыгрывать, ему стали объяснять, что это традиция, а традиции и старые обычаи надо уважать. Наконец парень согласился, надел кухлянку поверх своей курточки и весело побежал в сторону оленьего стада, где уж собралась толпа людей.

Этлену, собрав кольцами чаат, упругой, молодцеватой походкой вошел в глубь стада, расколов его на две части. Олени забегали, забеспокоились, стали хоркать. Этлену ходил по стаду, отыскивая молодого бычка-клеупечвака, телочку ему не хотелось ловить, от нее будет потомство, искал и не находил. Наконец увидел, метнул чаат и захлестнул петлю на тонких рогах бычка. К Этлену побежал с копьём Эттынкев, коснулся копьём оленя; пастухи зашумели одобрительно, ритуал соблюден. Эттынкев и Этлену оттащили телка подальше от стада, и старик ударил копьём под лопатку. Телок зашатался и рухнул на бок.

Теперь отлавливали и забивали тех оленей, мясо которых повезут на продажу в поселок.

Солнце поднялось и было по-весеннему теплым. В такую погоду хорошо работается. Пастухи управились с забоем и потянулись к костру. Женщины уж сварили мясо, вскипятили чай.

У костра много людей — пастухи, гости. Лектор-международник, который приехал ночью на вездеходе, решил прочитать лекцию сейчас, потом все разбредутся и никого не соберешь. Говорил он громко, все его слышали, и это нравилось пастухам — коль говорит громко, значит, хорошо знает то, о чем рассказывает. Пастухи с интересом слушали лекцию.

После угощения начались соревнования. Нуваттагин приказом директора назначен главным судьей соревнований, он выставил на всеобщее обозрение призы. За первое место в беге предназначалась молодая оленица — наупевчак. Она была привязана арканом к колышку, вела себя беспокойно, и это всем нравилось — хорошая вырастет важенка. За второе место — «Спидола», поблескивающий в лучах солнца радиоприемник. За третье — отрез цветастого материала на камлейку и расшитые бисером камусовые торбаса.

Вот появились и бегуны. Одежда на них легкая, удобная и прочная. Кухлянки сшиты из телячьих тонких шкур, летние малахаи украшены бисером, на ногах чыверики — чукотские тапочки — с высокими голенищами, сшиты они из прочной дымленой кожи.

Самая красивая одежда на Тавтаве: он из года в год в беге занимает первое место. Все ладно на нем — и кухлянка, и малахай, отороченный мехом росوماхи, и широкий пояс, украшенный медными, поблескивающими на солнце пуговицами. Даже чыверики на Тавтаве расшиты разноцветными кусочками кожи. Красивый, стройный парень Тавтав и заметно выделяется среди бегунов. Девушки поглядывают на него и шепчутся о чем-то между собой.

Нуваттагин поднял руку и махнул ею. Бегуны сорвались с места и побежали к сопкам. Путь им предстоял немалый, нужно обогнуть вокруг сопкок, а на это уйдет часа два-три.

Когда бегуны скрылись за перевалом, Нуваттагин стал приглашать желающих принять участие в борьбе. На площади, на ровном месте выставили призы — и здесь был радиоприемник, отрезки ситца, торбаса, малахаи, камусовые и нерпичьи рукавицы.

Первым в образовавшийся круг вышел Етылен, пастух из четвертой бригады — коренастый, крепкий парень. Боролся он хорошо, но не лучше всех, просто он любил начинать бороться первым. Етылен, обнаженный по пояс, стоял в центре круга и ждал, когда объявится соперник. Ждать долго не пришлось. Вот один из парней сбросил кухлянку и шагнул навстречу. Долго ходят борцы, согнувшись, выбирая момент, когда соперник расслабится, чтобы схватить его и бросить на землю. Вот Етылен хватает парня, отрывает его от земли и швыряет на лопатки. Толпа гудит — ловко бросил, ничего не скажешь. Етылен отпускает противника и встает. Парень поднимается с земли и хватается за пояс. По правилам чукотской борьбы противник тогда считается побежденным, когда сам сдается. Соперник Етылена не сдался и теперь пытается припечатать Етылена к земле. Пастух из четвертой бригады ловок, увертлив, высвободился из объятий соперника, второй раз швырнул его на землю и держал до тех пор, пока тот не сдался.

Етылен остался в кругу, а парень, опутив голову, ушел. Побороться с Етыленом решил еще один пастух. И не успел, как говорят, опомниться, тут же оказался на лопатках. Махнул рукой и под всеобщий смех ушел назад.

— Может, отдохнешь? — спросил у Етылена судья Нуваттагин.

— Нет, я не устал, — отвечает тот гордо.

Етылен стоял подбоченься в центре круга и ждал очередного противника. Долго никто не шел. Етылен уж стал замерзать, но вот пробились в центр круга киномеханик Толя Эттынкев и стал раздеваться.

— Ты куда? — говорили со всех сторон. — Подрости, а то задавят. Вон тут какие парни собрались!

Толя насупился, глаза его вдруг заблестели.

Етылен, видно, надеясь на легкую победу, безмятежно улыбался. Эттынкев почти в два раза был ниже его ростом. Но случилось невероятное: не успели соперники взяться за руки, как Етылен оказался на лопатках и, завопив, неизвестно почему, сдался. Толпа ахнула от удивления. Вот так Эттынкев! Никто не мог понять, каким образом такой здоровый человек, как Етылен, оказался на земле и почему он орал не своим голосом. Побежденный лежал на земле и паялил глаза на киномеханика. А Толя стоял спокойный, изредка лишь бросал взгляд на Олю Кулю, ради которой он и вышел бороться.

— Мне показалось, что он руку ломает, — поднимаясь с земли, в оправдание сказал Етылен.

В толпе дружно засмеялись.

Нуваттагин объяснил всем, что Толя Эттынкев провел прием вольной борьбы, который называется «бедро». С тех пор за киномехани-

ком закрепились кличка «бедро», по-чукотски «ыпыскыльгин». От этой клички он не избавится до самой смерти, будет стариком, все забудут, откуда взялось это прозвище, но его все равно будут так называть.

Бороться с Толей Эттынкевом вышел Тыттегин, опытный и сильный борец, хитростью его не возьмешь. Тыттегин все время держал соперника на дистанции и, когда тот устал, уложил его на лопатки. Толя сдался: Тыттегин был сильнее. Болельщиками проигрыш кино-механика был воспринят как удача, оказать такое сопротивление второму борцу во всей Аляктваамской тундре — дело почетное.

Киномеханику пожимали руку, хлопали его по плечу, говорили комплименты. Только Оля Кулю, капризная и самолюбивая девушка, почему-то расстроилась, убежала в палатку, и все видели, что она плакала. А по-старому поверью, девичьи слезы или к дождю, или к свадьбе.

Последними сошлись Тыттегин и Аретагин. Бригадир Аретагин, высокий, широкий в плечах, мускулы буграми играли на его спине и руках. Он съедал пол-оленья, выпивал ведро чая и мог побороть самого медведя. Тыттегин был пониже Аретагина, но так же силен и ловок.

Сошлись борцы, заходили по кругу, выжидая подходящий момент. Вот Тыттегин изловчился, подхватил Аретагина и... Все ахнули. Но нет, не так-то просто бросить на землю Аретагина! Опять ходят борцы по кругу. Теперь уж Аретагин хватает в железные тиски соперника, кажется, не миновать Тыттегину поражения, но и он выскальзывает из объятий.

Долго идет борьба. Устали борцы, тела их стали розовыми, потными, облако тумана повисло над ними. Болельщики не жалеют сил — кричат, подбадривают:

— Дави его, дави!

— Пусть поцелует землю спиной!

Устал Тыттегин, дышит тяжело, глаза застилает пот. Нет еще человека, который поборол бы Аретагина. Вот хватает Аретагин Тыттегина и швыряет на землю. Гул раздается в толпе, Тыттегин сдался.

Когда борцам стали вручать призы, из толпы, расталкивая всех, вышел Гыргольтагин.

— Стойте, я хочу побороться с победителем! — крикнул он.

Молодой бригадир, не дожидаясь, что ответят ему, снял кухлянку и вышел в центр круга. Он дрожал от напряжения и нетерпения.

В толпе зашумели: это, мол, не по правилам, Аретагин устал, и ему нужно отдохнуть. Шум еще сильнее возбуждал Гыргольтагина, он думал, что победит и станет первым. Пришло время ему подшучивать над другими, и отец был бы горд за него. Пусть пока он не первый на работе, там он еще себя покажет, но здесь он будет первым. Те, кто служил с ним, смотрят и улыбаются, не хотят, чтобы он стал победителем. А он станет им, и они будут посрамлены. Он давно ждал этого дня. Аретагин согласился бороться с Гыргольтагином. Он отдал приз судьбе и вышел в круг.

Аретагин, по натуре спокойный, добродушный человек, теперь разозлился. Он не любил, когда кто-то сомневался в его победе.

Они сошлись, их кости трещали от напряжения и страсти. Гыргольтагин был слишком молод и слаб, чтобы устоять против Аретагина. Тот скрутил его и ахнул о землю. Боль и холод пронзили Гыргольтагина, он задыхался, у него лезли глаза из орбит от напряжения, но не сдавался. Аретагин пожалел молодого бригадира, поднялся, от-

пустил его, Гыргольтагин, как разъяренный волк, снова бросился на соперника. Аретагин скрутил его и второй раз бросил на землю. Теперь он держал его дольше, кровь тонкой струйкой потекла из носа Гыргольтагина. Аретагину стало жалко парня, он поднялся и отпустил его, хотя так и не услышал слова «сдаюсь» из его уст. Гыргольтагин поднялся и опять бросился на Аретагина, тот увернулся, захватил руками Гыргольтагина сзади и бросил через себя на землю.

— Сдаюсь! — выплюнул с кровью позорное слово Гыргольтагин.

Молодой бригадир встал с земли, поднял кухлянку и, шатаясь, пошел к реке. На берегу, в кустах он стал плакать и бить себя кулаками.

Борцы получили призы и, окруженные болельщиками, направились к костру, где всех ждал чай.

Вот кто-то посмотрел в сторону сопок и закричал:

— Бегут, бегут!

Первым бежал Тавтав. Бег его легок, красив и необычен. По тому, как бежал Тавтав, нельзя было сказать, что им преодолен долгий путь. Он будто летел по воздуху, и все у костра восхищенно смотрели на него. Тавтав подбежал к палаткам, люди обступили его, стали поздравлять с победой, ассистенты бегуна уже отвязали молодую оленницу и повели к себе в стадо. Оленица упиралась, испуганно хоркала.

После состязаний по бегу и борьбе начались состязания в национальном тройном прыжке, метании чаата, стрельбе из винтовки. Ко всеобщему удивлению и неописуемому восторгу женщин, победительницей в стрельбе стала жена Аретагина — молодая работница Рультынеут. Мужчины поздравляли ее, чесали затылки и говорили в свое оправдание:

— Случайно победила, у нас руки дрожат перед обедом, вот мы и стреляли плохо.

Рультынеут смущалась, опускала глаза в землю, но радостной улыбки не могла подавить в себе.

Под вечер, когда желтизной подернулись сопки, закончились все состязания и ярмарка товаров. У костра были расстелены длинные полосы клеенки, на нее выставили вареное мясо и вино.

Праздничный обед начался шумно. В большие эмалированные кружки налитое розовое вино, и директор Скрипин произнес тост. Он сказал, что в этом году все хорошо поработали, что доходы в совхозе будут большие, на них можно будет купить новую технику, построить дома, но что успокаиваться на достигнутом, конечно, не стоит. Нужно работать еще лучше. Директор говорил спокойно, но торжественно. Он был рад, что результаты подсчета оказались хорошими. Когда Павел Иванович закончил говорить, за столом закричали «ура», захлопали в ладоши. Потом все выпили. И скоро в веселом застольном гаме ничего уже нельзя было понять.

Старый Этлену после выпитого вина чувствовал себя легким, будто молодым. Как в прежние времена, мысли его были заняты женщиной. И хоть он совсем стар теперь и беспомощен в пологе, женщины еще в мыслях волновали его. Этлену хмелел, и взгляд его становился туманнее, в памяти вставало былое время, былые праздники. Женщины тоже пьют вино и смотрят на мужчин, но ни одна из них не задерживает на нем взгляда. Старик вздыхает, и память снова возвращает его в былые времена.

Этлену вздыхает, затягивается дымом, толкает в бок молодого русского зоотехника и, кивая в сторону женщин, говорит ему по-чукотски:

— Люби женщин, их всегда любить надо.

Иванов не понимает его, только догадывается о том, что старик пытается ему втолковать, и улыбается в ответ.

После праздничного обеда начался большой концерт. На бугорке расстелили брезент, с одной стороны придавили его камнями, а с другой — на него въехал гусеницей вездеход. За вездеходом артисты переодевались и выходили на брезент, который служил им полом.

Вначале хор исполнил несколько песен на чукотском языке, потом были прочитаны стихи, сыграна небольшая интермедия, затем исполнены танцы, полились снова песни, и опять танцы. Концерт был большой, и каждый номер зрителями принимался с воодушевлением.

Бессонов стоял в сторонке и внимательно рассматривал зрителей, которые сидели прямо на земле. Было уже темно, и свет двух небольших лампочек над «сценой», подключенных к киноаппаратуре, слабо освещал лица сидящих. Бессонов поискал Скрипина и не нашел. На концерт он и пришел из-за Скрипина. Были у него с ним старые счеты, и хотелось Бессонову поговорить, высказать директору свои обиды. Много лет он ревновал его к своей жене, кажется, не без оснований.

Бессонов долго искал Скрипина, но так и не нашел его. Легко пошатавшись, он пошел к реке. Ему хотелось побыть одному, со своей обидой и злостью, которая не утихала, а становилась острее и сильнее. Подходя к реке, он увидел на берегу силуэт сидящего там человека. Обликом он чем-то напомнил ему Скрипина. Бессонов остановился от неожиданности, перевел дыхание и пошел напролом на того, кто сидел на берегу. Берег там крутой, и река у берега глубокая. И теперь, когда Бессонов шел, он вспомнил об этом, и ему стало страшно. Он сразу отрезвел, весь задрожал мелко и холодно.

Человек на берегу повернулся к нему, их разделяло три или четыре шага. Теперь было ясно, что это не Скрипин, но Бессонов все еще дрожал мелко и противно.

— Это вы?! — сказал человек, и голос его был полон отчаяния. — Мне вас и нужно.

Он схватил Бессонова за руку, сам весь затрясся.

— Помогите, начальник, мне помогите! — шептал человек.

Бессонов пришел в себя, дрожь стала утихать в нем, и теперь он узнал незнакомца — это молодой бригадир, который пожирал всех взглядом, когда считали его стадо.

— Как я могу вам помочь? — спросил удивленный Бессонов.

— Они все тут врут, все шельмуют, вы это правильно подметили. По справедливости это я должен быть первым, а не Еттыгин.

— Постой, значит, они все-таки перегоняют из стада в стадо оленей? — Кровь прихлынула к лицу Бессонова, у него пересохло в горле. — Так! Значит, они того? Ну держись, Скрипин!

Бессонов повернулся и пошел к площади, где продолжался праздничный концерт. Обида, злость с новой силой вспыхнули в нем. Он спотыкался в темноте о кочки, поднимался и шептал:

— Ну, Скрипин, сволочь!

Гыргольтагин остался у реки, упал на землю, заплакал, стал бить себя кулаками, причитая:

— Дурак, дурак, это все неправда!

XIII

В этот день с утра Ивановым владело радостное, напевное состояние. Все ему нравилось в тундре — и люди, и праздник, и соревно-

вания. Во все он был влюблен. Солнечность, морозность дня пьянили его и еще сильнее разжигали это напевное состояние и его влюбчивость.

Галя была занята, помогала девушкам из художественной самодеятельности гладить костюмы, делала им прически и почти все время находилась в палатке. Иванов только успел легонько пожать ей руку да почувствовал на себе ее влюбленный взгляд, что еще больше взволновало и порадовало его.

Иванов вначале был вместе с директором, потом Скрипин ушел, сославшись на то, что ему не здоровится. Направился он не в свою палатку, а в палатку Нуваттагина. Там его никто не должен был беспокоить. Иванов знал, где отдыхает Скрипин, и под конец концерта решил провести его. Он помнил, как у Скрипина по дороге к озеру вдруг заболело сердце, и теперь волновался за него.

Иванов подошел к палатке Нуваттагина, окликнул Скрипина. Никто ему не ответил. Тогда он заполз внутрь палатки, достал спички и в неярком свете увидел Павла Ивановича. Скрипин лежал на меховом мешке в одежде и спал. Дыхание у него было спокойным и глубоким. Иванов потушил спичку и пошел на площадь, где шел концерт и смеялись люди.

Скрипин, однако, не спал. Он просто притворился спящим, когда зоотехник осветил его. Сегодня он чувствовал себя хорошо и с площади ушел потому, что снова затосковал. Вспомнил Юлию.

Если бы тогда, несколько лет назад, ему кто-нибудь сказал, что Юлия уйдет от него, он бы не поверил. Тихая, застенчивая, она, казалось, не могла ничего решить самостоятельно, она ничего и не решала, не посоветовавшись с ним. Или он ее плохо знал?

В первые годы, когда они расстались, Скрипин, будто в отместку, стал сходить с женщинами. Это были странные дни, он, больной, искал исцеления в случайных, ни к чему не обязывающих связях. Он был холоден, равнодушен к тем, с кем встречался, хотя порою и пытался уверить себя, что был влюблен. Потом он понял, что по-настоящему любит только одну Юлию.

Теперь это позади, время все смыло... Ускакал в невозвратные дали табун дней золотых, только все слышится, все слышится его топот.

После концерта Толя Эттынкев повесил на столб проигрыватель, и над долиной полились задорные звуки музыки. Танцевали тут же, на площади, где недавно был концерт, шаркая ногами по утоптанной, подмороженной земле.

В небе поднялась луна, все кругом посветлело, приобрело воздушность и легкость. На небе много ярких, крупных звезд. Надо только дотянуться до небесного полога, легонько потряхнуть его, и тогда они, как переспелые яблоки, гулко, весело, вразнобой стуча, упадут на землю. И можно будет нагнуться, брать звезды и держать в ладонях.

Иванов и Галя постояли немного у реки и стали подниматься на излюбленный холм.

— Сегодня просто какой-то необычный день, — сказал он. — Мне так хорошо, что даже стыдно.

— Да... — тихо подтвердила она. — Я понимаю. У меня такое же ощущение...

С вершины открывалась белесая, залитая лунным светом даль.

У горизонта тускло сияли под луной заснеженные вершины сопок. На фоне звездного неба они казались нарисованными каким-то волшебником-художником — не верилось, что на земле может быть такая красота.

У Гали слезы выступили на глазах, она прижалась к Иванову и затихла.

«Глупая, что же я плачу, — подумала она, — я же люблю его!»

— Знаешь, мне старик Этлену сегодня рассказывал, что где-то здесь, в тундре, есть разрушенная землянка. Жил один парень там, охотник, — заговорил Иванов. — Это давно было. Жена от него ушла, и он пришел в эту землянку и стал в ней жить. Охотился, места здесь раньше были глухие. И умер там... одиноким. Его, говорят, здесь многие еще помнят.

Она прижалась к нему еще сильнее, и он почувствовал, как задрожали ее плечи.

— Что ты, Галя, — горячо зашептал он. — Никогда, понимаешь, никогда!

Внизу у палаток люди ходили парами и в одиночку. У кого-то из гуляющих был приемник, и оттуда доносилась чуть слышно музыка, но было такое ощущение, будто музыка лилась с неба, шла от звезд. В это нетрудно было поверить — ночи в праздник Молодого Оленя всегда наполнены музыкой и радостью.

ПЕТЕЧКА

ПОВЕСТЬ

1

Телеграмма была срочной.

Когда ее принесли, Дарья Петровна не знала, как подступиться к ней, никогда не получала она таких почтовых бумаг и сама никому не слала. Почтальонша, по ее просьбе, распечатала слепленный бумажной облаткой хрусткий листок, прочла короткую строчку на сером обрывке ленты: «Мама еду. Петечка».

Дарья всплеснула руками: «Едет, а кто же он эдакий — Петечка, припомнить не могу. Раз мамой назвал, сынок поди, а какой сынок, откель едет?»

— Из Ташкента, баба Дарья, — пояснила почтальонша, — с юга едет.

— Не знаю, — сказала Дарья, — не знаю...

Дарье девяносто лет. Временами что-то делается с ее памятью — путает то, что было сегодня или вчера, с тем, что минуло пятьдесят лет назад. Но случается с ней такое редко, когда прихворнет. По нормальным же будням она еще справная старуха, с вполне ясным умом. С мужем Савелием, — он на три года старше ее, ослеп недавно, — держали они еще огород — и картошка, и капуста в доме свои, не покупные. Совхоз помогал им вспахать землю и боронить, а садили и обрабатывали огород они сами.

— Накланяешься за день каждому кусту, нажаришься на солнышке, потом лежишь, будто разломанный, будто по тебе проехала телега, — жаловалась Дарья почтальонше. — Но хорошенько помолишься, и к утру совершенно здорова.

Этот секрет здоровья Дарья знает с детства. И бог ее всегда выручает. Бывало, особенно в войну, ни рученок, ни ноженек не чуешь, как с работы идешь, — всю до капли силушку полю отдашь. Войдешь в избу, справишь какой-никакой ужин на скорую руку, помолишься богу, много она никогда у него не просила: только б силушки хватило одолеть то, что жить мешало и детки ее чтоб живы были и здоровы, — и утром, просыпаясь, она чувствовала, что просьба ее удовлетворена.

— Работа мне нипочем, — хвасталась напослед почтальонше Дарья. — Не гляди, что стара. Стара, да ловка. Еще сто лет проживу, прости, господа!

Пятерых детей народила и вырастила Дарья. Двух дочек и трех сынов. Дочки по сей день рядышком возле нее. Танька, та тут живет в совхозном доме, проводили ее недавно на пенсию, но она работает: детей при ней нет, чего же дома сидеть здоровой женщине. Да бабе без работы и нельзя, все законы она переломает, со всеми переругается, постылой всем и себе станет. А в работе баба сама с собой

разговаривает, ругается — и смягчает душой. И боль уж не боль ей, а то, что сердце грызло, кажется лаской.

За работу Таньке орден дали. Танька зовет их в свой дом жить. Дом у нее — вода в кранах, печь топить не надо. Встань, подмети избу, свари обед, после спи-отдыхай. От нее, старухи, Танька и этого не требует. Живи, мать, отдыхай, уж отработала свое, просит Танька. Таньке всяк прохожий глаза матерью колет. Считают, что она забросила стариков и потому они на старости одни маются.

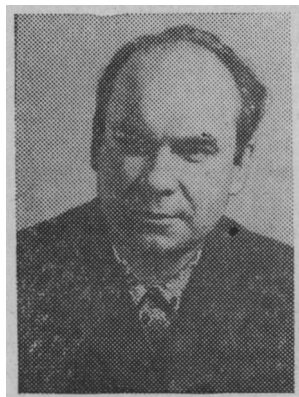
Сейчас люди такие, во все нос суют. А какое им, господи, дело.

У Дарьи с дочерью всегда лады. Да пойти к ней жить она, убейте ее, — не может. В шестнадцать лет ушла Дарья от матери с отцом, как уговорились с Савелием жить вместе — радость горстями хлебать, горе вместе мыкать. Ушла, чтобы начать свою жизнь, а не жить ихней. Жить с родителями — мешать их жизни, считала она тогда, по молодости. Жить с детьми — мешать их жизни, считает теперь. И никому не разубедить в этом ее. Подсоблять друг дружке они всю жизнь должны — мать и дитя, — а жить должны порознь, каждый своими интересами — врозь семьями, но душой вместе.

У Таньки крутой нрав, рассердится — чистая тигра: на старуху рассердиться — ума не надо, все в ее поступках не так, выйдет из себя Танька, а Дарья не потерпит упреков... Пусть Танька и живет по-Танькиному, справляет свое удовольствие; она, Дарья, — будет жить по-Дарьиному, справляя свое удовольствие, если даже ей и девяносто. Интерес к жизни у каждого человека имеется, покуда смерть не остудит его. И хворь и боль приключаются с человеком, а жить хочется. Смертушку зовешь иной раз, да только при людях, напоказ храбришься, при людях не страшно помирать, а в одиночестве думаешь: погоду, матушка, самую малость погоду, припоздай, голуба, никто тебя за то не осудит, а человек песню допоеет, дело какое доделает. Клянчит, клянчит так человек, глядь, уж добрый век прожил, а все-то ему мало, все-то помирать не приспела охота. Покуда векует на свете душа, потуда и хозяйкой в доме бабе быть охота.

За что ж Таньку ей бранить? За то, что она под боком, за то, что не шмыганула в город, не бросила мать с отцом?

Софью, другую свою дочь, эту и поругать можно. Живет Софья в райцентре, в пятидесяти километрах от материного и своего родного села, а не любопытно приехать, поглядеть старуху, в подмоге, может, какой нуждается. Да она бы, Дарья, и не приняла от нее никакой подмоги. Не дала б руки марать об свое. Поговорить хотя бы приехала. Дочери скажешь, что от других таишь. Барыней стала — не едет. В гости зовет, самой некогда приехать. Сынок Софьи пять лет

Валентин Михайлович Федоров родился в 1932 году на станции Жданка Московской области. Журналист. С 1942 года живет в Хабаровске. Автор книги очерков и рассказов «Очарованный людьми».

назад женился, собирался приехать женку показать бабе Дарье. Бу- тылочку винца красненького купила, захоронила в сундучок, но все не едет — бутылочка лежит, скисилась поди.

Но это ее, Дарьино, дело так судить своих детей. При людях они у нее лучшие на свете. При людях она может самой Таньке соврать что-нибудь хорошее про Софью.

«Вчерась не забегала к тебе Сонечка? Приезжала чегой-то с потемками на легковушке. Дурной сон видела, приехала мать с отцом проведать. С полчаса гостевала, хотела бельишко взять в стирку, да я не дала! Будет тебе, Софа, в центр бельишко тормозить, Танька, что ль, не постирает», — сказала. Побалакали, и спроварила я ее, чего ж такси за зря держать, машине чужих денег не жалко. Брался внучек приехать, теперь уж женку с сыном покажет, славный хлопчик растет...»

Совсем неплохой у Дарьи с Савелием домишко в деревне, сруб- ленный из дерева-железа — лиственницы, сложен по уму. И все в нем для жизни есть — кровати, стол, сундук. Правда, ни гардероба, ни комода, ни телевизора в доме не стояло. При сегодняшнем житье- бытье в деревне спокойно на это никто не хотел смотреть. Не хотели понять, что старикам этого просто-напросто было не нужно. Не жа- ловались старики на свою жизнь, сто двадцать рублей пенсии на двоих получали: пятьдесят Савелий и семьдесят Дарья, не жаловались, а их жалели.

«Боже, до чего беспонятливые люди, — разговаривала сама с со- бой Дарья, обижаясь на всех. — Зачем он нам, телевизор, — старик слепой». Ей одной сейчас телевизор смотреть, все равно, что губы тай- ком от Савелия красить...

Суетно стало Дарье Петровне от всяких дум, как принесла поч- тальонша телеграмму. То ложилась она в неразобранную кровать, то вставала снова. Никак ей не успокоиться было. Кто же это отбил телеграмму, послал из такого далека и сам жалуется к ним? Петечка послал — написано. Как мог Петечка послать телеграмму, ежели он погиб? Дарья приподнялась с постели, встала на трясущиеся колени. Над кроватью висела большая рама, под запыленным стеклом — фо- тографии всех ее детей, мужа, фотографии знакомых. Упершись в стенку слабыми руками, Дарья близко приникла к раме, щуря вы- цветшие, но еще зоркие глаза, принялась разглядывать фотографии. Никак Петечка не мог прислать телеграмму — убили его в сорок вто- ром. Она помнит тот день.

Нестерпимый июньский зной жег и сушил добела землю. Бабы работали на прополке помидоров. Томились от жажды, некому и не на чем было привезти воды из деревни, а что из дому каждый при- хватил — выпили давно. Прямо в поле тогда их деревенский почта- льон одноногий Кирька Гаврилюк и приковылял до нее на деревяшке, делая дырки в сухой земле. Кирьку бабы звали чертом. Разносил он им горькие вести. Ни при чем был мужик, а боялись бабы его пуще беса. Кирьке ногу оттяпало поездом, когда он уходил из колхоза и служил на шлагбауме, опускал и поднимал полосатую перекладину. Глаз левый был поврежден у него струей воды на пожаре. Невезучий в жизни, Кирька вернулся в село в войну и стал почтальоном. Коли припожаловал он в поле, считай, беда у кого-то. Замирали бабы, за- видя его издалека, леденели сердцами в тревоге: к кому он, черт, под- ковыляет... Совестясь, словно он на самом деле был во всем виноватый, Кирька торопливо сунул ей в свободную от таяпки руку похорон-

ку и зашпатыкался по бездорожью, выбивая, будто пулями, султаны седой пыли. Точно по голове кто саданул тогда Дарью, удушье за-ткнуло горло, отнялся язык, — жмякнулась она на помидорную грядку без крика и стога. И пришла в себя только потому, наверное, что сбегал кто-то к дальнему ручью за холодной водой, напоили и умыли ее, затащили в тень под телегу. В тот день вернулась к ней старая хвороба и долго гнула и ломала, пока не пришел с фронта Савелий.

Второй сын Ванюша погиб в конце войны. Все слал и слал письма: «Маманя, конец германцу, вертаюсь скоро домой, жди». И дождалась похоронку и на него. Вез командира уже в Германии, Берлин прошли, легковушка наскочила на мину. И как не было ее Вани. При-слали его медали и орден.

Вот они Петечка и Ваня, сынки ее, в солдатских гимнастерках. На поблекших фронтовых фотографиях лица сыновей едва различимы, но Дарья видела их четко и ясно, как живое их отражение в зеркале. Не знала она страшных подробностей их смерти, не видела, как их предавали земле — их похорон, и остались они в ее памяти вечно живыми. Сколько времени прошло с тех горьких дней — не счесть дождей и зим, а верит она, даже больше, чем тогда, что, возможно, и живы ее сыны и скоро придут домой. К Кустиковым через десять лет вернулся похороненный сын. А к ней через тридцать вернется, веровала она.

А там-отка на фотографии, в штатском — Николай, Коля, младший из всех. С ним рядом невестка, жена его, Клавка. Сразу после войны поселилась в их деревне семья с Брянщины, из переселенцев. Дочь их приглядел Коля в жены. Савелий тогда уж год как с фронта вернулся. Свадьбу играли в новом доме, что сложили они с Колей. Подружка невесты, как мужики чуток забаламутились, повязав расшитое полотенце, пошла шафершей с блюдом дарения собирать. Поманил ее к себе Савелий, объявил, что он от себя и от нее, Дарьи, дарит жениху и невесте дом этот. И бросил на блюдо нужные бумаги, вложенные в сотенную. «Хороший почин сделал ты, сват, — сказал Клавкин отец, — я дарю корову...» Славно справили свадьбу, хоть и жилось бедно. Первой она была в их селе, как война закончилась. И хотелось, от счастья, что ли, выставиться, похвалиться тем, чего не было. И женили-то они с Савелием младшего сына первым, когда надо бы третью свадьбу гулять. Да год только и пожил Коля в новом доме. Невестка все дулась что-то на них, стариков. В сорок пятом они были уже стариками — ей стукнуло шестьдесят пять, как Таньке сейчас, Савелию было шестьдесят восемь. Дулась, дулась, невестушка, особенно на Дарью, и уехали они с Колей. Уехали — и как две иголки пропали в стогу сена, по сей день ни одной весточки не послал сынок. Приходили в голову мысли Дарье, что неживой Коля давно. Приснилось однажды, что зарывают его в землю, грустно так лилась музыка. Да если б такое случилось, сообщили давно. На радостях, когда каждый день хлеб с маслом, иной раз люди забывают родственников, а какое горе приключится — живо отыскивают. А может, жена его не захотела сообщить, шибко так рассерчала на нее. Да за что? Дарья к невестке зла не держала. А невестке все Дарьино было не по нутру.

Почему-то по Коле сердце Дарьи не болело, и она спокойно вспоминала его. А за Петечку и Ваню молилась, много слез пролила, ждала домой.

Неужто жив Петечка! Дарью как шилом кольнуло в сердце от пришедшей догадки. Перед глазами замельтешило, запрыгало, зашумело в ушах. Стало душно до тошноты. Охнула старая и повалилась

в постель, слабея сердцем: не зря, выходит, молилась она богу, про-сила оживить сынов.

— Ты что там, мать, затормошилась! — послышался голос Савелия из боковушки. — Кажись, почтальонша приходила. Пенсию принесла? Чиво молчишь, старая? Обещала на бутылочку. И я уж пообещал соседу. Не отвертись, лиса.

Савелий в валенках, хотя и стояла на дворе теплая осень, в совхозе убирали сою, тяжело топал к ней в комнату.

— Петечка воскрес, — тихо сказала Дарья, не владея речью. — А ты в бога не верил. Петечка, сынок наш, что в сорок втором погиб. Ты тогда на войне был, не помнишь...

Не дослушав жену, Савелий сердито стукнул палкой об пол, страшно вращая тяжелыми бельмами глаз.

— Ты никак с ума сошла. В сорок втором погиб Коля, а не Петечка твой. Петечка твой, дурочкин полубовник, за юбкой потащился. И сгинул... — Савелий выругался. Обидно стало ему, что так некрасиво перепутала Дарья сынов.

— Ну, все одно воскрес, — приходя в себя, винясь перед мужем, сказала Дарья. — Я его похоронила уже. Сообщает Петечка, что едет.

И заволновалось ее сердце забытым материнским чувством к пропавшему без вести в мирной жизни сыну и вот обнаружившемуся вдруг. Припомнился он ей маленьким мальчиком. В сорок один год родила она его. Бабы подхихикивали: «Когда ж растишь будешь, Дарья?» Она в то время хворала шибко — сердце пугало ее остановками, падала от головокружений в обмороки, нежилицей считала себя.

А родила Петечку, с трудом дохотив положенный срок, все болячки осыпались с нее, как будто сроду и не было их. Зарозовела, взбухли малиновым соком губы, шально заблестели глаза. В ногах ненасыть к ходьбе, и такая во всем прыть и легкость выискались.

Савелий, как заквела она, погуливать стал. Не злилась за то на него Дарья, — не было на то моченьки. А тут, как потягал Петечка ее за груди, проснулась, взыграла в ней заспанная болезнями ревность. И назло Савелию стала она на мужичков поглядывать, подковырочки говорить, не пропустит, если какой справненький мимо пройдет. За-лебезил тут ее Савелий, ласков и добр стал. И совсем иная жизнь у них пошла, как по молодости. Война оборвала их счастье.

Петечка рос здоровяком, холила Дарья его, как сама в счастье купалась. Вырос, не заметила как. Особой заботы и кутерьмы не знала с ним, не горюнилась, как было со старшими. Те росли сорванцами. Особенно Коля. Выдумщик был на шалости, дня не проходило, чтобы на него не пожаловались. А Петечка рос молчуном, неприметно играл, лет до десяти мастерил кукол, платья шил им. Чужого не брал и до своего никого не подпускал. «Счастливая у тебя старость будет, Дарья, за этим сынком», — говорили соседки. Лет с одиннадцати стал Петечка баловаться на турнике, отец ему построил во дворе дома, перед тем, как на войну со старшими сынами уйти. Потом гири поднимал. Говорил все ей Петечка: «Я, мамка, самым сильным стану в деревне. И пойду немцуру бить». Сильным хотелось ему быть. Сильнее всех. Ах ты, господи, чудо чудное.

2

Петечка приехал воскресным днем. Улицы села встретили его безлюдьем, выходной объявили ударным днем — в совхозе все работали на уборке сои.

Не представлял себе Петечка родного села таким, каким увидел. Ни приземистых с запахом на все село свинарников и телятников, ни крикливых бригадиров, орущих по поводу и без повода от своего бес-силія что-либо изменить на не желающих выходить на работу баб. Нет и вечной грязи — асфальт под ногами. Будто дворник рано утром подмел дорогу — чистота. Грузовики, с нарощенными из непокрашен-ных досок бортами, шмыгали без конца по дороге — и никто не обро-нил зернышка.

Рядом с начальной школой, в ней учился Петечка, вымахала двухэтажная каменная школа. Дворец культуры из стекла и бетона. В палисадничке с аккуратно по-городскому подстриженной травкой, недалеко от дворца, взметнулась к небу гранитная стела. На чугун-ной плите бронзовыми буквами наплавлены имена погибших односель-чан. Петечка читал их фамилии и всех до одного вспоминал, представ-лял живыми. А представил, испугался своей памяти, так четко она сохранила их лица. Двадцать пять лет он не был в родном селе и никогда этих давно живших людей не вспоминал раньше. Имена его братьев Николая и Ивана Свинуховых были выбиты на плите. Сда-вило сердце, сохнуть стало в горле, как споткнулся о них. Он и бра-тьев не вспоминал ни разу за эти годы. Иногда, так это, накатывало, ругался с Клавкой, и трогала сердце тоска по дому.

Размягченный этим непрошеным чувством, Петечка поправил раз-дутый ветром букет цветов, положенный кем-то на плиту, сорвал с клумбы георгин, положил рядом, как бы от себя.

— Простите, братья, — сказал не таясь, громко и зашагал по селу уже без грусти, а с чувством исполненного долга, посмеиваясь над собой, — в чемодане у него лежали резиновые сапоги, — он по-мнил, что осенью по деревне тут было всегда не пройти, и, собираясь, взял их. Оказывается, не все то правда, что помнишь, — зря сапоги пер в такую даль.

За поворотом на бугре солнечно блеснул весь из прозрачного стекла магазин. На этом месте раньше был склад с известью, удо-бляли ею землю, — почвы в округе считались кислыми. Еще тут на-возную жижу замешивали в железных бочках для поливки парников. Было любопытно посмотреть, чем торгует деревня в своих шикарных магазинах.

— Здравствуйте! — сказал Петечка, входя в торговый зал без единого покупателя. Из-под прилавка вылезла курносая пичужка-продавец.

— Здравствуйте! — сказала она, улыбаясь. И застеснялась. Пи-чужка что-то жевала. — Откуда будете?

В свои сорок пять лет Петечка производил впечатление. Был на нем плащ модный с поясом, на голове — шляпа. В руках мягкий под желтую кожу чемодан, перехваченный специальными при нем ремня-ми с широкими золочеными пряжками. Не местный, не деревенский, определила, видимо, продавщица.

— Из Москвы буду, — пугнул Петечка пичужку.

— Правда? — обрадовалась та. — А я в Москве, в Тимирязевке учусь, заочно. Здесь я — попросили временно поработать.

Петечка бывал в Москве проездом и затевать разговор о ней не стал, обратился к девушке сразу с вопросом:

— Свинуховы где тут живут?

Девушка вышла из-за прилавка, принялась с жаром объяснять и показывать, как проще пройти к Свинуховым. И без того коротень-кое платье ее прыгало вверх, оголяя красивые ноги.

— Вы небось из собеса или министерства. Их надо бы в дом

престарелых. Но не поедут. Упрямые старики. У Дарьи Петровны с памятью плохо. Недавно получила телеграмму от младшего сына, а подумала, что прислал старший, тот, что погиб на войне. И всем говорила: «Воскрес, воскрес...»

Петечку это сообщение хлестнуло холодом. Он поблагодарил студентку из Тимирязевки, торопливо сошел со ступенек магазина, но вернулся снова.

— А дочь Свиныховых, Татьяна, жива?

— Тетя Таня! — обрадовалась вопросу девушка. — Как же, жива, здорова. Что ж ей станет? Я в ее бригаде занимаюсь, рекорды мы ставим по овощам. У тети Тани фамилия Синицына, муж у нее комбайнер. Живет она по этой улице — прямо и прямо идти надо, номер сорок восемь. До нового сельсовета дойдете, и там будет дом из силикатного кирпича...

— Ладно, спасибо, — сказал Петечка. И пошел искать дом Свиныховых — дом своих родителей.

«Значит, отцу уж девяносто три, а матери девяносто», — высчитывал он, не помня дней их рождения.

— На улице Набережной Свиныховы живут! — кричала вслед Петечке продавщица. — Вы правильно идете!

Петечка, не оборачиваясь, нервно махнул рукой.

Улица Набережная тянулась вдоль речушки и считалась главной в деревне. Теперь ее загородили дома, выросшие вдоль асфальтированной широкой дороги, составившей улицу Центральную.

Как уехал с Клавкой Петечка в Ташкент, так и не видел с тех пор деревенской жизни — ни разу не бывал в селах. И дивился припозднившимся желтым подсолнухам в огородах, вывороченной картофельной ботве. В траве-мураве, появлявшейся осенью на овощных грядках, пряталась закрашившаяся помидорная мелочь. Грядки походили на заброшенные могилы. Стройным частоколом стояла по краям их побелевшая кукуруза. Если выдрать такой ствол с корнем, выходила хорошая булава. Когда пустели огороды, мальчишками они баловались, кто дальше метнет такой корень — и ему однажды чуть глаз не вышибли такой булавой. Васька Зелетин прилепил ему. Меттели ребята его, ох, как меттели за то...

Как радость, приходили воспоминания, томили душу. А ехал он сюда без всякого волнения. Слишком все в далеком прошлом осталось. Да нет: и прошлый и сегодняшний день, оказывается, в человеке рядом. Как шарик в колесе «спортлото», перекатываются в нем прошедшие дни, и какой в сегодняшнем дне привидится тебе из них, ты не знаешь. Вот привиделись Петечке сегодня умершие односельчане, а двадцать пять лет они были вычеркнуты из его памяти. Отчего же видятся вдруг старые дни? И укоряют...

Но Петечка не додумал этой своей мысли. На узкий проулок между усадьбами, где шел он в задумчивости, непонятно откуда вывернул мальчишка, чистенький, с хорошей белой головкой.

— Чей ты будешь? — спросил Петечка, смешавшись. Мальчишка напугал его неожиданным своим появлением.

— Меня послала проводить вас Зина, продавец. Мы шефствуем над Свиныховыми. Я вам расскажу, это очень хорошие бабушка и дедушка, не надо куда-то отдавать их. Я вам расскажу... — Мальчишка чуть не плакал.

— Не надо мне ничего рассказывать, оголец. Бежи-ка отсюда восвояси, — рассердился Петечка на услужливую продавщицу. — Я сам все найду. Бежи.

От хат, близкой реки потянуло знакомыми с детства запахами.

В огороды вышел красный теленок, взмыкнул, принялся обкусывать капустные кочерыжки. Зарывшись в сухую грядку, лежала свинья с поросятами.

Радостная тревога словно парализовала Петечку. Еще не сворачивая с проулка, увидел он неожиданно свой дом, выглянул тот боком из-за другого дома, кажется, Самсоновых, и так это зыкнул краем черепичной крыши, будто честь ему отдал, — и исчез.

Петечка хотел прибавить шагу и не смог, — запах родного жилья ударил ему в голову. А когда вышел Петечка к дому со стороны улицы, вздрогнул: время почти не тронуло их избу, только угольно почернели венцы лиственных плах. И присел дом чуток на левый угол, требуя подпоры. На чердачной двери красовались издали «П. С. С.», что означало — Петр Савельевич Свинухов, выцарапанное им хунхузским ножом, найденным на старой водяной мельнице, еще в детстве. Отец перенес на новый дом чердачную дверку со старой избы, и сохранились эти Петечкины каракули.

Но ближе подходил Петечка к дому — и разочаровывался в нем: бравым и осанистым дом показался ему издали, стар он был и невыносимо ветх теперь — вблизи. Зимние рамы давно не выставлялись на лето: за мутными стеклами на потемневшей вате лежали грозди черной, как перец, высушенной рябины...

Стоя за оградой родного дома и робея войти, Петечка услышал, как в сенцах, скребнув пол, отворилась дверь. Через сбитый порог на крыльцо, затаптывая подол черной юбки, вышла тощая старуха с длинным бледным лицом. Не сгибая ног, шаркая по настланным на землю доскам, она прошла, горбясь, в глубину двора. Петечка оцепенел: мать глянула в его сторону за калитку и не увидала его. Войти в ограду он теперь вовсе не решался, стал дожидаться, когда пойдет мать назад. Но и на обратном пути Дарья так же равнодушно глянула в сторону сына и, пока он собирался с духом окликнуть ее, неуклюже поднялась по писклявым ступенькам крыльца, скрылась в сенцах, притянув за собой отвратительно скребнувшую дверь.

Петечка отворил калитку и чуть не упал, уронив ее под ноги, калитка была без петель, просто прислонена к ограде. В глубине двора топилась бревенчатая банька, разнося дух распаренного дерева, над ней в бледное небо конским хвостом пушился темный дымок. Раньше у них бани своей не было, ходили мыться всегда к Перминым. А тут своя стояла. Петечка сунулся на грядку, долго возился, не мог никак оторвать от побуревшей ботвы скрюченный огурец. Не обтирая, сунул его в рот, раздавил здоровыми зубами. Неказистые осенние огурчики самая сладость, ни в какое другое время года они не бывают такими вкусными и ароматными, не хрустят так аппетитно.

К дырявой городьбе, что слилась с соседней усадьбой, липла невысокая поленница дров. Стояли дощатые козла, лиственный чурбак, измятый колуном. За банькой валялась перевернутая собачья будка, сука у них жила, — Тавричанка, утятница, околела, видать. На стальной проволоке болталась заржавленная цепь, висело белье. Не было грушевого сада — остались трухлявые пенечки. А какие груши росли у них! Бывали годы — ветки ломались, не выдерживали тяжести плодов. Верхушками груши поднимались выше конька дома. Петечка больше любил моченные груши в сахарном сиропе. Мог съесть целую миску за раз, а потом маялся животом. Закладывали на зиму по две десятиведерных бочки, — хранили в погребе. И хмель бывал в тех грушах и какая-то неизъяснимая сладость.

«Дурень, что уехал», — подумал Петечка. Сада ему стало жалко. И, топчя грядки, снова сравнил их с запущенными могилками, при-

помнил памятник с именами братьев, знакомых односельчан. И почувствовал: кто-то смотрел ему в спину. Обернулся, точно: из окна дома смотрел в сад кряжистый сумрачный мужчина в фуражке. Это был отец. Петечка обрадовался, замахал ему рукой. Но лицо отца осталось неподвижно. Тогда Петечка подошел к окну вплотную, так, что увидел седые виски отца, белесое, плохо выбритое лицо. Но так же, не угадывая его, сумрачно-настороженно отец глядел в пустой сад.

Петечка, не понимая ничего, подхватил чемодан, пошел в дом.

3

Утром Петечку разбудили мухи. Роем летали они по хате, жужжали, бились в окно, больно кусали. Лежал Петечка с большой головой на полу в отцовской комнате. Под ним был матрац, цветная простыня, две мягких подушки, сверху ватное одеяло в зеленом атласе. Столы стояли неубранными, и пахло от них прокисающими закусками, огуречным и помидорным рассолом. Петечка совершенно не помнил, как и чем закончилось все вчера. Но хорошо помнил, как началось.

Испугался он материной старости, как вошел в дом. Не мог смотреть на дряблое восковое лицо ее, ссохшиеся побуревшие руки. Смешанное чувство жалости и брезгливости ледяным холодом кольнуло его под сердце, когда мать прижалась к нему, и он, обняв ее, почувствовал под руками, будто тело матери состоит из одних только косточек. Трепыхнулась она бессильно, как воробушек в руке...

Пошел он сразу в баньку. Выпроводили его насильно. Для него, оказывается, готовили ее — ожидали. Хоть и тесной была банька, но по-настоящему деревенской, с первым жаром-паром — сухим, духовитым, сжигающим простудную хворь, придающим телу молодецкую легкость. Ни в какое сравнение не шла она с городской ванной. Березовый веничек услужливо лежал в тазике, ошпаренный кипятком. Бил, молотил себя Петечка им не жалеючи. И вышел из баньки, как бы очищенным от всего дурного и грубого. Отворил дверь в хату, а там уж народом запружено, три стола буквой «Г» сдвинуты в отцовской комнате, закусок и выпивки всякой на них. Сеструха Танька, уже карга каргой, полная рыхлая баба, бросилась к нему, обняла цепко, точно судорогой ее повело, заплакала.

— Где же ты, соколик, блукал столько? Померли б все — не узнал. Неужто домой не тянуло, в места наши? Неужто город так совесть отымают у наших деревенских простофиль?

— Тянуло, Танюха, еще как тянуло, — обнимая сестру, улыбался широко и неестественно Петечка, — да времени, понимаешь, Танюха, все не хватало. До сорока штангой баловался, чемпионом Европы был, слышали небось. В газетах об этом писали. Жил так: поездки по стране, по заграницам — тренировки, тренировки. После инструктором по физкультуре назначили. И совсем не стало времени...

— С женой-то все той живешь? А то, знаю, у вас принято менять.

— С той же, — ответил Петечка, добрея к Таньке. — Все с той же! Клавка и надоумила меня поехать к вам. Помнишь-то хоть ее?

— Нет, не припоминаю совершенно. Тебя уж забывать стала. Встретила б где — не признала. Такой мужчина... Уезжал же ты совсем козликом. Все говорили: утянула Клавка его на веревочке, оста-

вит вам рожки да ножки. Ан нет, пригожий еще мужчина, — остро-языко брила Танька и улыбалась, вытирая мокрые глаза ладонями.

Слова сестры не больно нравились Петечке, и в другой раз он непременно бы оскорбился на них, но сегодня он хоть что мог стерпеть...

Пир шел горой. Дом Свинуховых сроду не знал такого многолюдного застолья. Кто знал Петечку, а многие и так, из чистого любопытства приходили поглядеть на младшего Свинухова, без вести пропавшего в мирное время и отыскавшегося почти через три десятка лет, а кто принимал его за погибшего в войну и вот воротившегося каким-то чудом. И каждый нес выпивку, прихватывали и закуску — с пустыми руками никто не шел.

Петечка поначалу пил мало, не торопился хмелеть, рассказывал про свою жизнь. Повидал он свет белый, и «всякие с ним случаи и ситуации приключались». Рассказывал, как в Париже его чуть не увезла из «фешембельной» гостиницы француженка-миллионерша. Влюбилась в него без ума, стерва. Все миллионы отдавала ему, машину — малиновый «мерседес». Но проявил он стойкость. Страна им доверяет честь ее защищать на международных турнирах, и они там, в зарубежье, не могут позволить себе никаких фокусничеств на этот счет.

— А хотелось? — спросил плюгавенький мужичок, которого Петечка не знал.

— Что хотелось? — строго спросил Петечка.

— Ну, чо? Ясно, чо...

— Хотелось! Кому ж не захотелось бы, чудак, с миллионершей, — доверительно откровенно, раззадоренный вопросом, сказал Петечка. — Да нельзя. Там у них так делают: заманят тебя в номер к какой-нибудь и в самый неподходящий момент, когда ты в полном неглиже, то есть в чем мама родила, покажут по телевизору всем штатам. Скрытые камеры в номерах..

Дарья Петровна сидела рядом с сыном, камня от радости: красивые слова говорил ее сынок. Петечка это чувствовал. Отрываясь от разговоров, суетливо подкладывал матери чего-нибудь в тарелку, обращался ласково: «Кушайте, мама, кушайте!» Трогал ее за плечи рукой, гордясь собой.

Испортил настроение Петечке отец. Ни с того ни с сего отец спросил его, где он работает и кем.

— Тренером-инструктором, — ответил Петечка.

Но ответ отца не удовлетворил.

— Это сейчас тренером, а тогда, когда разъезжал, кем был?

— Инженером.

— Инженером с четырьмя классами?! Без порток, а в шляпе. Али ты учился?

— Учился, само собой, — не терял чувство собственного достоинства Петечка. — И поездки по заграницам — та же учеба. Политическая, можно сказать. Одна поездка за границу, считай, в кармане у тебя документ за академию общественных наук. Или института международных отношений. Дураков, отец, за границу не посылают, — ответил Петечка и потерял над собой контроль, сдали нервы, пил без разбора все, что подавали, и с каждым, кто какой тост предлагал.

— Дети есть? — тем же допросным тоном спросил отец, спустя некоторое время.

— Детей нет, — ответил Петечка, — вот чего нет, того нет, отец, врать не будем. Некогда было ими обзаводиться.

Среди гостей прокатился гоготок.

— На детей пятилетний план не составляют, — сказал с ухмылочкой плюгавенький. — Сами они без спроса родятся, хочешь ты их или не хочешь. Моя восьмерых родила. Всех я хотел, что ли? Да теперь в обиду nikotoporo не дам. Любовь к ним, стало быть, появляется, как родятся, а нет их — и любви нет.

— Мое дитя — штанга, — сказал Петечка. — Я силы растрчивать на другое права не имел.

Плюгавенький откровенно рассмеялся, сказал Петечке нахально: — Узелком, выходит, извините, завязывал, Петр Савельевич?

Пьяно зверея от этих слов, Петечка хотел дать плюгавенькому в лоб, но раздумал, удержал себя вовремя, предложил неожиданно для самого себя тост:

— За родителей моих давайте выпьем, товарищи, за вину мою перед ними. — Петечка встал, произнеся эти слова, погладил мать по голове, сбил белую косынку, принялся неуклюже оправлять ее, уронил рюмку. Рюмка звякнула об пол, разбилась. — На счастье это! — крикнул Петечка. И взял со стола наполненный стакан.

Что было потом, помнил он смутно. Но твердо был убежден, что ни с кем не подрался. И даже плюгавенькому, как ни хотел, так и не дал в лоб. В конце концов Петечка даже обнимался с ним и выяснил, что он — Васька Зелетин, одноклассник его, совхозный агроном. Кончил, чертяка, институт и детей столько имеет. Плодовитый интеллектуал...

Откинув одеяло, Петечка заложил руки под голову, долго смотрел в засиженный мухами потолок, поворчал на Таньку, что та не может навести извести и побелить у стариков, у себя так к каждому празднику небось мажет. Принялся оглядывать комнату сверху донизу. Бугристый пол был замусорен окурками, залит вином. Подумал с грустью, что в этой комнате жили они когда-то с Клавкой, тут их первая брачная ночь прошла. Какой хороминой казалась им тогда комната...

Танька тянула Петечку ночевать к себе, но он отказался.

— Хочу в родном доме поспать, — сказал, — надоели мне разные отели. — И высказал сестре обиду, назвав ее дочкой-кукушкой за то, что не возьмет она в свой дом стариков, как будто те мало для нее сделали.

Танька отбрила брата, сказав ему, что это не его собачье дело, почему она не берет к себе стариков, вот поживет, сам увидит — почему...

Достав из чемодана темно-синее спортивное трико с белыми лампасами, Петечка, не торопясь, надел его и побежал умыться на берег реки. Как делал это в детстве.

Без дождей и пасмурной мглы, на удивление солнечной стояла осень. До нежно-желтой прозрачности выжгло солнце листья на берегах, зачерствив и скрутив в жестянки на дубах, лишь тополь шелестел бодро полными жизни зелеными листьями, стоял хмельно веселый, не пугаясь приближающейся зимы. А в ту осень, когда Петечка уезжал, шли проливные дожди. И неубранная соя попрела, оставшись в зиму на полях.

В заречье в зыбкой утренней дымке, чуть подкрашенной холодным заревым солнцем, чернели Тюлькины бугры, прозванные так по фамилии. В старину, когда еще мать и отец Петечки совсем молодыми приплыли в эти места на плотях по Амуру, Тюлькин первым выкорчевал там бурелом и стал сеять хлеб. Трактор, рокота его Петечка не слышал, блестящими плугами кромсал землю...

Когда-то был это и его, Петечкин, труд, и подумывалось ему не раз, что вовек не расстанется он с землей, так хмельно кружила она

ему голову своими запахами по весне, будила непонятную радость в душе, наполняла такой неизбывной силой жизни, что все ему чудилось сплошным долгим праздником — ничто не было в тягость. Любил он свою землю, любил технику, запах бензина, думал, что не оставит ничего этого. А вышло все иначе, совсем не так, как хотел, как загадывал.

Обмывшись студеной водой из речки, Петечка долго глядел в воду, наблюдая за рыбьим выводком, тыкавшимся в берег. И когда шел домой, покусывая травинку, уже не досадовал на себя. Сама собой снялась смута с души. К матери в боковушку он вошел в хорошем настроении, вчера ему так и не пришлось поговорить с ней.

— Ну, как, мамань, вы тут живете? — спросил Петечка, чтобы как-то начать разговор.

Дарья Петровна села на кровать. Она спала, не раздеваясь, на сухих белесых ногах ее неряшливо морщились чулки. Петечка сел рядышком. Коснулся рукой жестких спутанных волос матери, обжегся, как о проволоку. Опять ругнул про себя Таньку: «Вот дочка, мать ее перетак, расчесать старуху не подумает».

— Хорошо, сыночек, живем, — сказала певуче, совсем молодым голосом Дарья, не ведая его дум. — Слава богу, хорошо. Как раз, в самый раз, сынок.

— Ну уж и как раз, мама. Я лично ничего хорошего не вижу. Нельзя так жить! — Петечка измерил несколько раз шагами комнату матери. Заметил, сердясь: — Стыдно живете! К Таньке вам надо пойти жить. Руки вы обломали, пока ее детей на ноги поставили, а она орден зарабатывала.

— Зачем нам, сынок, идтить к Таньке. Мы сами по себе, Танька сама по себе. И ты сам по себе. Живите счастливо. И нам будет счастье.

— Кому счастье, а кому счастьеце. Не понимаю, мама, вашего упрямства, — махнул рукой Петечка. — Не понимаю, мама: чего вы этим добиваетесь?

Петечка взялся за голову, опять противно мозжило, аж мурашками взялась голова. Похмелиться бы, подумал.

— Нас никто не понимает, — сказала Дарья. — Жалеть нас не надо, сынок. Вот и все понятие.

— Как же не надо! Как же не надо, — сжимал голову ладонями Петечка. — Надо! Вы старые, мама. Мы теперь за вас в ответе. Мы!

Дарья молчала, молчала и принялась говорить о другом:

— Хорошо, что ты приехал, сынок. Усладил душу матери. Больше мне ничего не надо. Теперь я помереть могу спокойно. Повидались на этом свете, на том завсегда повидаемся.

— Пятро! — крикнул из своей комнаты Савелий, перебивая причитания Дарьи.

Савелий никогда не звал сына Петечкой. Ему было противно сразу, как только прилипла эта кличка к сыну от жены... С гулянок еще взяла его Клавка в руки, а поженились, лизнул он меда бабьей ласки, как дрессированный пес стал, назовет Петечкой — лоб готов расшибить.

— погоди! Дай с матерью потолковать! — отозвался Петечка на голос отца. У него не улеглась еще со вчерашнего вечера неприязнь к отцу. И не хотелось ему так враз пойти и помириться с ним.

— Чиво погодь-то! — рассердился Савелий. — Я опохмелиться тебя зову, а не пироги стряпать. Башка-то, что, не трешшит у тебя? Не трешшит, то и не приходи. Нужон ты мне. Найду, как и одному опохмелиться.

— Иди, Петечка, — сказала мать. — Иди. Осерчали — помирись.

Отец, как выпили они молча по второй стопке, ни разу не чокнувшись, спросил Петечку:

— Серчаешь за вчерашнее?

— А то нет! — не стал играть в прятки Петечка, смягчая от выпитого.

— Ну, так прости старого хрена. Хвастал ты вчера без передыха. Первый шут был. С потолка штукатурка в винегрет падала, совестилась за тебя.

Петечка покраснел от этих слов отца. Про французенку-миллионершу, конечно, говорил отец. Чудак, батя. Клавка его, когда он об этом в компании рассказывал, едва живой из-за стола выходила от смеха. Тут он, правда, на полном серьезе выдал эту байку. Ну, дак задели его за живое.

Напротив Петечки, по другой край стола, сидела Маня Гаврилина. Петечка узнал ее сразу, как вошел в дом, но не подал виду. А когда выпили крепко, улыбнулся, пристально глянув в ее сторону, сказал, вскидывая над столом рюмку: «Ну, а вам как живется, Папка Мамку Бил, любопытствую я узнать!» Забитой и грустной показалась Петечке Маня.

— Ничего живется, — без обиды, коротко и ясно ответила Маня, поразив вдруг его большими улыбчивыми глазами. Маня куталась в пуховую шаль, небрежно брошенную на плечи.

Папка Мамку Бил, — дразнили Маню в школе. Так Маня отвечала учительнице, когда та спрашивала ее, почему она не приготовила уроков. В молодости Петечка гулял с Маней, собирался жениться на ней, но раздражала его до жуткости и неприязни бородавка на правой щеке у нее. Потянется поцеловать и не может, все перед глазами бородавка эта. А тут Клавка подвернулась...

Вспомнилось это все Петечке озорно и весело. Но, глянув на Маню раз, другой, он не увидел бородавки, и вообще, она показалась ему очень симпатичной в свои сорок пять лет, слишком даже.

Не узнать было в Мане Маню. Весь вид ее говорил, что и в самом деле живется ей неплохо. Изящно лежал на Мане модно сшитый черный костюм, маленькую головку украшала пышная прическа-тюрбан, в ушах чирикали золотые сережки. Клавка с ней не шла ни в какое сравнение.

Проигрыватель наяривал какой-то старинный вальсок. Петечка выбрался из-за стола. Важно, не торопясь, щегольски ставя ноги в блестящих, как галоши, полуботинках, прошел к тому краю стола, где сидела Маня, остановился, галантно вытянул правую руку вперед, уронил голову на грудь — сделал Мане приглашение на танец.

— У кавалера спрашивайте, — ответила Маня просто и в то же время недоступно.

«Дает, деревня! — чуть не вырвалось у Петечки. И он отметил про себя: — Жгучая вышла из Мани бабенка. В сорок пять — баба ягодка опять. Ах ты, ягодка!» И повернулся к кавалеру. Но кавалер, мужчина дюжий и симпатичный, добродушно улыбнувшись ему, сам пригласил Маню на танец.

Когда Маня выходила из-за стола, горделивая и насмешливая, Петечка чуть не ахнул. С Маниной груди откинулся угол шали и его ослепила Золотая Звездочка Героя Труда. Рядом с ней был приколот орден «Материнская слава». Но Петечка тут же подавил в себе недоумение и, возвращаясь в свой угол, на ходу подумал зло про Маню и всех присутствующих: «Конечно, специально, чтобы позлить его, на-

дела». Орден и Знак депутата Верховного Совета нацепил и Васька Соломинцев, тракторист, его одноклассник.

Петечка глянул себе на грудь, у него значков было побольше, орденов не было. Улыбнулся озорно: «Ладно, ладно, в сорок пять баба ягодка опять. А какая ягодка, спросите? Огородный послен-бздника». Рассмеялся весело. Маня уже не казалась ему ослепительной красавицей.

Сев к столу, Петечка потянулся к радиоле, прижал тяжелой рукой головку проигрывателя. Пары разошлись по местам, наступила неловкая тишина.

— Хотите, я стол зубами подниму? — обратился Петечка к гостям. — Кроме шуток. Со всем, что на нем стоит, и Маня сверху пусть сядет, со всеми своими орденами? А-а-а!

За столом засмеялись.

И тогда он стал травить про француженку-миллионершу...

— Чего молчать. Выпьем ишшо, — предложил отец. — Посопели и будя.

И это откровенное, отчески-снисходительное «посопели и будя» жигануло Петечку по самому нутру острым ножом, вернуло боль голове. Он вскочил из-за стола, скрипнул зубами, бросил на пол вилку.

— Знаешь, батя, не поучай меня. Надоело. Ты к этим Маням и Ваням, я смотрю, с большим почтением, чем ко мне. Я не меньше их заслуженный. И не меньше их привык к вниманию и почестям. Только тебе этого, видно, не понять...

— Смотри, тебе виднее, — сказал отец. — Только жизни «тпру!» не скажешь.

4

Бюро погоды дало совхозу спецсводку-предупреждение, что со стороны Японского моря идет тайфун. Ожидали снегопада. Комбайны накаляли своим шумом осеннюю непогоду по ночам. С полей от ветра-низовика отчетливо доносился их шум. У человека, не причастного к круговерти деревенской жизни, такая погода вызывала смертную тоску, обостряла раздражение. Так было с Петечкой. Пятый день жил он в родной деревне и чувствовал, что не может дольше оставаться — пора уезжать. Два раза по просьбе Танькиного мужа свозил его на мотоцикле пострелять на озере дичь директор Дома культуры, приглашал еще. Но охота не меняла Петечкиного настроения. Петечка считал себя общительным человеком, а с матерью и отцом поговорить ему было не о чем. Скука одолевала с ними.

— Ты не мог бы сказать мне, отчего так случается? — спросил Петечка директора Дома культуры, пояснив свои мысли, когда они варили на костре утку, удачно влет сбитуго Петечкой.

Было ему в этот момент необычно хорошо, как-то даже празднично, и он решился пооткровенничать с чужим человеком.

— У меня такая же ситуация, — ответил ему директор. — Твои дети вырастут, точно такими станут. Это — закон жизни.

— Успокоил! — сказал ему Петечка с иронией. — А ты меня не успокаивай, умная твоя голова — Дом культуры, объясни, почему так-то.

— Пуповина у тебя была слишком длинной при рождении, а для любви к родителям надо, чтоб короткой была, — сказал тогда директор, злословя. — Родня потеряется, ищут друг друга по всему свету, столько из-за этого страданий примут, а ты двадцать пять лет в мол-

чанку играл. Чужой ты им. Формально только сыном считаешься. У вас теперь как бы биологическая несовместимость.

После новых стычек с отцом Петечка и впрямь чувствовал эту несовместимость все острее. Даже старость и слепота отца, сохранившиеся при этом достоинство вызывали в Петечке злость и враждебность, которые он не мог в себе преодолеть.

Иногда, правда, в Петечке начинали бурлить светлые чувства — сыновние нежность и ласковость, ища выхода. Порывался он в такие минуты пойти к отцу и поговорить по душам. Но чувство это так же скоро, как и возникало, затухало вдруг, не развившись, уступая место всеисильной и несправедливой обиде.

Петечка понимал старость по-своему: старики должны во всем подчиняться молодым. Кончилась их власть. А его тут выставили на посмешище. И часто теперь уходил он из дома на целый день, ища случайных знакомств, а то и помогал Танькиному мужику на комбайне. Приходил в дом поздно вечером и почти всегда навеселе.

В это утро, в пятницу, у Петечки, как и на другой день приезда, несносно болела голова. Вчера он отмечал Всесоюзный деревенский праздник... Сидел Петечка на берегу речки, морочил себе голову думами о Клавке, жене своей, — ругал ее на чем свет стоит, когда окликнул его знакомый голос. Обернулся — продавщица Зина стоит.

— Вы не Манина дочка? — поразившись ее сходству, спросил Петечка.

— Да, — ответила она. — Похожи мы с мамой?

Петечка припомнил Маню в молодости. Помедлительней и робей своей дочери была та.

— Мама рассказывала про вас, — сказала Зина. — Извините, что я вам про стариков наговорила. Приходите сегодня в Дом культуры. Вечер будет. Приходите! — И улыбнулась взрослыми Маниными глазами.

Петечке не понять было, липнула, что ли, к нему Манина дочка? И, вспомнив, как не дали ему станцевать с Маней, сказал:

— Приду, Зиночка. Ожидай.

В Доме культуры Зина сама пригласила его на вальс. И, когда он решил уже по-настоящему приударить за Маниной дочкой, подошел к ним длинный, как аршин, парнишка, и увел ее.

— Спасибо за танец, — сказала Зина. — Желаю вам хорошо у нас отдохнуть.

Какая-то несурaziца во всем выходила и оскорбляла Петечку до глубины души.

По случаю праздника директор совхоза сделал доклад. Петечка слушал его с удивлением. Сто тракторов имел совхоз, много автомашин. Директор перевел это на лошадиные силы — по тридцать три коня выходило на каждого работающего. Передовикам вручали подарки, играла музыка. Когда вручали Мане подарок — оплаченный чек на холодильник, — зал хлопал очень громко. И Петечка хлопал со всеми — не сдержался. Ваське Залетину преподнесли приемник «Геолог».

— Ну, как вам деревенская наша жизнь? — остановил Петечку директор совхоза, когда они встретились в фойе после торжественной части. И попросил его зайти в гримировочную взять два подарка — отцу и матери. Таньки на вечере почему-то не было.

— Балуете вы стариков, — сказал Петечка.

— Куда же их, они тоже наши, — ответил директор. — Соли от ихнего пота мало, что ли, тут в земле лежит? Тюлькины, Самсоновы поля, заимка Свинухова — мы сейчас на этих землях лучшие урожаи получаем...

Петечка хотел идти домой, ничего его тут не держало, в этой веселой и жизнерадостной толпе людей, в которой каждый приходился друг другу или родственником или давним корешком, как смальства в школу ходили. Настроение у него вконец испортилось еще оттого, что вспомнил он вдруг, как летел из Ташкента в Хабаровск без билета. Взялся провезти его какой-то дальний родственник Клавки, сейчас он подумал, что возможно и любовник ее. Он напялил на Петечку свой китель и провел без билета через строй стюардесс в пилотскую. Так бы разве выбрался он к старикам. В каком-то городе во время инспекторской проверки билетов его заперли в туалете. Назад предстояло лететь точно таким же образом. Денег Клавка в поездку дала ему всего пятьдесят рублей, на красную икру, это на всякий случай, если он не сделает главного, зачем она его послала — не продаст дом стариков, записанный на него в их день свадьбы. Но от Клавкиных денег ничего не осталось — еще в Хабаровске Петечка посидел в «Аквариуме», аэропортовском ресторане, прозрачном со всех сторон. Остальные деньги потратил на поезд.

В этом мрачном настроении и подхватил Петечку Залетин, потащил к буфетной стойке, там торговали бочковым пивом. Поодаль стойки за столиком уже образовалась компания любителей пива.

— Держи! — Залетин сунул Петечке в руки приемник, полез без очереди.

И через минуту они пили пиво «Таежное». Такого Петечка не знал. Пиво было хорошим на вкус, терпко пахло хлебной опарой, легко пилося.

— Ты, что, насовсем в родные места? — спросил Залетин.

— Ну, зачем, — сказал Петечка, как бы обороняясь. — Я уж отвык от деревни.

— Жалко! Я помню, ты классным трактористом был. Взяли бы мы тебя в полеводческую бригаду. Ух и гремел бы ты у нас. Деревня теперь, знаешь, Петр Савельевич, к талантам лицом повернулась. Оставайся сразу тебя с женой как переселенцев оформим. Квартиру дадим. Ссуду получишь. Картошки на семена. И наверстаешь, что потерял.

— Лишний разговор, — сказал Петечка жестко. — Во-первых, я ничего не терял... — Он уловил в голосе Залетина обижающее его покровительство.

— А меня в город не тянет, — не поняв обиды Петечки, сказал Залетин. — Мне в городе утомительно.

В образовавшийся кружок любителей пива протиснулся краснолицый детина. Заведующий мехмастерскими. Представил его Петечке Залетин. Детина весело сказал, ни к кому не обращаясь:

— Я на совещание передовиков в край ездил, познакомился с одним, пятнадцать кружек выпивает, зараза, в один прием.

— Не смешно, — ответил Петечка здоровяку. — Могу и двадцать выпить.

— Ха! Все трепаться мастера. Ты выпей.

— Без трепы, — спокойно сказал Петечка. — Не тарашься. Ставь!

Детина выскочил из окружения мужиков, подбежал к стойке:

— Дусенька, отмерь вот этому дяде двадцать кружек. Сразу все двадцать. Хочу посмотреть на его выражение лица.

В очереди зашикали на них, задерживалась посуда. А потом, ког-

да Петечка стал на полном серьезе опорожнять кружки, с любопытством принялись следить за ним.

Спорили на четвертную. И здоровяк, уверенный в своей победе, выложил для фасона на стол денежную бумажку, прижал ее пустой кружкой.

Петечка знал как пить: надо не сосредотачивать внимания на пиве, а думать зло о чем-нибудь отвлеченном. Он думал о Клавке, как она будто бы изменяет ему с тем пилотом. И незаметно убирал кружку за кружкой. Его подзуживали сельские острословы. Но он не обращал на них ни малейшего внимания.

Когда было выпито двадцать кружек, Петечка попросил еще две.

— Люблю, чтоб с горочкой, — сказал он, засовывая здоровяку в верхний карманчик пиджака его четвертную. — Не спорь больше. — И пошел прочь от всех, домой.

У него на руке повис Залетин, приглашал к себе в гости, посмотреть его гвардию, но Петечка не остановился. Разбудив отца и мать, он вручил им подарки. И ушел спать в баньку, довольный собой.

Дух баньки утром, тошнотно кружил неопохмеленную голову.

«К Залетину, что ли, пойти опохмелиться? Звал вчера. Так ему ж в поле, — вслух разговаривал с собой Петечка. — Ладно, потерпим. Расколом старуху».

Но мать сама принесла ему в баньку бутылку вина с веселым названием «Солнцедар», припрятанную когда-то для внука. Вино за шесть лет мертвой лежки сбродилось и квачило губы. Петечка одним духом, не отрываясь от горлышка, выпил выпирающую на лоб глаза кислую жидкость, тряхнул головой — тумана вино не прогнало. И он, вспомнив вчерашний вечер, уже не мог простить себе пижонского своего поступка. «Это же надо придумать: не взял честно и благородно выигранную четвертную!» — казнил себя Петечка.

Мать сидела рядом на лавке, молчала.

— Ты, мама, иди. Я не в настроении, — сказал ей Петечка. — Наговорю еще чего. Знаешь...

Дарья поднялась, чтобы уйти, но он остановил ее.

— Мамань, вот меня так долго не было, тридцать лет почти. А вы меня искали? Запросы делали куда-нибудь, дескать, сын пропал?

— Делали, Петечка, в саму Москву отсылали. Приходили бумаги, там писано, что ищут...

— А я вот он, — засмеялся Петечка... — Рада, скажи, ты приеду?

— Радая, Петечка. Как же не быть радой-то. Я же думала: ты неживой. Сон видела...

— Маманя, а кто вам дрова пиляет?

— Кто, Петечка, найдется, тот и пиляет, — ответила Дарья сыну. — Да охотников счас не дюже сыщешь. Стесняться стали такой работы люди. Особливо наши, деревенские. Из шефов — те не брезгают.

— Не за ради бога ж пиляют!

— Платим и пиляют. Пятнадцать рублей на это в захоронке у меня лежит.

— Я, мамань, нашел пыльщика вам. Счас приведу, а то уеду, кто ж подсобит вам.

Часа через два Петечка сидел на приступках бани с пыльщиком, совсем молодым парнем с бородой, в узких морщенных брюках, в железнодорожной фуражке на голове, — пили они водку. В дом Петечка

его не повел — постеснялся родительской бедности, мухоты. Да и не хотелось ему лишних стычек с отцом. Приняв дозу, Петечка бежал на грядку, отдирая с цепкой ботвы огурчик — хрумтел им и совал та-кой же парню. Чавкая, говорил:

— Я хоть и интеллигентный человек, Стася, а физический труд люблю. Штанга — это само собой. Люблю я еще потужиться для об-щей, так сказать, пользы. — И Петечка с улицы крикнул в дом: — Мамань, бревна есть еще пилять. Мы тут со Стасиком остановиться не можем...

Засмеялся.

— Спит, старая. Чо им теперь не спать, старым. Государство пенсию платит, знай, спи да почтальона не проспи. Дети помогают. Ты-то, скажи, помогаешь своей матери?

— Не очень, — ответил парень. — У меня ж они в городе живут, И нестарые они еще.

— Все равно надо помогать — посоветовал Петечка. — А то не-бось и неприязнь к ним испытываешь, стесняешься их на людях?

— Этого нет, — ответил пыльщик.

Укладывая вечером дрова в поленицу, вдыхая смоляной их дух, Петечка думал, что пора ему закругляться. В понедельник в Хаба-ровске будет ташкентский рейс, и с ним прилетит Клавкин родствен-ник. Пора сказать старикам, что он приехал дом свой продать. По-купателя он уже нашел на дом, магарыч распит. Берут его у Петечки под дачу. Как и Клавка, мужик один помешался на дачах. Зараза какая-то — эти дачи. Отец, конечно, на дыбки сразу подымется, попрет против, как услышит про дом, рассуждал Петечка. Надо с матерью прежде поговорить. Мать есть мать.

И не откладывая разговора, Петечка пошел к ней.

Дарья сидела на кровати, когда Петечка вошел в комнату. Ло-вила мух: крадучись, накрывала ладошкой, как ловят дети бабочек, что-то пришептывая. Было похоже, что она не в своем уме

— Мамань, а я ж дом хочу продать, надумал вот. Чего вам в нем маяться, — выдохнул Петечка поскорее трудное признание. И успо-коенно положил на плечо матери руку. — Танька вас к себе берет. Как ты на это смотришь? Твое согласие для меня важно. У Таньки вам будет настоящее житье. Помолодеете враз. Все удобства у нее там. Туалет тепленький.

— И продавай, коли надумал, — горбясь под рукой сына соглас-но, будто давно ждала этого разговора, сказала Дарья. — Нам-то он на чо теперь. Одно осталось: помирать. Твой дом — продавай, — по-тупилась и примолкла Дарья, теребя складку юбки и не смея глянуть на сына.

Дарья, как приехал сын, все время была настороже. Чуяло ее сердце: неспроста припожаловал Петечка. Ласки и великодушия к ним, старикам, у него не было. И, конечно, он не тосковал по ним, — и не в этом причина его приезда. Но и не думала Дарья, что за тем приехал сын, чтобы дом продать. Савелий говорил ей, догадываясь про это, но она не поверила, обозвала его лешаком за дурные слова.

— Я бы не продавал, мама, да не могу смотреть, как вы тут мас-тесь, — говорил Петечка. — Случись что — помощь оказать вам не смогут вовремя. И меня с Танькой позорите вы этим. Так сейчас раз-ве можно жить. А если какие иностранные гости сфотоют на пленку вашу лачугу?

Дарье жаль было дома. Думала она: до смерти проживет в нем хозяйкой. Теперь будет то, чего хотели все — плясать ей под Танькину дудку.

— А отец будет согласный? — спросил Петечка.

— А что ему поперек сына идтить, — провела Дарья рукой по бледному лицу. — Согласный будет. Его воля тут не решает.

Дарье хотелось возразить сыну, сказать, как же так он с ними поступает. Но в ответ только поддакивала ему, точно во рту чужой язык шевелился. Бог, что ли, был на Петечкиной стороне и не давал ей слова сказать поперек.

— Значит, говорите, согласный будет отец? — лишь бы не молчать, переспросил Петечка.

— Согласный! Конечно, согласный, — подтвердила Дарья и перекрестилась.

— А ты, мать, дура, за меня не решай, — отозвался из своей комнаты Савелий, слыша весь разговор. — Мое мнение при мне, я его никому не гавкал. Пусть придет твой Петечка, я и гавкну ему.

— Да ты не ортачься, дом, что — твой? На Петечку записанный! — бессильно, не зная зачем, прикрикнула Дарья на Савелия, хотя в душе была рада его протесту.

— Пока я живу в нем — мой дом. А помру, тогда евоный станет, — ответил Савелий, выходя из своей комнаты. — Тогда пусть им и распоряжается. Счас дом наш, Дарья.

Петечка был готов чем припугнуть отца.

— Я в сельсовете был, мне там наказали: ортачиться начнут — силком отвози к дочери. Хватит им позорить село. А не захотят к дочке, пожалуйста, в дом престарелых. Советская власть им и эту льготу предоставит.

Сказал Петечка эти слова и вспомнил Клавку. Какой уж раз он чувствовал досадную неловкость в разговоре с отцом, вину какую-то за собой. Дом захотелось ей продать, прогундела все уши. И он, дурак, поехал сюда. И чего всю жизнь слушает ее.

Но раздражительный голос отца, слова его о том, что стариков сельсовет сроду в обиду не давал и не даст, ввели Петечку в прежнее состояние, и он, забыв про Клавку, снова злился на отца.

— Ну, вот что, я тебе сразу скажу. Долго я с тобой нанькаться не собираюсь. Свяжу сейчас и отнесу к Таньке, маманя подсобит, она человек с понятием, а у тебя, я погляжу, никакого понятия не стало — исчезло, буза одна в голове. С сыном враждуешь. Тоже мне нашелся Тарас Бульба...

— Вяжи! — вскипел Савелий, задыхаясь и бледнея лицом, срывая голос, — вяжи, пожалуйста, бздника ты, огородный паслен! Да несть будешь, не спотыкнися. А сперва подойди ко мне, я плюну в тебя, разоренная твоя душа! Тьфу!..

— Я тя плюну, я тя плюну, — побагровел Петечка. — Так плюну сейчас — не захочешь у меня.

— Осекись, Савелий! — опять, как и давеча, не желая того, вступилась Дарья за Петечку. — Я согласная, чиво тебе-то. Хотел же идтить к Таньке...

— Хотел, да расхотел, — оборвал Савелий жену. — Не уговаривай. Помру в ентом доме, а по-евоному не будет. Нет, не будет по-евоному.

— Ну и помирай! — чувствуя неотступность отца и свое бессилие, крикнул в ужасной злобе Петечка. — Помирай! — И вышел на крыльцо, хлопнув дверью.

Настуженный воздух охлаждал лицо — дых получался парной. Тре-

можно хмурилась даль, смешав малиновый закат с темными красками пашни. «Тайфун близко», — подумал Петечка.

По чернеющему небу высоко шли гуси, глазом их было не различить, долетали лишь ледяные крики.

«Пора и мне драть отсюда. Осточертело... — негромко, с настойчивой досадой, сказал Петечка, пугая тишину и сам пугаясь собственного голоса — хриплого, возбужденного. — Хрен с ним, с домом».

От соседской усадьбы тянуло кислым, не перепревшим коровяком, кто-то выкидывал его из стайки сырыми шлепками.

— Пошла, шалава, — напрягая до мужской интонации слабый голос, заорала баба сына Самсоновых.

В огород, взбрыкнув, выскочила кирпично-красная, с белым пятном на лбу нетель.

«В городе от выхлопных газов не убежишь, тут с навозом не расстанутся, пакостят всюду», — Петечка с отвращением сбежал по шатким ступеням крыльца, завернул в огород. Рылся, рылся на грядке, хотел отыскать огурец — не нашел. Разозлился. И в этот момент знакомая тревога толкнула его, поднял он голову: как и в день приезда, отец стоял у окна и точно подглядывал за ним.

— Тыфу ты! — сплюнул, рассердясь на свои причуды, Петечка. — Он же слепой! — успокоился головой. Но смутный какой-то страх продолжал держаться внутри него, лапал за сердце, томя неясным противным волнением.

Петечка воротился из сада, сел на крыльцо и отчего-то чуть не заплакал. Невыносимо гадким казалось ему все вокруг, и всех он безысходно ненавидел, винил каждого: Таньку, мать, отца, продавщицу Зину, Маню с ее мужем, Залетина и его детей, которых не видел — всех, находя что-то в каждом из них оскорбительно неприятное для себя. Он не мог им простить чего-то такого, что унижало его перед ними.

5

Но уезжал Петечка домой, в Ташкент, совершенно счастливым. Вернулись к нему те важность и достоинство, что привез он в родную деревню, да притупил, размазал в постыдных стычках с отцом, начисто потерял в ссоре из-за дома. Теперь, после коротких проводов, в легком хмелю, идя с сестрой и матерью к автобусу, он мог себе признаться. Казалось ему, что все как-то не так вокруг — одна укоризна. А вышло, что все очень даже так — с уважением к нему. Заикнулся он, что денег на обратную дорогу не выслала Клавка, хотя давно отбил телеграмму, рассчитывал рублей на пятьдесят расщедрится родня, а они отвалили ему: мать двести рублей и Танька богачкой выставлялась — сто дала. Деревня и есть деревня. К Софье еще заеду, думал он весело. И скажу Клавке, что дом продал.

По сельской дороге катил автобус.

— Здорово живете! — воскликнул Петечка, азартно ломая полуботинком застекленную утренним морозом лужу. — У нас в Ташкенте точно такие ходят красюки. — Он не знал, куда выплескивать свое настроение, столько в нем было жизнелюбия и восторга от всего вокруг происходящего. Ни на кого больше он не сердился, и хотелось ему быть щедрым. — А уезжал я, на лошаденке добирались до станции. Маруська, кобылешка, везла нас по ухабам и кочкам. Помните, ма-маня?

— Как же. Помню, Петечка, помню. Отец тебя отвозил. Дождь

без просыпу нудил тогда. Вы с Клавкой под брезентом на телеге сидели, а он лошадь в поводу вел, — не завалилась бы в грязюку. Жалел — жеребая была, — отозвалась радостно, притихшая, Дарья. Все решилось в ее пользу с домом. И хотела теперь она помирить сына с отцом.

— Да, отец отвозил нас, — припомнил в подробностях тот хмурый зыбкий день Петечка. Вспомнил спотыкливую огненно-красную Маруську, по брюхо утопавшую в грязи, глухой голос отца, ласково подбадривающий ее: «Муся! Мусенька! Ну-ка шажок, ну-ка еще, родимая!» И умная Муська отвечала усердием на его ласковые слова. На ногах отца были солдатские ботинки американского образца с обмотками — и он в них по колено забредал в грязь, спину его прикрывал рогожный мешок, нелепо как-то нахлобученный на голову. И они с Клавкой неслышно посмеивались над отцом. «Фриц», — скажет Клавка, и они смеются. Нехорошо было смеяться, но смех сам приходил. Брезент и дождь не выдавали их нелепого озорничания над маетой отца. Давно, как давно это было...

Ворохнулось в Петечке в этот момент воспоминаний что-то к отцу. Так и не захотел старый помириться с ним, не пошел потому провожать. С характером.

— Мамань! — Петечка вспомнил про сапоги в чемодане. Решил отдать отцу.

— Что ты, Петечка? — отозвалась Дарья.

— Да ни чо, так я. Вспомнил, как ехали до станции тогда. Теперь небось и по телевизору лошадей не показывают, — передумал он дарить сапоги — самому пригодятся, новенькие еще совсем.

— Лошадей нет в совхозе. Пустой ящик надо привезть в поле — гонят машину,—сказала Танька.

— Я тут у вас насмотрелся на беспорядки, — ответил сестре Петечка.—Хоть министру сообщай.

— Ну уж, не скажи, — возразила ему Танька. — Последние годы у нас стало совсем хорошо. Нынче на уборке сои тридцать комбайнов работает. По тринадцать центнеров с га берут. А как ты был, что мы брали — одни шиши. Синицына моего в запрошлом годе мотоциклом премировали. Тем, с коляской, ты ж видел.

— Это премировали Тольку им? — удивился Петечка. — Так то же ИЖ «Планета», тыща восемьсот стоит. За что ж это его?

Но удивленный вопрос Петечки остался без ответа.

Шофер автобуса нервно сигналил — ждали одного его.

— Не гунди, рулило. Дай с матерью попрощаться, — сказал неслышно шоферу Петечка и, заторопившись, неуклюже стиснул в объятиях мать, чмокнул в щечку сестру. — Бывайте, — крикнул на ходу. — До свиданья. Должно быть, приеду еще, с Клавкой теперь беспреренно. Может быть, насовсем, деревенский же я... Залетин сватал меня в полеводческую бригаду. Вспомнил, как я классно на тракторе ездил.

— Не треплись, Петечка, — сказала Танька. — Езжай с богом к своей Клавке. Езжай — не заблудись!

Петечка заскочил в автобус. Дверка за ним сразу захлопнулась.

Танька и мать махали вслед уходящему автобусу, но Петечка не видел их, пристраивал под сиденье чемодан, боясь помять его. А когда глянул в запыленное окошко, удобно усевшись на сиденье, деревня осталась далеко позади, — ничего не разобрать. Один памятник погибшим в войну односельчанам потусторонне глядел вслед.

И тут же Петечка отключился от мира, которым жил целую неделю. Ему уже грезились Ташкент. Стал думать, как прикатит он до-

мой: телеграмму не даст, нагрянет неожиданно. И вспомнил, представил рядом Клавку. Близко-близко представил, первый раз близко так, как жену. Сердце его сладостно провалилось в бездну. С удовольствием подумал он о жене, что баба она у него вовсе не плохая. Кумекает кой в чем. Что надо баба. Во всех, как говорится, отношениях.

Навстречу Таньке и Дарье Петровне, возвращавшимся с проводов, бежали соседские мальчишки и продавщица Зина.

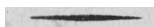
— Теть Тань! Теть Тань! — задыхалась Зинка. — Дедушка Савелий сейчас помер...

— Как помер? — не своим голосом спросила Танька.

— Стоял на крыльце, стоял — упал. Красная пена пошла ртом. Фельдшер сказала: «Помер дедушка». Был здоровый, здоровый, а помер. Сердце разорвалось.

Танька тихо заплакала, давясь сдерживаемыми рыданиями, заторопила мать. Хотя куда теперь было ее и себя торопить. Но Дарья шла молча и так же несуетно, не давая дочери и шага прибавить, как будто и не потревоженная известием. Танька только почувствовала, как горестно затяжелело тело матери у нее на руке.

По старушечьему лицу Дарьи, по невидящему, безрассудно уставившемуся перед собой взгляду ее, ни Таньке, никому было не угадать, о чем она думала сейчас.

ВПЕРВЫЕ В ЖУРНАЛЕ

* * *

Мне говорят, что в облаках витаю,
А я земная, как и все — земная.
Свои ладони к небу простираю,
От ласкового солнца замирая.

Росу сбиваю с веток на рассвете,
А над землей такая благодать,
Что чувствуешь, как кружится планета
И — просто невозможно не летать!

* * *

То растает, то выпадет вновь...
Этот снег в середине апреля —
Как незначущая потеря,
Как твой, нелюбимый, любовь.

Елена КАЛЮЖНАЯ

ТРАВИНКА

Спасибо, добрый человек,
За то, что душу исцеляешь
И неокрепнувший побег
Травинки майской щедро одаряешь.

Когда беда — и одинок,
Когда разлад душевный горек,
Так важен тонкий стебелек
Травинки в гуле новостроек.

ОБИДА

По крепкому снежному насту
Подальше бреду от села.
Приветствуют встречные: «Здравствуй!
Куда ты, Елена, пошла?»

А я, на вопрос не ответив,
Зачем-то ускорила шаг.
Порывистый северный ветер
Тревожно гудит в проводах.

Вхожу в березняк белоствольный,
Жжет щеки февральский мороз.
В душе моей горько и больно,
Заплакать, да только нет слез.

Обидели люди. Вслепую.
И рядом товарища нет.
Одна средь березок брожу я,
Скрипит под подошвами снег.

В село возвращаюсь я поздно,
Играет «в войну» ребятня.
А старший спросил вдруг серьезно,
Участливо как-то меня:

— Вы что-нибудь ищите, тетя? —
Ну что же в ответ мне сказать?!
— Вы, может, кого-нибудь ждете?
— Я, дети, ходила гулять...

* * *

Как ярок деревьев осенний наряд,
багряные, желтые листья.
Сквозь ветки орешника робко глядят
рябины румяные кисти.

Я вижу, как с дерева падает лист,
тихонько на землю ложится,
так свеж и прозрачен, так нежен и чист,
как ясного детства страница.

* * *

Туман в ногах у оголенной рощи,
а я стою на стареньком мосту.
Здесь всю округу видно на версту,
все выглядит значительней и проще.

Как тихо здесь, невероятно тихо!
Река струится равнодушно вдаль.
Лосенка потерявшая лосиха
несет в глазах застывшую печаль...

* * *

Вышивает солнце на земле узоры
по полям и рекам, по отрогам горным.
Все цветы и травы вышиты лучами!
Если мне не верите — поглядите сами.

Бурого медведя в ельнике густом
солнце вышивает гладью и крестом...

* * *

Нет, я ни о чем не жалею,
хоть есть мне о чем пожалеть.
Пусть в пышную зелень смелее,
вплетается красная медь!

Тамара РЫЖКОВА

Живущее связано сроком,
желтеет и сохнет трава...
О жизнь, ты порою жестока,
но, видно, и в этом права!

* * *

Лаской твоей не согрета я,
наклонилась моя голова.
Я — дерево, у которого летом,
облетела листва!

* * *

По вечерам на улицу не тянет,
деревья ветер дождевой трясет.
А утром липа-странница в тумане
осенний холод в рукавах несет.

* * *

Печальное время, глубокая осень.
Редки уже теплые дни,

и между плащей зеленеющих сосен
видны почерневшие пни.

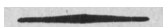
В лесу не услышишь ни гама, ни шума,
лишь ветра пронзительный свист.
Свинцовые волны уносят угрюмо
последний сорвавшийся лист.

* * *

Страдание на сердце мне легло,
и ждать невыносимо тяжело.
Но я все жду, невзгодам вопреки,
я жду тебя — любимой нареки!

Пускай на солнце облако легло,
закрывать навек светила — не смогло!
Сомнения, как облако, — поверь,
ты будущим сегодняшнее мерь!

Ты понимаешь, осень во дворе,
ко мне в окно давно она стучится,
но дни грядущие, положенные мне,
Твоей любовью могут озариться!

ДЕВУШКА С ОКЕАНСКОГО ПРОСПЕКТА

Рассказ

Ее балкон и окна с тюлевыми занавесками смотрели в сторону Амурского залива.

Слабые порывы ветра шевелили листья повилики, которая ползла по капроновой леске, натянутой на балконе, и доносили сюда йодистый запах берега. Он смешивался во дворе с кухонным чадом, с ароматом свежепеченого хлеба из булочной и резким запахом сырых досок, лежащих около дровяного сарая.

Всегда в одно и то же время, вечером, над балконом раздавался его свист. Она выглядывала через окно на улицу и, увидев его неизменную клетчатую ковбойку, спешила выскользнуть за дверь.

— Куда? — кричала мать. — Поешь хоть как следует!

— Пусть бежит, — улыбался отец. — Да смотри, чтоб к одиннадцати все свои сердечные дела завершила, а то выдеру, не погляжу, что невеста!

Юлька чмокала отца в щеку, покрытую жесткой седоватой щетиной, и выпархивала в подъезд.

Мать вздыхала и с упреком смотрела на отца.

— Ничего! — говорил он. — Ничего. Ромашка парнишка хороший. Пусть гуляют. Ребятишкам свежий воздух полезен.

— Балуеть ты ее, отец! Она меня совсем слушать перестала... Как что: «А мне папа сказал» — и все тут...

— Это, конечно, не годится, — соглашаясь отвечал отец и скреб указательным пальцем, с машинным маслом под ногтем подбородок, а глаза его добро посмеивались.

— Пусть побегают, пока школьники.

С пляжа уходили последние купальщики. Юлька то и дело вытряхивала песок из легких туфель, забегала чуть-чуть вперед, заглядывая Ромке в глаза.

— Ром, а, Ром, поедem завтра на Шамору, а?

— Нет, — солидно отвечал Ромка, следя за тем, как парит над водой чайка.

Чайка почти не шевелила крыльями, делая широкие плавные круги. Ромка давно мечтал построить планер, который мог бы вот так же свободно держаться в воздухе, как эта птица, но на последних зональных соревнованиях его модель заняла третье место, и он остался планером недоволен.

— Рома, почему ты не хочешь? — обиженно тянула Юлька, потихоньку освобождая свою руку из крепкой Ромкиной ладони.

— Потому что в МАИ конкурс — три человека на место... — задумчиво и невпопад отвечал он.

Юлька грустно вздыхала и смотрела на море. На той стороне залива сопки подергивались синеватой дымкой, а небо светлело и зо-

лотилось. От песка тянуло теплом. Так хотелось на Шамору! Но Ромка сбрасывал с себя рубашку, снимал джинсы и оставался в нейлоновых плавках.

— Ром, ты далеко не заплывай, ладно!

Юлька садилась на его рубашку, обхватив руками колени и прижимаясь к ним своим маленьким подбородком.

Ромка, пригладив светлые волосы, с разбегу бросался в воду.

Соленая влага выталкивала тело наверх, и он, сделав глубокий вдох, быстро шел кролем. Проплыв сотню метров, Ромка переворачивался на спину и, раскинув руки, парил над глубиной. Он совсем не двигался, не шевелил ни рукой, ни даже пальцем. А под ним простирались зеленоватые слои воды, с медленно скользящими рыбами, с вкраплениями медуз, похожих на парашюты, а ниже, там, у самого дна, переплетениями темно-зеленых, почти черных, водорослей.

Ромка чувствовал себя птицей, парящей в воздухе, а морское дно представлялось ему землей. Он улыбался своим мыслям, переворачивался со спины на грудь и шел к берегу неторпливым брассом.

— Завтра я улетаю, — сказал Ромка однажды вечером, когда они вошли в ее подъезд.

— Завтра?

Юлька замерла в темноте. Казалось, что перестала дышать. Стало слышно, как в чьей-то квартире на втором этаже кто-то неумело напевает:

Ромашки спрятались, завяли лютики...

— Но ты же ничего не говорил мне! Почему? — отчаянным шепотом спросила Юлька.

— Я не хотел, Юлька... Понимаешь? Как бы тебе это лучше объяснить?... Я хотел, чтобы все было как всегда. Ведь так лучше, правда?

Юлька молчала.

— Юлька, я хочу тебя попросить... Я тебя поцелую, можно?

Юлька привстала на цыпочки и положила руки ему на грудь.

— Только скорее, пока никого нет. — И она прикрыла свои длинные глаза ресницами.

На третьем этаже хлопнула дверь. Юлька испуганно отпрянула от Ромки.

— Мама, наверное, — смутившись сказала она. — Сколько теперь времени?

Игорь Георгиевич Кравченко родился в 1936 году в городе Минеральные Воды. Окончив Военно-медицинскую академию, в 1960 году приехал на Дальний Восток. Автор сборников стихов «Я ищу тебя» и «Капля неба».

Ромка пожал плечами. У него была такая привычка, пожимать плечами. Иногда это обозначало, что он не знает, а иногда, что не хочет чего-то знать.

— Юля! — раздался с лестницы голос матери.

— Мама, я сейчас, — крикнула Юлька, — я сейчас иду!

— Не сейчас, а сейчас же! — повысила голос мать. — Бесстыдница! Уже двенадцать почти! Отец спать не ложится из-за тебя!

— Мамочка, я иду! — умоляюще крикнула Юлька.

— Я приду тебя провожать, ладно, Ром?

— Нет, — сказал Ромка. — Самолет в пять утра. Ты еще будешь спать. Я напишу тебе сразу, как прилечу в Москву.

Юлька обвила его шею руками и сильно, как только могла, прижала свои губы к мягким, пахнущим морем губам Ромки.

Юлька ждала. Она приходила на берег, туда, где они сидели с Ромкой последний раз вместе, и смотрела, смотрела на волны. Они только с виду казались одинаковыми, а на самом деле все они были разные, и каждая обладала своим голосом.

Юлька научилась понимать их язык.

Юлька мучилась большой тайной, вдруг навалившейся на нее. Экзамены в МАИ Ромка завалил. И никто на свете не знал об этом, кроме нее. Он не написал о своем провале даже матери.

Медленно тянулись душевные августовские дни. Кончилось лето, и Юлька, впервые в жизни, радовалась приближению занятий в школе. Теперь она знала, что будет делать. Она отлично кончит десятый класс и уедет в Москву. Ромка писал, что поступил работать на стройку, что от МАИ ни за что не отступится и следующим летом начнет все с начала.

У нее была своя тайна, свой большой смысл в жизни, и это свое новое, волнующее обстоятельство она переживала сама.

Отец, приходя с работы, пытался разговорить Юльку, но она, схватив учебник, залезала с ногами на диван и хрустела там яблоками.

Мать вздыхала.

— Пойди в кино сходи! Чего целыми днями сидеть дома?..

Когда мать заступала на суточное дежурство, Юлька оставалась на хозяйстве одна и с утра шла на рынок. Она ходила туда с удовольствием. В белом доме с кариатидами, который стоял напротив базара, жил когда-то Ромка. Она была у него один раз в прошлом году, на дне его рождения.

Тогда Ромкина мать, встретив их в коридоре, осмотрела Юльку с головы до ног и, затушив папиросу о край дощатого стола, сказала:

— Милости прошу. Рада познакомиться. — И больно сжала Юлькину ладонь крепкой и сухой рукой.

И в крепком рукопожатии, и в громком ее голосе Юлька почувствовала неискренность и больше к Ромке домой не ходила.

Теперь же, встретив как-то Ромкину мать у входа на рынок, Юлька вежливо поздоровалась с ней и даже задержалась на какое-то мгновение, надеясь поговорить. Но та или не узнала ее, или не захотела узнать, прошла мимо.

Письмо пришло в начале ноября, в день первого снега. В нем было всего несколько строк на сером телеграфном бланке. Наверно, Ромка писал его прямо на почте.

Он писал, что получил из военкомата повестку и должен на днях идти на военную службу.

Юлька прочитала письмо и весь урок литературы просидела, ничего не слыша и не видя. Поездка в Москву рушилась, а разлука с Ромкой удлинялась теперь еще на два года.

На пляж она уже не ходила. Море гнало в залив высокие черные волны с белыми гребнями. Они с шумом обрушивали на берег мелкую щепку, обрывки сеток, круглые стеклянные поплавки, зеленые бутылки из-под вина. Ветер уныло гнал по мокрому песку клочки бумаги, сигаретные коробки и конфетные обертки. Одиноко торчали посреди пустынного пляжа грибки с облупленной краской.

Теперь все свободное время Юлька сидела дома на диване. Мать уже с сочувствующим интересом тайком смотрела на нее, но ничего не говорила, а отец почти каждый день приносил ей из магазина новые книги.

В конце ноября пришло второе письмо. Его извлекла из почтового ящика мать, возвращаясь в воскресенье утром с дежурства.

— Танцуй, что ли... Письмо тебе, — с нарочитой веселостью сказала она и подала Юльке конверт.

Ромка писал, что служить он будет в десантных войсках и очень этим доволен.

Земля уже звенела от мороза, но ни единой снежинки не задерживалось на ее гладкой как асфальт поверхности.

Юлька поднимала серый цигейковый воротник и вприпрыжку, боком, неслась к школе.

Она пересела на другую парту, рядом с окном, и во время уроков смотрела на бухту Золотой Рог.

В порту усердно покачивались высокие ажурные краны, медленно пересекал бухту старый паром, от причала уходила в море плавбаза. Там жизнь шла быстрее.

На переменах Юлька иногда подходила к 10 «а» классу. В прошлом году здесь учился Ромка, и они встречались около этой двери.

Как-то после уроков, она пришла сюда и присела на Ромкину парту. Ромка никогда ничего не вырезал на ней. Юлька провела пальцами по гладкой поверхности и пожалела, что у него не было этой привычки.

Домой из школы Юлька возвращалась почти бегом. В подъезде, привстав на цыпочки, она осторожно заглядывала в почтовый ящик. Чаще он оказывался пустым. Но оставалась еще надежда — письмо могла вынуть из ящика мать. Отец никогда не брал почты. К письмам он относился скептически, а к дружбе с Ромкой, как к ребячьей затее. Но об их переписке сказал:

— Если тебе так хочется, пиши... Только не очень часто — в письмах поссориться можно быстрее, чем в жизни.

В апреле солнце круто взмыло вверх. Мальчишки и девчонки из их класса стали ходить на «Водник». Там еще шел ремонт, и пляж был завален досками. Мягкий влажный ветер шевелил лениво свежие стружки и обрывки газет. Стойкий запах олифы и вара, которым смолили шлюпки и яхты, смешивался с запахом моря.

Ребята располагались в уголке пляжа и доставали учебники.

После того как Юлька трижды отказалась от приглашения принять участие в школьных вечерах, ее больше никто никуда не звал.

Но к морю Юлька вместе со всеми пошла. Накануне она получила от Ромки письмо. Он писал, что имеет на своем счету уже шесть парашютных прыжков и собирается всерьез заняться этим спортом.

Она вспомнила, как Ромка прыгал с вышки, с самого верха. Ромка становился на край, вытягивался весь к солнцу, поднимая прямые руки над головой, а Юльке казалось, что он вот-вот взлетит. Ромка пружинисто бросал свое тело вверх и, совершив в воздухе двойное сальто, почти отвесно входил в воду.

Юлька лежала на горячих досках пляжа с прикрытыми глазами. Со стороны казалось, что она дремлет. Но она видела малейшее Ромкино движение. Сердцем помнила, как, осыпая ее мелкими радужными брызгами своего мокрого чуба, он падал рядом с ней.

Теперь Юлька лежала там же, где когда-то с Ромкой смотрела вверх. Легкие перистые облака медленно расползались по голубому небосводу, чайки кружили над водой, а на вышке стоял какой-то парень.

Но вода была еще холодная, и никто не купался. А она все равно ярко видела, как взмывает в воздух Ромка, без всплеска вонзается в зеленую воду, потом выходит на берег, падает на песок рядышком, и капельки воды на его загорелом теле искрятся радужно.

В тот день мать дежурила в больнице, и отец, возвратясь с судоремонтного завода, не застал Юльку дома.

Он вынул из холодильника, который недовольно ворчал после ремонта, масло, колбасу, несколько яиц, долго искал сковородку, которую Юлька поставила на балкон, чтобы воробьи склевали остатки гречневой каши, и, выскоблив ее до блеска, поджарил себе и ей глазунью.

Яичница уже остыла, а Юлька не появлялась. Вечерний майский воздух, насыщенный запахом молодой листвы и чуть пахнущий пылью, слабо шевелил занавески на приоткрытых окнах.

Отец вздохнул, взял книгу и, не глянув на заглавие, лег на диван.

Проснулся он от тишины, которая переполняла квартиру.

Тревожно шелкнул выключатель, и ровный свет люстры залил комнату. Часы показывали половину первого ночи.

Волнуясь он надел пиджак, положил в карман надорванную коробку сигарет, спички и торопливо вышел на Океанский проспект.

Город еще не спал.

Внизу, около памятника, слышался звон гитары и чей-то залистый смех. Мимо проплыл троллейбус, шевеля на повороте троллеями, словно усами. Парень с девушкой стояли на другой стороне улицы и о чем-то оживленно спорили. Отец в первую минуту подумал, что это Юлька, но, прислушавшись, тяжело вздохнул, и еще больше забеспокоился. Он не знал, куда идти, решил подождать немного около дома. «Занятия в школе кончились, — подумал он, — может, собрались у кого-нибудь отметить это событие?» Но такое предположение сразу же показалось ему нелепым: Юлька всегда предупреждала родителей даже о намерении сходить в кино.

«Может, приехал Роман?»

Отец вспомнил, что однажды они с Ромкой играли в шахматы, пока Юлька гладила платье, собираясь в театр. Приехала новосибирская драматическая труппа, и мать купила им два билета. Тогда в разговоре выяснилось, что Ромка живет в доме с кариатидами. Отец хорошо знал этот дом. Улица, на которой он стоял, была улицей его детства.

Он закурил и недовольно попыхивая дымом, пошел вверх по Океанскому проспекту.

Ему долго никто не открывал, хотя окно на первом этаже, прикрытое шторами, в той квартире, где, по его предположению, жил Ромка, ярко светилось.

Наконец тихо стукнула щеколда и глухо женский голос спросил:

— Кто там?

— Это отец Юли... Ее, понимаете ли, нет дома... Может, она у вас? - волнуясь спросил отец и только потом сообразил, что не знает даже, та ли это квартира.

Дверь широко распахнулась, и он увидел худую высокую женщину с запавшими глазами.

— Входите, — сказала она сухо и отступила в сторону.

Он вошел в темный коридор, в котором пахло борщом и керосином, а из него шагнул в ярко освещенную комнату.

В центре ее стоял стол, покрытый белой, без единого пятнышка, скатертью. На нем лежал надорванный конверт и Ромкина фотокарточка.

— Что случилось? — спросил отец и почувствовал тревогу.

Женщина молча подала ему конверт.

Он вынул из него письмо, отстуканное на машинке, и сразу увидел строчки: «...Ваш сын... погиб при исполнении служебных обязанностей...»

Как же это так?.. — проговорил он тихо и сипло, глядя мимо женщины — матери Ромашки. — Юлька знает? — спросил он и вдруг устыдился этого своего вопроса.

А она, словно подхлестнутая молчанием отца Юльки, стала говорить быстро, проглатывая слова, глядя сквозь него своими черными страдальческими глазами:

— Муж нас оставил, когда я заканчивала институт. Ромке было всего полгода... Я одна и вырастила, и воспитала его. И никто не помогал. Я работала на полторы ставки. Всю жизнь. И вот он вырос... мой мальчик. Скажите, может произойти ошибка?

Он опустил глаза, не зная, как утешить эту женщину. И она поняла это.

— Юля сюда не приходила, и она, наверно, ничего еще не знает.

— Мы с женой зайдем завтра, — сказал отец. — Простите меня, надо идти... Юли до сих пор нет дома. В первый раз...

Он искал ее всю ночь.

На рассвете, обойдя окрестные улицы, он вышел к набережной и увидел одинокую фигурку на песке, около воды.

Юлька сидела, поджав ноги к подбородку, и смотрела на розовеющие сопки и на крупную белую чайку, которая парила над заливом, почти не шевеля крыльями.

Отец осторожно дотронулся до ее плеча, и она подняла голову.

— Как это случилось, Юля? Как ты узнала?

Юлька достала из накладного кармана конверт и фотокарточку, где она счастливо улыбалась, глядя на море.

— Написал его друг... Там все.

Отец давно прочитал письмо, но молчал, не зная, что сказать ей.

Пойдем, папа, — сказала она. — Нам надо зайти к Роминой маме. А потом...

У нее было строгое и отрешенное лицо, лицо много передумавшей женщины. Отец не узнавал его. И не надо было, почувствовал он, не имело смысла отговаривать ее.

ЕЛЬКА

Р а с с к а з

Деревня вольготно раскинула свои дворы в густых зарослях черемухи и яблони-дичка. Если смотреть на нее с холма, домов не видно. В глаза бросаются только сочные пятна огородов в обрамлении яблонь и черемухи.

Елькин дом стоит с краю, почти у речки, берега которой густо поросли тальником. Дом старый, с соломенной крышей, два маленьких оконца его выходят на улицу. Участок возле дома огорожен покосившимся старым плетнем, вдоль которого буйно разросся малинник. Грядки веселые, ухоженные. Я, помню, удивлялась этому, потому что никогда не видела Ельку за работой на своем огороде.

— А мне домовой в подмогу, — улыбнулась она, когда я однажды сказала ей об этом. — Он мужик работающий!

Вечер теплый, парной; чистое небо в закатных лучах солнца. Лицо у Ельки тоже чистое, смугло-розовое. Она только что вышла из воды. Я не свожу глаз с ее сильного тела в крупных прозрачных каплях.

Я смотрю на небо, на воду, на Ельку, и ощущение необыкновенной чистоты захлестывает меня. Елька вдруг смущается и коротко бросает:

— Отвернись!..

— Елька, — говорю я и волнуясь, — ты такая красивая, чистая...

Она удивленно смотрит на меня и молчит.

С Елькой мы познакомились, когда нас, городских школьников, прислали работать на все лето в их колхоз. Бригадир Степан — рыжий, зеленоглазый парень лет двадцати семи, недавно раненный под Сталинградом в грудь и «списанный подчистую», — поставил нас на прополку картошки. Картошка была хорошая, но густо заросла молочаем и вьюнком. В нашем звене было только двое взрослых — молоденькая учительница да я, шестнадцатилетняя девчонка. Остальным было по четырнадцать, а то и по двенадцать лет. Работали мы босиком, с тяпками управлялись не так ловко, как деревенские. И скоро в ход пошли косынки — рвали их на ленты и перевязывали пораненные ноги.

Неподалеку от нас пололи деревенские бабы. Трава на их участке была маленькая, и мы с завистью косились на них.

— Эй, городские! — окликнула нас вдруг одна из женщин. — Айдайте на наш участок, а мы — на ваш. Где вам справиться с такой травищей!

Мы благодарно улыбались ей и поменялись участками. Бабы, смеясь и весело переговариваясь, скоро заработали тяпками. Не пошла с ними только одна — высокая, синеглазая девушка, с толстой русой косой, уложенной вокруг головы. Она вытерла рукавом пот с лица, вздохнула и сказала:

— От дурные! Ничего вы тут не поделаете с пыреем-то!

И действительно, тяпки отскакивали, будто мы били по толстой резине. Но мы били и били, не поднимая головы. Было стыдно, что нас так легко провели, и обидно, что сильные, взрослые люди легко решились на обман.

— Вот так тяпку-то держите, — показала нам девушка.

Мы перехватили тяпки за самый низ черенка, и дело пошло.

Но, как мы ни старались, девушка от нас далеко ушла. Наконец она оглянулась, бросила тяпку и вдруг повернулась к женщинам.

— Ну, хватит, бабы! Побаловались — и будет!

Те засмеялись, что-то крикнули в ответ. Девушка одернула подол платья, подоткнутый за пояс, и решительно направилась к деревенским.

— Бесстыдницы! — крикнула она. — А ну вертайтесь на свой участок!

Девушка повернулась в нашу сторону и призывно махнула рукой.

— Идите, девки, сюда! Здесь вас бригадир поставил? — спросила она, когда мы подошли. Мы молча кивнули. — Вот и робите здесь. Бабы у нас до-о-брые, — протянула она и засмеялась.

Пожилая колхозница, мягко улыбнувшись, сказала:

— Чего там... пошутковали, конечно. Айдайте, бабы!

Но до нас долетело, как одна из женщин зло бросила:

— Подстилка бригадирова...

Девушка поперхнулась вдруг, вспыхнула, затем поправила косу и молча пошла за женщинами.

...Подстилка, потаскуха. Мне приходилось слышать такое о Ельке. Полным именем — Елена — ее никто не называл, хотя ей было уже тридцать лет. Помню, я очень удивилась этому. Тонкая, стройная, со смугло-розовым лицом без единой морщинки и с озорными глазами, она походила на молоденькую девушку, почти мою сверстницу.

В деревне было много красивых девчат и молодых. Взять хотя бы кладовщицу Клавдию, ничем она Ельке не уступит. Разве только сама потолще, да лицо потусклее, будто не высыпалась. Вся деревня знала, что Клавдия — любовница председателя. Но, кроме Хивричи-хи, жены председателя, худой, некрасивой, сравнительно молодой еще женщины, никто не сторонился Клавдии, глаз ей не колол. А если бабы когда и судачили меж собой об этом, то без зла. Может, это потому, что видели, как ласково разговаривает Хиврич с Елькой, как смотрит на нее долгим, задумчивым взглядом.

Однажды Елька возвращалась с бабами с поля. По дороге встретили конюха дядьку Петра, неторопливо трясшегося на двухколесной

Галина Бушуева родилась в 1927 году в Москве. С двенадцати лет живет на Дальнем Востоке. В 1950 году окончила филологический факультет Хабаровского государственного педагогического института. Четырнадцать лет проработала в школе. В журнале публикуется впервые.

таратайке. Завидев женщин, он дернул за вожжи — но-о-о! — и почмокал губами. Бабы, не сговариваясь, перегородили дорогу.

— Тпру-у-у! Куда это ты, дядька Петро, на ночь глядя?

— В Дубовку он, бабоньки. Говорят, завел себе там кралю.

— Что ж ты, дядька Петро, от добра добра ищешь? Иль в нашей деревне бабы перевелись?

Дядька Петро поскреб сивую бороду, усмехнулся в усы:

— И работа вас не берет, кобыл гладких.

— Завел, завел кралю! — засмеялась одна толстая молодуха.

Дядька Петро был смущен. Он скреб сивую бороду и повторял:

— От кобылы... от кобылы...

Елька вдруг, будто наперекор толстой молодухе, как-то особенно, посмотрела на дядьку Петра и сказала:

— И не старый ты еще, дядька Петро, а зарос, как осенний репей.

Бабы засмеялись. Мужик крикнул и деланно грозно прикрикнул:

— А ну с дороги! — И хлестнул вожжами коня.

Вечером, к великому удивлению жены, дядька Петро тщательно побрился, снял даже усы, к которым бритва не прикасалась лет двадцать пять. Тетке Нюре показалось подозрительной эта его внезапная забота о своей внешности (дядька Петро, сразу помолодевший, разглядывал себя в зеркало, задумчиво потирая гладкий подбородок), и она осуждающе протянула:

— Тю-ю-ю, старый!..

На другой день у конторы тетка Нюра показала на подходящего мужа и прыснула в кулак:

— Посмотрите, бабоньки, на старого дурня...

— Ай да Елька! — хохотнула одна из баб.

— Ее бы на фронт — для воодушевления, — подхватила другая.

Бабы бросали в сторону Ельки насмешливые взгляды. Клавдия поджала губы и прошла в помещение.

Однажды по деревне разнеслась весть: на том берегу, в километре от реки, расположилась воинская часть. Кое-кто из девчат пробовал вечером ходить по ягоду на тот берег, да только попусту — зона оказалась запретной.

Но вот однажды за клубилась пыль на дороге, и донеслась песня:

Эх, дороги — пыль да туман...

Солдаты под командованием молоденького лейтенанта пришли помочь колхозникам. Это был настоящий праздник. Девчата и молодые бабы сразу подобрали друг к другу. Шутки. Смех. Песни. Будто и нет войны. Будто и не было тяжелого труда с восхода до заката, не было черных, тоскливых ночей, когда тебя вдруг разбудит свет совсем довоенной луны и пахнет в открытое окно подсыхающим разнотравьем.

На «пяточок» Елька обычно не ходила. Интересу мало слушать Кольку-балалаечника, рослого мальчишку лет пятнадцати, которого война раньше времени сделала взрослым. Но теперь на «пяточке» уже играл баян, и бабы, управившись с домашними работами, шли сюда послушать музыку, попеть, посмотреть на мужиков. Навелась сюда как-то Елька. Она села в сторонке на бревнах. Девчата и бабы зашушукались, никто не позвал ее в круг.

Но вот, когда сержант-баянист, тряхнув чубом, растянул меха и лихо рассыпал польку, перед Елькой вырос высокий, ладный солдат. Он шелкнул каблуками и приложил руку к пилотке:

— Разрешите?..

Девчата досадливо переглянулись — красивый, бойкий солдат многим нравился. Елька с вызовом глянула на круг, поправила косу, одернула кофточку и встала.

Многим от досады даже танцевать расхотелось. Обмахиваясь платочками, девчата и молодухи отошли в сторону.

Вскоре на «пяточке» осталась одна пара. Черные Елькины полуботинки рядом с огромными кирзовыми сапогами, отплясывающими громко и ловко, казались совсем маленькими. Они будто не касались земли. А может, так казалось потому, что они были на Елькиных ногах, живших сейчас особенной, давно забытой жизнью. И незамысловатый, привычный танец показался вдруг очень праздничным. Лицо у Ельки тоже было воодушевленным. Временами ее губы трогала полуулыбка. Дышала Елька часто и трепетно. Я поняла: Елька сейчас не на «пяточке», а где-то далеко-далеко и от войны и от суровых буден, в своей юности.

Два человека не спускали с Ельки глаз — молоденький лейтенант и Степан. Восхищение лейтенанта было неприлично откровенным, к такому открытому проявлению чувств в деревне не привыкли. Степан же смотрел на Ельку исподлобья, с каким-то мрачным восторгом, нервно затягиваясь самокруткой.

Наконец баян, соперничающий с танцорами, не выдержал и смолк. Елька благодарно улыбнулась кавалеру и, приложив руку к груди, пошатываясь, пошла прочь с «пяточка». Степан, обжигая пальцы, докурил сигарку, бросил ее наземь, придавил носком сапога и направился следом за девушкой. Все переглянулись: Степан первый раз, не скрываясь, пошел за Елькой!

Я часто ночевала у Ельки. Мы ложились на широкую, уютную кровать и долго шептались. Ветер шевелил занавески на открытых окнах, по стенам прыгали неясные тени — это качались ветви черемухи под окнами. Маленькая комнатка Ельки пахла вкусным деревенским хлебом и полем — полы в доме каждый день застилались свежей травой.

Иногда Елька рассказывала о тайной, скрытой от меня стороне жизни. Рассказы ее были просты и бесхитростны, и я почему-то совсем не смущалась, слушая Ельку.

До войны Елька была замужем. Дмитрий — муж ее — был неплохим человеком, но, как она сказала, ленивым душой и в то же время очень ревнивым. Ельку он любил, но не понимал, и потому у них часто вспыхивали ссоры. Прожила она с ним семь лет, так ни разу не забеременев. К врачам ездила, к бабкам ходила — все впустую. В декабре сорок первого Дмитрия призвали в армию и вскоре отправили на фронт. А через три месяца после этого Елька получила похоронную.

— Порченная я, — грустно сказала однажды Елька, когда мы с ней по обыкновению забрались в кровать и стали шептаться. — Вот и со Степаном... — Она помолчала и некоторое время спустя добавила: — А может, и хорошо, что дитя нет.

Я вдруг вспомнила. Как-то я вместо учительницы, нашего бригадира, пошла получать хлеб. На складе была повариха, и я слышала, как Клавдия сказала: «Он, может, и рад бы вернуться, да хомут на шее держит...»

Я сразу догадалась, о ком шла речь: лицо у Клавдии было холод-

ным и злым. Таким оно у нее бывало всегда, когда она видела Ельку или при ней упоминали ее имя.

— А Степан, он, что, не хочет на тебе жениться? — пронзила меня вдруг неприятная догадка.

Елька долго не отвечала, потом, как на равную, посмотрела на меня.

— Баба есть у него, законная, — сказала она. — В Дубовке она. Степан ведь тамошний. В Черемухово к нам перебрался, как с фронта пришел. Председатель рад — мужик в хозяйстве...

— Из-за тебя перебрался? — спросила я.

Елька пожала плечами.

— А что вы не вместе живете? — продолжала я допытываться.

— Так если что, ему сподручнее будет домой вернуться, — просто сказала Елька.

Я, девчонка, совсем не разбиравшаяся в сложных отношениях взрослых, была поражена: как легко Елька шла на то, чтобы Степану, «если что, было сподручнее» вернуться домой!

— Ты любишь Степана? — спросила я.

— Наверное. Я так просто не могу.

Меня удивило и даже покорило это «наверное».

— Тогда почему вы не женитесь? — допытывалась я.

— Слабый он характером, Степа-то, — усмехнулась Елька. — Хоть и с орденом пришел с фронта. Лизу тут все хвалят и жалеют. А меня... Болтают бабы всякое. Со зла ли, от обиды... До войны мужики льстились ко мне... А баба, она всегда бабу обвиноватит. Вот и получалось, что я мужикам проходу не даю, на шею вешаюсь. Может, и Степа, как Митя когда-то, верит сплетням. Тот, бывало, наслушается брехни, выпьет, с лица станет сумным. Ляжем спать, руку положит мне на грудь и усмехнется: «А с кем тебе слаще?» — «Сдурел ты?!» — чуть, бывало, не плачу. — «Дыма, — говорит, — без огня не бывает. Оттого, рассказывают, и дитя зачать не можешь». Такая обида во мне поднимется!.. А когда ушел на фронт и я вскорости получила похоронную, здорово казнила себя. Думалось: люби я его крепко — не убили бы Митю.

В то лето что травы, что кукуруза, что подсолнухи — все выдалось на славу. И председатель, пока стояли погожие дни, торопил всех управиться с кормами. Он съездил к соседям за помощью — просил по возможности выделить машины. С солдатами снова приехал лейтенант.

Мы с Елькой работали на силосной яме — сбрасывали «зеленку» и утапывали ее. С нами работало еще несколько женщин и девчат. Метрах в двухстах от нас, у второй ямы, работал лейтенант. Он чаще других офицеров приезжал сюда с солдатами. Сначала застенчивый, густо красневший от соленых шуточек баб и в смущении отводивший глаза от голых ног, матово белевших из-под юбок, подоткнутых за пояс, и от расстегнутых на груди кофточек, лейтенант разочаровал молодых, соскучившихся по мужской ласке. Но потом стали замечать, что лейтенант, бывая поблизости от Ельки, не сводит с нее восхищенных глаз. И смущение лейтенанта, его немужская стыдливость стали для молодых более притягательными, чем грубое ухаживание деревенских парней. Неприязнь к Ельке вспыхнула с новой силой. В присутствии лейтенанта девчата все чаще заводили с Елькой разговор о Степане, называя его не иначе, как «твой». Елька отмалчивалась. На лейтенанта она старалась не смотреть. Как только Андрей (так звали лейтенанта) приближался к ней, она уходила.

Однажды я по обыкновению заночевала у Ельки. Спала я всегда крепко, не просыпаясь до самого утра. Но на этот раз меня разбудил громкий мужской голос. Торопясь разбудить Ельку, я протянула руку и вздрогнула от холодной пустоты.

— Тише, Степа, разбудишь девчонку, — глухо донеслось из-за плотно прикрытой двери в кухню.

Я удивилась: откуда тут взялся Степан? И вдруг щекам моим стало жарко: как я раньше не подумала, что должны же они когда-нибудь встречаться. Конечно же, Степан приходил к Ельке. И уходил до того, как деревня просыпалась. «Чтоб, если что, было сподручнее вернуться домой», — подумала я. И тут услышала:

— Не крути, Елька. Я и сам вижу — не такая ты стала.

Елька, как мне показалось, невесело засмеялась:

— А какая же, Степушка?!

— Не знаю. Только вижу — встал тот лейтенант промеж нами.

Елька что-то сказала и, видно, стала ласкать Степана, потому что голос его заметно потеплел.

— Ну, будет... бу...

«Целуются! — с ужасом подумала я, и мне стало противно. — Как она может?! Как она может?!» — билось у меня в голове. Спать я больше не могла, невольно прислушивалась к их шепоту, к неясной возне и со злорадством думала: вот встать бы сейчас и распахнуть двери. Взять бы и выйти сейчас! Посмотреть бы на них уничтожающе и презрительно бросить: ноги моей больше не будет в этом доме!

Как ушел Степан, я не слышала. Разбудил меня ласковый голос Ельки:

— Вставай, девонька, счастье проспишь.

Я открыла глаза, все вспомнила и невольно отодвинулась. Видно, на моем лице было написано что-то такое, что Елька спросила:

— Ты что? Ай приснилось что?..

Я не удержалась и сказала:

— Приснилось. Приснилось, что я проснулась, а тебя рядом нет, — но тут же спохватилась и умолкла.

Елька внимательно посмотрела на меня и смолчала.

...В тот день нас поставили на снопы. Ельки с нами не было. День выдался душный, парило. Спины у нас не просыхали. От духоты и усталости мы притихли. Никто за день нам не сказал: отдохните. А вот Елька бы... Теплая волна прошла у меня в груди. Елька... Она да Степан — вот кто нас, городских, по-настоящему жалеет. Степан сегодня уехал в район. Сейчас мне было смешно вспоминать, как я ночью разобиделась на Ельку. Я ждала вечера, когда вновь встречу с ней.

— Ничего, лапушка, — улыбнулась Елька, видя, что я то и дело хватаюсь за поясницу. — Крестьянский труд — он весь тяжелый. Сейчас пойдем искупаемся — и все как рукой снимет.

Елька сняла с гвоздя холщовое полотенце, достала из сундука чистое ситцевое платье. Потом подумала, достала еще одно, старенькое, выцветшее.

— На, это, может, будет тебе как раз, — и бросила мне на руки платье. — Свое постираешь.

— Да у меня есть, я сбегаю.

— А чего бежать-то, ноги зря бить? Разве только на «пяточок» пойдешь?

Я не знала, как сказать ей, что не буду больше ночевать у нее, так как не хочу мешать им со Степаном.

— Елька... — начала я неуверенно, — я буду ночевать со своими в амбаре.

Елька не сразу ответила мне.

— Иль обиделась на что? — не глядя на меня, тихо спросила она.

— Нет! — поспешила я уверить ее и тоже отвела глаза. — Просто... я мешаю... вам.

— Ах, ты вон про что! — облегченно засмеялась Елька. — Если только потому, так ты не бойся. Это мошка нас вчера загнала. К дождю, должно. А на сеновале, знаешь, как спится! Хочешь, сегодня там ляжем? Степа только завтра вернется, — ответила она.

...Дождь прошел стороной. К ночи небо очистилось, посветлело. В проем дверей с черного неба мигали далекие звезды. От запаха свежего сена кружилась голова. Спать не хотелось.

— Спой, Елька, — попросила я.

— Давай вместе, — охотно откликнулась она.

И мы запели — тихо, чтобы не будить ночную тишину:

Летят утки, летят утки и два гуся.

Ох, кого люблю, кого люблю, не дожусь я...

Елька вдруг оборвала песню и порывисто повернулась ко мне.

— Хорошо мне с тобой, — сказала она и погладила меня по голове. Я притихла. Мне тоже с ней было хорошо. — Ты вроде и за дочку мне и за подружку.

— Также скажешь — за дочку! — засмеялась я. Елька не обратила внимания на мои слова.

— Одна я. А тяжело быть одной... — В голосе Ельки я уловила тоску. Она продолжила: — Даже Степа... — И не договорила. Помолчала и перевела разговор: — Скажи, вот у тебя слова поются?

— Как это?

— Ну вот вроде бы обыкновенные слова — и вдруг поются. Вот послушай: небо дождичком умылось... Или вот: полилась рекой пшеница... Когда душа болит — сладко, тяжело ей — слова начинают петься. — Елька помолчала и вдруг заговорила речитативом: — Я бреду одна среди поля, у меня душа болит — не обида и не горе — небыль с жизнью говорит...

Я, удивленная, села.

— Что это?

Елька улыбнулась:

— Я ж говорю — слова поются.

— Елька, так это ж стихи!

— Ну да, скажешь! Стихи у Пушкина, у Лермонтова. Я люблю стихи. А то еще был такой поэт — Есенин. Жаль только, книжек его нету у нас.

— А ты откуда его знаешь?

— Пал Пимыч, районный библиотекарь, рассказывал.

— Елька, вспомни еще что-нибудь... твои поющие слова.

Елька подумала и почти спела:

— Из цветов венок сплела, белой рученькой взяла, в быстру речку опустила, косу с плечика сронила...

Так неожиданно Елька открылась мне еще с одной стороны.

— Елька, а кто-нибудь знает, что ты стихи слагаешь? Степан знает?

Елька даже подскочила.

— Ты смотри, не скажи где! Стихи-и-и! Куры на деревне засмеют...

Потом вдруг успокоилась, легла и глубоко вздохнула.

— Знает ли Степа, спрашиваешь? — помолчала.. — Степа хороший, но, как и Митя покойный, — душой ленивый.

Она снова порывисто села и обхватила колени руками.

— Вот скажи, разве должен жить человек, как, к примеру, кошка или собака, — сыт, в тепле и ладно? — Она вдруг усмехнулась. — Показываю я как-то Степе на звезды и спрашиваю: а наша земля тоже светится? Может, говорю, во-о-он на той звезде лежат двое на сеновале, смотрят на нашу землю и думают: «А наша звезда светится?» Степа почесался, позевал и... полез целоваться. А в другой раз идем с бабами с поля. Представляешь, солнце закатилось. Заря — на полнеба. Облака розовые. Поле золотое. По нему идут розовые бабы и поют песню. От красоты такой сердце зашлось, вот-вот слезы брызнут. Отстала от баб. Не услышала, как и Степа подошел. Вздогнула, потянулась к нему. Степушка, говорю, ты посмотри, какая красота кругом! А он...

Елька махнула рукой и замолчала.

— А он? — чуть слышно спросила я.

Ответа я так и не услышала.

Кончался август. Деревня вздохнула чуть посвободнее. То одну хозяйку, то другую Хиврич отпускал на базар в район, а то и в город. Настал и Елькин черед. Она предложила мне поехать с нею. Я обрадовалась. Все лето мы проработали без выходных, и сильно хотелось побывать дома. Я опрометью бросилась разыскивать Хиврича.

Елька редко обращалась в правление с просьбами, и потому, когда она попросила у Хиврича подводу, тот не стал возражать.

Я хотела было попросить председателя, чтобы мне под расчет дали немного муки и картошки, но Елька сказала:

— Не надо. Я тебе своего дам.

Я обрадовалась — осенью больше получу, но стало стыдно.

— Елька, спасибо...

— За спасибо батрак три года работал, — засмеялась Елька и взяла меня за руку. — Пошли, поможем.

Мы накопили картошки. Наломали початков кукурузы, выбрали тыквы, какие поспелее. В чистый мешок насыпали из ларя прошлогодней муки. Потом Елька пошла в сарай, принесла решетчатый ящик.

— Ну, кажись, все. Мойся, девонька, да пошли вечерять.

До райцентра километров тридцать. Мы едем по проселочной дороге. Солнце только встало. На листьях деревьев, кустов, на траве играет роса. Утренняя свежесть разогнала сон. Мы с Елькой сидим на телеге и молчим. Тишина. Слышится только мягкое поцокивание копыт жеребца Града, да, когда телегу подбрасывает на колдобинах, вскрикивают тесно набитые в решетчатый ящик петухи.

Вдруг тихо-тихо в воздухе поплыла песня:

Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь...

Это запела Елька. Голос у нее сильный, свежий. Елька любит петь у реки, когда рядом никого нет и песня летит далеко-далеко. В такие моменты бабы прощают Ельке все. Они затихают и нежно улыбаются чему-то далекому и милому.

Как по этому колечку
Буду плакать день и ночь...

Тихо-тихо поет Елька.

Нас обогнала полуторка и обдала густыми клубами пыли. Елька перестала петь и проводила ее задумчивым взглядом. Мне показалось, в кабине сидел лейтенант Андрей.

Дорога стала подниматься в гору, и мы спрыгнули с телеги. Елька ласково хлопнула жеребца по крупу:

— Но-о-о, Градушка, поспешай, родимый!

Солнце уже высоко, стало припекать. Мы обогнули редкий молодой лесок и сразу за поворотом увидели шагнувшего по обочине военного. Это был Андрей. Я взглянула на Ельку и перехватила ее быстрый и какой-то виноватый взгляд.

— Здравствуйте, — сказал он, когда мы поравнялись с ним.

— Здравствуйте, — ответила Елька, не глядя на него и не сбавляя шага. Она, показалось мне, хотела пройти мимо, это и Андрей понял. Он смущенно улыбался, но не отставал и не перегонял нас. Я рада была этому: вдвоем веселее идти.

Даже себе я не хотела признаться, что дело было в другом. Мне нравился этот самый красивый на свете лейтенант. Я испугалась, что из-за холодности Ельки он оставит нас, и изо всей силы старалась завязать разговор.

— А вы, если не секрет, далеко держите путь?

Мне очень хотелось быть сейчас такой же красивой, как Елька, и держаться так же непринужденно.

— Не секрет. Путь держу в райцентр, — ответил Андрей, не спуская глаз с Ельки. — А вы, как я понял, тоже в райцентр?

— Да, на базар.

Андрей вроде бы отвечал мне, но на самом деле разговаривал с Елкой. Но она молчала. Смолк и Андрей. Я не знала, о чем приличествовало говорить в подобных случаях, и тоже прикусила язык.

Лейтенант расстегнул ворот гимнастерки и снял фуражку. У него красивые темно-русые волосы, густые, слегка вьющиеся. Он бросил фуражку на телегу и взял у Ельки вожжи. Она не сопротивлялась. Только чуть отстранилась от него. И вдруг Андрей заговорил — напевно, мягко:

Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных...

Он читал стихи; Елька, я увидела, очень удивилась, но тут же на щеках ее вспыхнул густой румянец, глаза оживились. Она прибавила шаг, поравнялась с Андреем и заглянула ему в лицо. Он улыбнулся ей и продолжал читать. Читал почти без перерыва одно стихотворение за другим.

Вдруг я, как тогда на «пяточке», увидела совсем другую Ельку. Она опять была в каком-то совсем ином мире, непонятном мне.

— Это чьи стихи? — спросила Елька, когда Андрей умолк.

— Есенин. Слышали такого?

— Да. Мне про него районный библиотекарь рассказывал.

— А про любовь у него есть? — вдруг выпалила я и стушевалась. Но Андрей даже не посмотрел на меня. Он повернулся к Елке и стал читать:

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда...

Базар шумел. Пахло конским навозом, травой, хлебом. Андрей ушел по своим делам, договорившись встретиться в четыре часа у входа в сад, который примыкал к базару. Днем там паслись козы, коровы, лошади приезжавших на базар колхозников.

Мне нужно было найти попутную машину, чтобы уехать в город. Машину я нашла сразу, наверное, потому, что мне не хотелось уже уезжать от Андрея и его стихов. Елька вдруг предложила:

— Позвони отцу, пусть встретит машину, а сама, если хочешь, оставайся.

Я кивнула головой. Елька живо договорилась с шофером, пообещав ему что-то за услугу. А я побежала на почту звонить.

Мне не раз приходилось с отцом приезжать в райцентр или ездить по деревням — выменивать на продукты вещи. За два года с небольшим у нас ничего не осталось, что представляло бы какую-то ценность. И мне всегда становилось очень стыдно и больно за отца, когда он, смущенный и растерянный, пытался выторговать лишний стакан немолотой кукурузы.

Я с тревогой и любопытством ждала, когда к Ельке подойдет первый покупатель. И вот он объявился. Это была женщина, маленькая, худенькая, с таким же худеньким мальчишечкой лет двух, с почти прозрачным личиком. На висках его, по краям щек и на шее трепетно пульсировали голубые жилки. Мальчишка протянул тонкую ручонку и тихо, с удивлением и восторгом, сказал:

— Цы-ы-па!..

Елька как-то очень поспешно и неуклюже просунула руку в ящик, схватила петушка. Тот затрепыхался, мальчик отчего-то вдруг заплакал. Елька вытащила петуха и протянула его женщине. Та отрицательно качнула головой.

— Мне муки и, если есть, меду...

Меду не было.

— Куда вам муку? — спросила Елька. Женщина достала из сумки цветастый ситцевый мешочек. Руки у Ельки были заняты петухом. Она прижала его одной рукой к груди, а другой достала миску. Я кинулась ей помогать.

Женщина расплатилась деньгами. Уплатила совсем что-то немного. Когда она положила мешочек с мукой в сумку и собралась уходить, Елька, все еще прижимавшая петуха к груди, протянула его женщине.

— Мальчонке супчик сварите...

Женщина переводила взгляд с Ельки на меня.

— Денег у меня нет, — сказала женщина.

— В подарок... пожалуйста, — торопливо пояснила Елька.

Женщина опустила мальчонку на землю, взяла петуха и стала совать его в сумку. Тот дико заорал и захлопал крыльями.

Кое-как справившись с петухом, женщина поблагодарила Ельку, подхватила сынишку и, кланяясь, стала пятиться, будто боялась, что стоит ей отвернуться, и все окажется неправдой.

Елька все прятала от меня лицо, словно сделала что-то недозволенное.

Наша соседка, румяная здоровая баба в мужских сапогах и пиджаке поверх широкого в сборку платья, осуждающе фыркала.

— Ты, девка, дома делай, что хошь. Хучь все раздай, а туточки покупателя не порть.

У Ельки был виноватый вид. Но она справилась с собой, обозлилась и вдруг выпалила тетке такое, что у той открылся рот и долго не мог захлопнуться.

Расторговались мы быстро. А всего-то и прибытку — несколько коробков спичек, два куска мыла, пластинка «Брызги шампанского», пара простых чулок да немного денег. Я была поражена неумением Ельки торговать.

Один раз, правда, я видела, как глаза Ельки жадно загорелись. Это когда к нам подошли интеллигентного вида мужчина и женщина. Они предложили обменять на муку и картошку красивые, почти новые туфли на высоком каблуке. Размер оказался Елькин. Она растелила мешок и примерила туфли. Ноги ее, стройные, с крепкими икрами крестьянки, красоту которых не портили даже грубые полуботинки, поразили меня: так изящно сидели на них туфли. Лицо у Ельки от удовольствия и радости разругалось, а когда подняла она глаза, кровь вдруг отхлынула от ее щек, только улыбка еще не успела сбежать с лица.

Женщина стояла не шелохнувшись, крепко сцепив пальцы рук мужа. Она улыбалась — вымученно, жалко. Елька в одно мгновение сняла туфли и протянула их мужчине.

— Жмут, — хрипло сказала она.

Туфли наделись легко. Мужчина это видел.

— Возьмите, — мягко произнес он. — Не сегодня, так завтра все равно.

Елька решительно затрясла головой.

— Малы. Мне мыла бы...

Мужчина вздохнул и спрятал туфли в сумку. Они уже довольно далеко отошли, когда Елька окликнула их:

— Эй, как вас?!

Они вернулись, и Елька, отводя глаза, сказала:

— За деньги можно муки, если не очень много.

Мужчина с женщиной засуетились, доставая мешочки.

Мне было жалко Ельку. Жалко женщину. Жалко себя. Но, подчиняясь здравому смыслу, я сказала:

— Ну и зря ты... Кому-то другому достанутся.

Обедали мы в районной столовой. У Андрея оказались талончики. Все проголодались и ели с большим аппетитом. Он ни на минуту не умолкал, рассказывал забавные истории, а Елька, закидывая голову, звонко хохотала, потом, прикрыв ладошкой смеющийся рот, конфузливо оглядывалась по сторонам.

Я, скорее всего ради собственного утверждения, — дескать, и мы не лыком шиты, довольно остроумно описала Ельку, добровольно отказавшуюся от женской мечты — красивых туфель. Но Андрей отчего-то не засмеялся. Он смолк как-то вдруг, стал очень серьезным и посмотрел на Ельку долгим взглядом, от которого даже у меня екнуло сердце. Договорились сходить в кино.

Билеты Андрей взял на шесть часов. В запасе у нас была уйма времени, но Елька виновато посмотрела на Андрея и заявила, что в кино не пойдет.

— Поздно очень...

Я оторопело уставилась на нее..

— Как поздно? — растерянно спросил Андрей и потрогал карман гимнастерки, в котором лежали билеты. — Мы же договорились.

— Поздно, Андрюша, — упрямо повторила Елька. — Сходите с Маринкой, а потом привезете ее...

У меня дыхание перехватило от такой перспективы, но Андрей даже не посмотрел в мою сторону.

Хотя я и видела, что Андрей интересуется Елькой, не думала, что это может быть серьезным. Ельке уже тридцать, а это делает любовь между ними невозможной. И опять во мне шевельнулось что-то недоброе по отношению к Ельке. И все же я сказала громко, словно меня могли не расслышать:

— Нет, Елька, без тебя я не пойду.

— Вот видите! — обрадовался Андрей.

...Высокие звезды и месяц-молодик едва обрисовали придорожные кусты. Град весело, без понуканий трусит по чуть приметной дорожке. Вечер теплый, но я зябко кутаюсь в большой пиджак, который дала мне Елька. Мне одиноко, я примостилась сзади, отдельно. И мне обидно, что они не зовут меня к себе.

С удивительной проницательностью для шестнадцатилетней девчонки я поняла: Елька любит Андрея! Когда же это случилось? Неужели за этот день? Я вдруг вспомнила, как Степан упрекал Ельку, говоря, что Андрей перешел им дорогу. Значит, он уже тогда что-то заметил!

Андрей совсем, казалось, забыл, что они не одни. Елька тоже, по-моему, забыла обо мне.

— Вы любите Степана? Да? Не молчите же! — Андрей схватил Ельку за плечи и повернул к себе. Мне показалось, они с ненавистью уставились друг на друга. Елька вдруг сильным движением сбросила руки Андрея со своих плеч.

— Что вам надо от меня?! — голос ее дрожал. — Что вам на-а-а-а до от меня?! — протянула она, как проголосила. — Кто вы мне и кто я вам?!

Она схватила вожжи, до этого лежавшие в передке телеги, и стала яростно нахлестывать Града.

— Но-о-о! Но-о-о!

Не привыкший к такому обращению, Град коротко заржал и пустился вскачь.

На другой день утром, когда мы собрались у конторы, ко мне подошел Степан и отозвал меня в сторонку. Глаза у него запали, на побледневших щеках с ясно проступившими даже сквозь загар веснушками ходили крутые желваки. Бабы зашумукались, стали переглядываться. Степан ничего не замечал.

— Ты все время с ними была? — без обиняков спросил он меня.

— Да, — сказала я.

Степан вздохнул тяжело и протяжно. Мне стало жалко его. Я подыскивала слова, чтобы сказать ему что-нибудь утешительное.

— Ладно, ступай... — сказал он и, сутулясь, пошел к конторе.

Для меня настали трудные дни. Я была почтальоном Андрея, поверенной Степана. Елька замкнулась. Я не слышала больше ее песен. Она побледнела и стала еще тоньше. Когда я приходила к ней, мы молча ужинали и ложились спать. Я знала: она не скоро заснет. И сама не могла спать. Мне было жалко ее какой-то холодной, отвлеченной жалостью. Но однажды эта жалость стала шемюще-острой.

Я пришла к Ельке. Хата безмолствовала. Решив, что хозяйка в сарае или в огороде, я хотела было выйти, но сначала заглянула в комнату. Она сидела за столом, положила голову на руки. На столе лежали письма. Я сразу догадалась, чьи. На шум Елька подняла голову. Рассыпавшиеся волосы, красные глаза, припухшее лицо. Мне показалось, Елька пьяна. Она непослушными руками сгребла письма, прижав их к груди, и, криво улыбнувшись, стала смотреть на меня, будто видела меня в первый раз. Мне стало не по себе.

— Проходи... — наконец сказала она.

В этот вечер Елька впервые заговорила со мной об Андрее.

В комнате было тихо, только в открытое окно с вечерней прохладой вливался стрекот кузнечиков.

— Измучил он меня, — судорожно сглотнув, вдруг громким шепотом сказала Елька. — Совсем измучил! — Она будто продолжала давно начатый разговор. — И никуда мне от него не уйти. Никогда! — Она вдруг вскочила, прошлепала босыми ногами по полу, нашарила на столе спички и зажгла лампу. Я заразилась ее волнением. Развернула первое письмо.

«Елька! Они даже не догадываются, как идет тебе это имя. Елька... Я повторяю его бесконечно. Все, что в жизни будет у меня хорошего, я буду связывать с твоим именем.

Ты молчишь. Ты избегаешь меня. Но ты не уйдешь от меня. Знай это так же хорошо, как знаю я.

Это тебя воспевали Блок и Есенин. Это о тебе поют в песнях. Моя любовь окажется сильнее твоего равнодушия. Милая Елька, я скажу это всем: я люблю тебя, и мы будем вместе!

Всегда твой Андрей».

Я читала письмо за письмом. Жадно, вжале. Я носила эти бумажки Ельке, не предполагая, что ношу душу Андрея — большую, восторженную, пораженную любовью.

Я кончила читать и посмотрела на Ельку. Она уткнулась в подушку и плакала. Я погладила ее по голове. Сейчас я чувствовала себя старше Ельки.

— Елька, зачем же ты его и себя мучаешь?

Она резко повернулась ко мне.

— Господи, да что ты понимаешь?! Он выдумал все! Он же сумасшедший! Кто я? Деревенская баба. Старуха! А он мальчишка!

Я пыталась возразить ей, но она не слышала меня.

— Красота бабья, что майские цветочки. Расцвели и — нету. С чем я останусь?

— А твои стихи?

Это, наверное, было действительно смешно, потому что рассмеялась даже Елька.

Правление колхоза решило устроить праздник урожая и позвать гостей. Волнение, связанное с предстоящим торжеством, на время отвлекло внимание деревни от Ельки. Хотя люди осуждали легкомысленную Ельку, жалели Степана, сейчас было не до этого. Каждый рад был предстоящему веселому застолью, когда отступят на время все заботы и горести. Над деревней то там, то здесь вспыхивала задорная песня. Хлопали двери, перекликались веселые голоса, звенела посуда. Стойко пахло медом — варили медовуху. Тихо было только в Елькином доме да в домах двух солдаток, недавно получивших похоронки.

Приглашать гостей Хиврич отправился сам. Принарядившийся, торжественный. Председателю хотелось хоть чем-то отблагодарить соседей за помощь. Тем более, что прошел слух, что они вот-вот снимутся. Кто не догадается, куда во время войны отправляются солдаты!

Клуба здесь пока еще не было — деревушка небольшая. Думали-гадали, где поставить столы. И решили расположиться во дворе правления, под черемухами. Степан с дядькой Петром сколотили столы. Не очень складные, правда. Но бабы застелили их скатертями, которые повывтаскивали из своих сундуков, и стало нарядно.

Гости приехали с песнями. Из кабины выскочил высокий, статный капитан со смуглым лицом южанина. Хиврич бросился ему навстречу:

— Вано Георгиевич! Дорогой! Прошу, прошу...

Андрея я увидела сразу. Он тревожно осматривался. «Ищет Ельку», — сразу догадалась я.

Одна за другой стали появляться бабы с девушками. Они собирались кучками, о чем-то шептались, поглядывая в сторону гостей, собравшихся вокруг баяниста, пробовавшего лады.

Андрей незаметно исчез.

— Прошу к столу, гости дорогие, — сделал широкий жест рукой Хиврич и поклонился.

Все стали рассаживаться.

Скоро стало шумно. Клавдия, Хивричиха и тетка Нюра ходили от одного к другому и щедро подливали из ковшей медовуху. Было на столе и несколько бутылей первача. Лица всех раскраснелись. За столом произошло незаметное перемещение: каждый выбрал соседа или соседку по душе.

Я первый раз в своей жизни пила медовуху, этот вкусный и, на первый взгляд, безобидный напиток. Но вместо веселья, мне вдруг стало отчаянно тоскливо. И тут я увидела Андрея с Елкой. Он, чуть впереди, вел ее за руку. Елька, бледная, с остановившимся взглядом огромных синих глаз, шла очень прямо, приложив свободную руку к груди. На ней была расшитая красным крестом белая кофточка и широкая кашемировая юбка, стянутая в талии вязанным красным кушачком. Рядом с высоким, плечистым Андреем она казалась маленькой, чем-то испуганной девочкой.

Не одна я заметила эту ладную пару. За столом на мгновение стало тихо. С возгласом «Елюшка!» Хивричиха поспешила им навстречу. Но Хиврич опередил жену. За столом сразу зашумели, стали сдвигаться плотнее, освобождая место. Хиврич стал усаживать их рядом с собой. Андрей, мягко высвободившись из его рук, обратился к капитану:

— Вано Георгиевич, познакомьтесь, это Елька...

Елька вспыхнула и церемонно поклонилась, как кланялись в старину. Капитан не сводил с нее глаз.

— Андрюша, друг! Видал красоту, а такую вижу первый раз. — Он смешно вытаращил глаза и поцокал языком: — Пропал джигит!

Степан, сидевший неподалеку и державший в руке граненый стакан с первачом, выпил его одним махом и так сжал стакан, что тот с треском развалился. Все повернулись в его сторону, а он тупо уставился на ладонь, набухшую каплями крови. За столом стало очень тихо.

Помертвевшая Елька подошла к Степану и положила ему руку на плечо. Тот не шелохнулся.

— Бедный Степа, — тихо сказала Елька. — Прости...

Степан не то сказал, что-то, не то громко всхлипнул и закрыл лицо окровавленной ладонью. Добрая, все понимающая наболевшим сердцем, Хивричиха поспешила увести его в контору.

Молодежь и баянист ушли на «пятак». За столом пожилые бабы с дядькой Петром и Хивричем пели украинские песни.

Елька сидела рядом с капитаном, прямая и молчаливая. Перед ней стоял полный стакан медовухи, который она даже не пригубила. Андрей тоже молчал. Он только нервно ерошил волосы и как-то коротко и часто вздыхал, будто все собирался что-то сказать.

Капитан, не переставая, шутил, обращаясь то к Елке, то к Ан-

дрею, но видел, что лица их становятся все напряженнее. Он чувствовал, что сейчас, если этому не помешать, произойдет что-то непоравимое. И вдруг по-юношески легко вскочил и склонился над Елькой.

— Елька, разрешите пригласить вас на вальс?

Елька бросила на Андрея короткий, полный незатаенной боли взгляд и встала из-за стола.

— Стойте! — крикнул Андрей и смутился.

Возглас Андрея услышали все, и песня тут же смолкла.

— Нам надо поговорить, Еля.

— Обо всем уже переговорено, Андрюша, — устало, но с решимостью сказала Елька.

Капитан отстранил Андрея и обнял Ельку за плечи.

— Еля, вы же любите Андрея! Я вижу, — зашептал он. — Зачем так мучить человека?!

— Я не люблю его, — еле слышно сказала Елька. — Нет, не люблю!

Наступила томительная пауза. Люди смотрели на молоденького лейтенанта и Ельку и молчали. В наступившую тишину с «пяточка» ворвалась песня:

Играй, играй, тальяночка,
Рассказывай сама...

А Андрей вдруг повернулся и побежал прочь, тяжело, неровно...

Солнце почти скрылось, стало быстро темнеть. Праздник кончился неожиданно грустно.

Я подошла и робко дотронулась до руки Ельки. Она посмотрела на меня невидящими глазами. Капитан грустно сказал:

— Мы больше не увидимся. Прощайте, Елька. — И торопливо пошел к машине.

Люди стали расходиться по домам. Остались только мы с Елькой, Хивричиха да еще две-три женщины. Они убрали со стола.

Капитан пожал руку Хивричу, и машина, фыркнув, ходко взяла с места.

— Пойдем, Елька, — сказала я.

— Пойдем...

Елька, постаревшая, с некрасивыми складками у губ, едва представляла ноги. Вдруг она остановилась и уставилась на меня. В сумеречном свете глаза ее горели странным, почти безумным огнем. Мне стало страшно.

— Что ты, Елька? — заплакала я.

Елька тяжело положила руку мне на голову и стала гладить по волосам. Мне показалось, она задумала что-то. И я, уже не сдерживаясь, громко заголосила:

— Е-е-ля-а-а, Е-е-ле-е-нька, пойдем домо-о-ой!

Она вдруг стремительно повернулась и побежала назад, в ту сторону, куда ушел Андрей.

— Андре-е-й! — разнеслось над деревней.

Я, всхлипывая и вытирая набегавшие слезы, побежала следом.

— Андре-е-ей! — отчаянно и безнадежно кричала Елька.

Залаяли собаки. В хатах захлопали двери. Где-то над речкой катилось и затихало далеко долгое «э-э-эй!»

У ворот стояли бабы. Молча.

СТАРИК

Рассказ

1

Он был высокий и сутулый, с едва наметившейся сединой белесых волос, хотя уж третий год как вышел на пенсию. Брови отросли и обвисали так, что волосы маячили под очковыми стеклами. Ходил он вверх по лестнице с одышкой, и это было для него тяжело, когда лифт не работал и приходилось подниматься на девятый этаж. Был он одинок, очень одинок, этот старик. В большом городе у моря не было у него друзей. Такое случается, к сожалению, нередко, и молодым этого одиночества никогда не понять. Он, Андрей Иванович, и сам прежде этого не ожидал, иначе, быть может, как-то по-другому бы распланировал свою жизнь. Он помнил годы, когда жаждал одиночества и в душе смеялся над теми, кого тянуло непременно на люди. Все заключалось в том, что раньше у него было дело, заполнявшее его жизнь до краев, и ему казалось, что, посвятив себя этому делу, он будет обеспечен поисками, стремлениями и волнениями на три жизни.

Всю жизнь он проработал заведующим химической лабораторией на горнорудном комбинате. Увлекался химией со школьных лет и считал, что этой пламенной любви к науке ему хватит на всю жизнь. Но жизнь оказалась чересчур длинной для этой привязанности. Лаборатория с ее техническими анализами и поисками поглощала все его время, и он откладывал свои научные идеи из области чистой химии на будущее, на то время, когда станет посвободнее. Но такого времени не приходило, а идеи устаревали, точнее, их находили и даже перекрывали другие ученые. В конце концов от его некогда интересных замыслов почти ничего не осталось. У него еще была некоторая надежда. Потом не осталось и ее.

Не осталось и самих набросков. Это случилось, когда он потерял семью. Прожив с женой восемь лет, он вынужден был оставить ее из-за ее несносного истерического характера, из-за того, что она не хотела считаться с теми его работами, которые не влекли за собой материальной выгоды. Оставив жену, он оставил с нею и свою пятнадцатилетнюю дочь.

Жена, когда он ушел из дому, уничтожила все его рукописи, научные заметки, наброски — все, что он сделал и откладывал для будущей разработки. Бумаги, рукописи оставались у нее много лет с тех пор, как они расстались, и он надеялся, что она в память их прошлой любви будет хранить их, и долго не обращался за ними. И вот когда он написал ей однажды письмо с просьбой выслать ему рукописи, она ответила, что все его бумаги давно сожгла. Он написал вторично, не верил, что она могла спалить его работы, зная, что они представляют для него немалую ценность. Она сухо ответила: «У меня

и без того есть память о тебе — дочь и теперь еще внучка». По ее мнению, было более чем странно, рассчитывать, что она станет хранить годами совершенно ненужные ей рукописи. Да он и сам столько лет не обращался за ними, какие могут быть к ней претензии. Это был удар, сила которого ощущается больше с годами, когда все меньше остается надежд касательно своих творческих возможностей.

Но еще раньше был другой удар. Она запретила ему видеться с дочерью. Конечно, он мог подать в суд. Но к чему бы это привело? Жена нашла бы способ укрыть дочь от него. Долгое время он жил мыслью, что когда дочь повзрослеет, она сама все поймет и придет к нему как к отцу. Но на деле все получилось наоборот. Чем больше дочь росла, тем враждебнее становилось ее отношение к отцу. Она стала возвращать подарки, не отвечать на письма и пересылать их назад нераспечатанными.

Он понял, что для дочери он совсем чужой человек.

Разумеется, он женился во второй раз. Но его жена умерла еще до его выхода на пенсию. Детей у них не было. Своих друзей геологов и металлургов он растерял, переехав в город у моря. Те отрасли науки, которым он посвятил свои исследования, далеко ушли вперед, и он предпринимал утомительные попытки восстановить хоть что-то из утраченного. Почувствовав свое одиночество, он пытался за этими занятиями провести, может быть, последнюю тысячу дней, из отпущенных ему природой двадцати пяти тысяч, как оптимистично полагал он сам. Да еще в бытовых заботах проходило его время. Если не считать ежедневных прогулок на ближний берег моря, куда ходил он трижды в день.

И вот там, на берегу моря, он встретил маленькую девушку Марину, которая как раз была ровесницей его внучке, Светланиной дочери.

Маленькая Маринка жила в домике на берегу моря.

2

Они шли вдоль берега.

— Итак, значит, тебя зовут Малина.

— Не-ет, — она опять, как и раньше, не согласилась. — Нет, меня зовут Ма-ли-на. — Ей казалось, что она исправила ошибку старика.

Олег Сергеевич Щербановский родился во Владивостоке в 1918 году. Работал на судоремонтном заводе, плавал на судах Дальневосточного пароходства, много лет был журналистом. Читателям известны его повести «Стрелка», «Новая цефеида», несколько сборников рассказов и романы «Не оставляй надежды», «Унесенные бурей» и «Ловцы трепангов».

Основные произведения О. С. Щербановского впервые были опубликованы в журнале «Дальний Восток».

— Понятно. Малина. Это значит, ты ягодка. Красная ягодка, верно?..

— Нет, я не ягодка, а девочка... А вот какая лакушка! Это я нашла!

Да, нашла она, и Андрей Иванович, собиравший от нечего делать морскую коллекцию, и не спорил, он и не претендовал на эту ракушку, хотя она ему очень понравилась. В его скромной коллекции такой еще не было, розовой, спиральной, с рожками на внешнем ободке и полупрозрачной.

Маринка только что искупалась в море, окунулась и выбежала, села на песок, спрашивая: «А почему вы не купаетесь?» Мог ли Андрей Иванович объяснить, что у него хроническая пневмония и он не может купаться в такой теплый, почти знойный день. Но все-таки он сказал: «Я болею и могу от воды сразу простудиться».

Трусики Маринки были еще мокры, сзади к ним прилипли песчинки, голые плечики загорели, а на спине, на выступающих лопатках и на позвоночнике белела высохшая морская соль. А купаться в трусиках ей было совсем ни к чему — разве только из подражания взрослым.

Андрей Иванович познакомился с девочкой-ягодкой только три дня назад здесь, на берегу, и был в восторге от ее наивности, а порой и от ее детской интуитивной догадливости, неожиданной для ее возраста. Он уже заранее радовался предстоящей встрече и разговору с ней. А сейчас он провожал ее домой, ведя за руку. Босиком, она натыкалась на острые камушки, и Андрей Иванович обводил ее вокруг опасных мест.

— У меня такой ракушки никогда не было, Малина.

— Да я не Малина, а Малинка!

— Ну, ты уж не сердись, если я буду называть тебя ягодкой Малинкой. Ракушка эта редкая, ты, наверно, поиграешься и бросишь ее. А на нее наступят и раздавят.

Но Марина была девочка добрая.

— Если вам надо — белите. Там же не было моля, откуда вы плиехали. А я себе еще плаваю.

Створки раковин, которыми усыпан берег, хрустят под его ногами, а ее, девчонкина, босая лапка даже не давит их. И, наступая на острые камешки и раковинки, Ягодка Малинка поджимает ноги, отдергивает каждую поочередно, будто пританцовывает. Ноги у нее, как и вся она до пояса, загорелые до черноты, а кудри выгорели на солнце прядями. В хорошую погоду она так и ходит целый день в одних трусиках, и за ней как будто нет присмотра — сама себе хозяйка. А на спине у нее также, как на курносом носу, просвечивают веснушки.

От моря веет теплом, оно не охлаждает воздуха, прохлады нет совсем, и еле плещет слабая ленивая волна, чуть отороченная пеной. Когда она оmyвает песчаный скат берега, то он темнеет, напивавшись водой, потом светлеет снова.

— А гляньте, какие камушки! У вас нет таких. Возьмите себе. Я вам наищу и подалю, сколько хотите, — говорит Маринка.

Андрей Иванович задумался, поэтому отвечает машинально.

— Да мне нужны такие камушки, у меня нет таких. Как хорошо, что ты их нашла...

На прибрежной гальке вдоль берега стоит много лодок. Окрашены во все цвета. Одни плоскодонные, другие килевые, есть и большие с моторами, и их моторные рубки закрыты на замки. А названия, каких только нет! Вот уж любовь и фантазия. И «Орион», и «Голуб-

ка», и «Ерш», и даже «Чародейка», а вот в честь жены или любимой девушки «Зина».

Море сейчас молчаливо, хотя оно умеет говорить на разных языках и различным тоном: ласковым, нежным, сердитым, грозным. Андрей Иванович приходил сюда во всякую погоду, чтобы послушать море, даже его шепот, даже его гнев.

Маринка что-то еще нашла. Кусочек зеленого стекла от бутылки. Он так отшлифован морем, что весь матовый и без единой острой грани. Маринка смотрит сквозь стекло, притиснув его вплотную к своему сине-серому мохнату глазу, и удивляется и смеется...

— Все как-то не видно, почти совсем не видно, только что-то чуть-чуть...

— Как в тумане?

— Ага, как в тумане.

Также удивляется она коричневому камушку с тонкими слоями белых прожилок, — это шоколадная конфетка с орехами, быстро соображает она. Значит, ее мышление способно к аналогиям. Андрею Ивановичу любопытно наблюдать за развитием Маринкиной мысли. Вот она уже воображает себя продавщицей, которая торгует разными конфетами, и набирает полную руку камушков, похожих на монпансье, на карамельки.

— Становитесь в очелдь получать конфетки...

Так и с очередями она уже хорошо знакома. И старик думает: «Завтра я принесу тебе конфет. Разных. Наверно, дома тебя не очень балуют. Вон поцарапаны как ноги, сбиты пальцы, и хоть бы что...»

Старик подошел к самой кромке прибоа, замочив свои сандалии, и поднял очень крупный и красивый, в виде сплюснутого шара, панцирь морского ежа, — на нем еще сохранились кое-где черные длинные иглы, хотя они едва держались. Маринки спросила:

— Вы любите моле... И волны, да?

Ишь ты! Как это она почуяла. Значит, под этими соломенного цвета волосинками есть понимание того, что испытывает другой человек — тоже по аналогии со своими чувствами. Или, быть может, с чужих, где-то услышанных слов. И его бесконечно и грустно волновала свежесть ее детских чувств. Она показывала вдаль, к горизонту. Над ним плыли клочковатые тучи, целыми многочисленными стадами, курчавые как овцы. А дальше шли полосы разметанных конскими гривами облаков. И Маринка спросила:

— Почему тучи всегда идут оттуда, где их много, туда, где их совсем нет? Ведь небо там было чистое-плечистое, а они его запачкали. И, навелно, кто-то выметает их большущей метлой — вон какие волосы!

— Это ветер их выметает. А потом небо будет снова чистым. Может быть, даже сначала пойдет дождь.

— Дождик, ой как холошо! — скачет Маринка.

И он завидует девочке, что растет она у моря, что она только начинает узнавать то, что он давно уже познал до усталости, что все для нее полно тайн, полно больших ожиданий. И он размышлял, почему люди из больших городов, завязтые урбанисты, так тянутся к природе, к естественному, еще не тронутому человеком. И так же, как в моменты отдыха, выхватывая передышку от повседневной борьбы, от кипения страстей, от тревог и волнений, мы вспоминаем о безмятежном детстве, — даже трудное, оно бывает прекрасным. Но о таких вещах не говорят, это выглядит очень душещипательно и недостойно современного человека. Впрочем, теперь, когда он может отдыхать от всех волнений, их-то, привычных, ему и не хватает. Строгая у него

была профессия, она не оставляла времени на то, чтобы оглянуться назад.

А теперь ему захотелось вспомнить воображаемый мир детства, мир, каким мы представляем себе его в детстве, на девять десятых воображаемый мир, где что-то таинственное стоит за каждой вещью, каждым явлением, какой-то неугаданный смысл, которым обязательно вместе с повзрослением будут наполняться вещи и ощущения — и все это предчувствуется. Да, да, ему вдруг захотелось увидеть все глазами маленькой Маринки, увидеть глазами детства. Он взглянул вокруг себя с каким-то переродившимся чувством: какая красивая, играющая перламутром раковина была в ее детской руке с пальчиками в заусеницах, с короткими ноготками, подчеркнутыми темными лунками. И увидел он сверкнувшие яичными желтками цветы у обочины, и голубые огоньки бессмертников, и мелкую белую россыпь цветущего паслена. Он вдруг зорко увидел зеленые, желтые и бурые травы, омутенные морской солью от прибойных волн, вывешенное на просушку цветное белье у крайнего дома — сиреневые наволочки, голубые и желтые сорочки, майки разных оттенков, надутые ветром пододеяльники с ромбическими вырезами, — они вдруг показались странными птицами, рвущимися с привязи, увидел и бронзовые, поцарапанные ножки Маринки, и ее с латунным отливом волосы, и красно-голубые лодки на берегу, прибежище гномов, и снежную, затейливо вязаную пену у кромки прибоя, и густую темно-синюю волну, и стальную ленту линии горизонта, и глубокое бездонное небо наверху, таящее чудеса... А там у мыса приютилось три домика, их всего три. Старик подумал, что сейчас он своей детской фантазией может преобразить эти домики, и этот мыс, и этот прибой, сделать их сказочными.

— Вот эти домики сейчас, как голубки, снимутся и полетят, — сказал он, — а море застынет, как синий лед, только не будет холодным, а зато вот эти камушки станут конфетами, а скалы — из золота.

Такая логика для Маринки была вполне обыкновенной, и она несколько не удивилась.

— И тогда бы я смотрела на тучи из окна вниз. Ну и как тогда ловить лыбу? А мама белье повесила, она тоже полетит с нами. Мамы дома нет. Очевидно, она пошла сдавать бутылки.

— А что, у вас много бутылок?

— Много. И когда папа плывет с моля на своем палоходу, тогда еще больше. Потому что гостей много.

Маринка подняла длинный лист морской капусты, только что выброшенный прибоем.

— Наша Ага салат делает.

— А кто такая наша Ага?

— Не знаете? Это же моя сестла Агата.

Они останавливаются возле большого моторного катера с закрытой на замок рубкой. Полозья на слипе уходят прямо в воду. Тут же ручная лебедка со стальным тросом. Лодку, или точнее, катер удобно спускать и вытаскивать, один человек справится, думает Андрей Иванович. А катер выглядит красавцем — изящные обводы, покрашен голубым, днище — красное, на рубке — иллюминаторы, за кормой трехлопастный бронзовый винт с большим шагом.

— Это Костина лодка, — говорит Маринка.

— А Костя, что, твой брат?

— Нет, он просто Агатин жених.

— Это у тебя такая большая сестренка. Вот не думал.

Но Маринкина мысль уже перескочила на другое, и она спросила:

— Вы любите собак? Я сильно люблю. У соседей была собака Пальма, лизала меня, а Костя ее застлелил.

— За что же он ее застрелил?

— Потому что она все время лает ночью, когда лыбу ловят.

— Кто же ее ловит?

— Ну, Костя, и папа, и наши знакомые...

Андрей Иванович подумал: «Почему это они ночью ловят рыбу. Наверно, что-то запретное, что-то недозволенное». Но он не мог догадаться, что именно.

Ну и вот он будто бы окунулся в наивное детство на короткий миг. Но эта иллюзия сразу же разрушилась. Годы приносят мудрость, и уже не ищешь потаенного смысла жизни, как в юности, а принимаешь жизнь, как она есть, как дарованное тебе, и ждешь, когда кончится этот дар. Да, мудрость знания, при которой ничто уже не ново. Но мир тогда лишь хорош, когда его постоянно открываешь для себя. И жизнь снабжает нас мудростью, которая уже ни на что не нужна, когда человек одинок. Ему бы, Андрею Ивановичу, побольше забот, чтобы не оставалось времени отсчитывать, сколько осталось из двадцати пяти тысяч дней, как он полагал, отпущенных ему.

Конечно, он умеет среди хаоса случайной жизни различить ее закономерности, он может по немногим данным предугадывать характеры и предсказать без большой ошибки поведение людей.

Ближний дом был обит руберойдом и дранкой. Странно выглядел на этом фоне зубчатый в елочку карниз. Дом, видимо, уже разваливался, и его подновляли. В этом доме и жила Маринка. Навстречу со двора вышла девушка, стройная, с тугими светлыми косами, откинутыми за спину, в спортивной майке с засученными рукавами. Она была похожа на Маринку.

— Где ты пропала! — крикнула она Маринке и недружелюбно, изподлобья бросила нахмуренный взгляд на старика. Девочка все не отпускала его руку:

— А я плопадала с этим дядей. Он холоший. Ты нам, Агата, сделай салат, я вот капусту плинесла. Дядя такого салата не ел, как ты умеешь.

— Выбрось его, этот лист! — крикнула Агата, выхватила морскую капусту у сестренки и дернула ее за руку. Даже не поздоровалась с Андреем Ивановичем, не сказала слова, может быть, потому, что Маринка в это время спросила:

— А мама уже сдала бутылки?

3

Но на другой день во время своей обязательной прогулки старик снова встретил Маринку на берегу. Он теперь постоянно встречался с нею, только не провожал до дому. Приносил то конфеты, то шоколад, то фрукты, то какую-нибудь безделицу вроде красивой коробки или флакончика: флаконы Маринке были нужны, она играла, в магазин и, расставив на песке флаконы, говорила:

— Подходите, только в полядке очеледи. А бутылки сдавайте назад.

Старик так привязался к Маринке, что ему нужно было каждый день видеть ее. Он сам не ожидал от себя такого. Ему нужно было слушать ее болтовню, смотреть на ее курносый носик и мохнатые глаза, рассказывать ей сказки и всякие придуманные или приукрашен-

ные истории из своей жизни. Так как он прежде работал на горно-металлургическом комбинате, то разбирался в минералах и рассказывал девочке, сколько важного и замечательного могут таить в себе камни, что из них добываются металлы, из которых делают и корабли, и самолеты.

— А кастлюли делают?

— Да, и кастрюли тоже.

Жизнь для старика обрела новый смысл. Если он ходил по магазинам, то обдумывал, что купить бы Маринке. Он тосковал в день, когда шел дождь или по какой-нибудь другой причине она не показывалась на берегу. Его беспокоило — вдруг девочка заболела или что-то с ней стряслось. Завидя Андрея Ивановича еще издали, она бежала навстречу, разбросав руки, и кидалась обхватывать его колени — это означало объятья. Старик уже не помнил, как он любил родную дочь, но ему казалось, что Маринку он любит больше. Может быть, потому что тогда он был очень занятой, работа и размышления занимали у него уйму времени, у него были свои, выглядевшие значительными цели, а теперь не осталось ничего, кроме одиночества.

Миновал август, настал сентябрь. Однажды Маринка ему сказала:

— А наша Агата женилась. Тепель Костя ее муж.

Старик просыпался с мыслью, увидит ли он сегодня Маринку или нет. И куда они пойдут, что будут делать? Пользуясь тем, что она гуляла бесконтрольно, — никто не проявлял о ней большой заботы, — Андрей Иванович водил девочку по магазинам, покупал ей игрушки. Но за это наступила расплата. Однажды, когда он подходил с Маринкой к ее двору, из дому вышла женщина в косынке и сарафане, широколицая, уже в годах, с обрюзглым лицом. И заявила тут же:

— Что вы цепляетесь к ребенку! Подарками балуете. Мы лучше вас бережем и холим ее. Нечего вам!..

И еще что-то она там говорила, но старик не стал слушать и ушел. С этого дня он перестал подходить к дому Маринки.

За последние три пенсионных года ничто так не озаряло жизнь старика, как Маринка. Он вставал и засыпал с мыслью о Маринке. У старика был фотоаппарат, которым он давно не пользовался. Да и к чему? Все, что нужно было на память, давно снято. Да и незачем будоражить память тем, что невозвратимо. А вот Маринку он наснимал — целый альбом завел. И один самый удачный портрет, где она смешно сощурилась от солнца, он повесил у себя на стенке. А на одной фотографии девочка была во весь рост с черной полоской на ножке. Во время съемки Андрей Иванович спросил:

— Что это у тебя за грязь? Где это ты вымазалась?

— Да я же купалась. Это мазут.

Старик подумал, как для девочки естественно, что если купалась, то вымазалась мазутом.

Все понятно: рядом за мысом была нефтебаза, куда приходили корабли заправляться горючим, танкеры привозили нефтепродукты, и, когда ни глянь на залив, против нефтебазы на рейде торчат шесть-семь и больше судов в ожидании свободного причала.

Понятно загрязнение залива, в погожие дни ярко-синего, обрамленного лиловыми берегами, такого красивого, что кто-то из приезжих писателей сравнил его с Неаполитанским заливом. И такой чудесный залив пятнают грязными лужами нефти.

А взять базар. Пестрый, цветной, двигающихся людей, столы с тиарами — сплошная яркость. Андрей Иванович жалел, что не сни-

мает на цветную пленку. Как бы хотелось ему запечатлеть в цвета эту пеструю сутолоку базара! Помидоры, огурцы, морковь, лук, салат, щавель, свекла, яблоки, грибы, а рядом цветы, целые снопы цветов, на которые так щедро начало сентября: астры, георгины, лилии, флоксы, портулаки и множество других.

Рыбные ряды. Здесь столы обиты белой жостью. Продаются камбала, красноперка, корюшка, бычки, ленки и даже кальмары. Крабов нет, потому что на лов их в местных водах наложен запрет. Также и на креветок, их теперь не продают. Мужчины теперь берут сушеную корюшку под пиво.

Андрей Иванович удивлен: есть на рынке и рыбный киоск госторговли, в нем камбала и корюшка ровно в три раза дешевле, чем у частных, однако рыбу не берут, и продащица в белом халате стоит и зевает от скуки. Но причина становится скоро для Андрея Ивановича ясной: на столах рыба свежая, только что с моря, а в киосках пока ее доставят, десять раз сладут, примут да перевесят, она становится, как выражаются, «нетоварной», и запах от нее, и вкус совсем не тот, что у свежей.

И вдруг за рыбным столом старик увидел Агату, Маринкину сестру. У нее было много рыбы, целый целлофановый мешок. Она не узнала в толпе Андрея Ивановича, и он долго наблюдал, как бойко она торгует.

Подъехал к базару, почти вплотную к рыбным рядам, мотоцикл, и кучерявый парень, узколицый и горбоносый, в синих джинсах и красном шлеме на голове, подтащил к Агате еще мешок рыбы. Старика пронзила догадка: «Это и есть Костя, Агатин муж. А в мешках — их ночной улов».

И он тут же подумал: «А что, если посмотреть, как Костя и его компания ловят? На рыбе они, видно, хорошо зарабатывают». Из Маринкиного дома часто доносились песни, — пели нестройно, — и гремела развеселая музыка от проигрывателя.

В этот раз, когда старик пришел на берег, погода была плохая, туман, иногда даже морось. А вообще-то сентябрь в этих местах бывал золотой, экспонат тихой, ясной теплой осени.

Маринка играла на берегу в песочек. Она делала с помощью баночки «пиложеное и моложеное» из песка и отпускала все бесплатно. Рядом стоял игрушечный экскаватор, за который Андрею Ивановичу попало от Маринкиной матери. Он посмотрел внимательно на девочку и подумал о том, какая она неухоженная. На ней была зеленая вязаная кофточка, на которой не хватало пуговиц, короткое лняное платье, а из-под него выглядывали тоже сильно вылинялые трусики, бывшие когда-то желтыми. Возле коленного сгиба была у Марины длинная рана, кое-как смазанная йодом и даже не перевязанная. Он погладил девочку по голове и ощутил, как жестки ее волосы, потому что не мыты со времени ее последнего купания в море. На вопрос, откуда у нее рана на ноге, девочка ответила:

— Плыгала челез скакалку и упала.

А скакалкой у нее была крученая жесткая веревка, немудрено за нее зацепиться.

Маринка была почти также одинока, как и он, старик, у нее не было на берегу подруг, не было ребят подходящего для нее возраста.

— Пойдем, купим тебе скакалку. — Старик пользовался Маринкиной свободой и еще вдобавок слышал из ее дома звуки песен, плясок, громкой музыки. Им, конечно, не до Маринки. И спросил ее:

— Хочешь у меня помыться в душе? У меня ведь есть и горячая и холодная вода.

— Под душем, это который дождик?

— Он самый!

Она зарыла экскаватор в песок и отряхнула руки. До девятиэтажного дома, где жил Андрей Иванович, было близко. И он купал Маринку под душем да еще с душистым шампунем. Впрочем, он ее не купал, она сама умела мыться. Потом они попили какао с конфетами и отправились на троллейбусе в спортивный магазин, до которого было две остановки.

Там старик купил Маринке настоящую скакалку и повез девочку назад. Веселье в Маринкином доме продолжалось, прямо дрожали его ветхие стены, и исчезновения девочки на полтора часа никто не заметил. Но зато какие теперь у нее стали мягкие волосы, словно пух.

Среди ночи, примерно во втором часу, когда Андрей Иванович думал о Маринке, о ее смешных словечках, его вдруг осенило: «А не сходить ли на берег, посмотреть, что там делают Костя с компанией?»

Ночь... На берегу темнота. Андрей Иванович спустился по лестнице с откоса и увидел огоньки папирос и вдали глухой треск мотора. В темноте плохо было видно, что делают люди на берегу, и Андрей Иванович подошел ближе. Он увидел на воде наплава невода. Моторка описывала полукруг, три фигуры рыбачивших были видны на берегу. Вот лодка ткнулась в берег, захрустев галькой. Кто-то осветил карманным фонариком, и при его свете старик увидел горбоносый профиль Кости. Теперь четыре фигуры выбирали с двух сторон невод. Андрей Иванович подошел еще ближе. Кутец невода был уже на песке. В нем билась и поблескивала масса рыбы, плеск был слышен на всю окрестность. К Андрею Ивановичу подошел горбоносый.

— Какого черта здесь торчишь? Что надо? — спросил он с угрозой в голосе. Но подошел другой пожилой мужчина — это можно было рассмотреть в полумраке — и сказал:

— Может, тебе рыбки подкинуть. Валяй, бери, нам не жалко.

Старик ответил жестко, хотя и знал, что этот ответ мог обойтись ему дорого:

— А чего вам жалеть? Это же все народное достояние.

— Ну, знаешь что! Кати отсюда, да побыстрее. А то вторые очки вставим. Чтоб не приглядывался, куда не надо. А ну давай быстро катись!

И Андрей Иванович ушел. Но теперь он ясно представлял себе жизнь Маринки. В семье постоянная пьянка. Девочка ходит, как беспризорная. Нет у них времени смотреть за ней. Плохо девчурке, ой, как плохо!

Утром старик позвонил в городскую инспекцию рыбоохраны. Сказал, когда и где ловят рыбу незаконно неводом, любительское рыболовство разрешено только удочкой...

— Да, — подтвердили ему, — это так. Мы проверим.

И действительно, проверили и уличили браконьеров в недозволенном лове. Теперь, когда старик ходил по берегу с Маринкой, он не слышал больше песен, плясок и музыки в доме девочки. Но она сама проговорила:

— У Кости невод заблали. И еще заставили платить штраф.

— И кто же это?

— Милиция. Кто еще?

Так старик еще с месяц гулял с Маринкой, до половины октября. Стояло бабье лето — теплынь целыми днями, в воздухе плыли паутины. Старик думал: «Хорошо! Одной компанией браконьеров стало меньше».

Но его тревожило другое. Спуск нефтепродуктов в море — это поопаснее браконьерства.

Маринка сняла свои красные обшарпанные туфельки и несла их в руке. Грязно. А туфли ей дороже ног, потому что за испачканные туфли попадет, а за ноги нет. Но вот как раз ногам-то и не повезло. Девочка наступила на стекло и порезала подошву. Андрей Иванович велел ей промыть рану в морской воде, перевязал ногу своим чистым носовым платком. Пришлось вести Маринку за руку, она могла ступать лишь на пятку.

— Больно?

— Немножко. Чуть-чуть. Папа говорит всегда: «До свадьбы заживет». Но это же очень долго ждать до свадьбы. До моей. А вот Агатины уже была.

Он довел Маринку до самой калитки. И тут вышла ее мать.

— Что вам нужно от девочки? — крикнула она. — Что вы все к ней пристаёте?

Вышел и отец в морском кителе нараспашку, всклокоченный, небритый.

— Ты вот что, старик, к дочке моей чтоб не подходил. Понял? Еще игрушками задабривает! Знаем мы вас! Еще раз увижу — пеняй на себя.

Маринка ударилась в слезы, ее впихнули в дверь, Андрей Иванович повернулся и зашагал прочь.

— Иди, иди, шляпа, а то как бы тебе на орехи не досталось! — крикнул вслед вышедший во дворик муж Агаты.

4

Неделю Андрей Иванович не ходил на берег залива. Он смотрел на него со своей лодки, с девятого этажа. И любовался жгучей синевой, треугольными парусами яхт, дальними зеленовато-сиреневыми берегами, лодками рыболовов-любителей, разбросанными по морю. Потом шел в магазины закупать продукты. Он уже привык стоять в очередях. Посещать столовые ему не нравилось, поэтому он готовил себе пищу сам.

Он очень тосковал по Маринке. Последние три месяца у него была забота: надо было спешить на берег залива, как в юности он спешил на свиданье с девушкой.

Он смотрел на фото Маринки у себя на стенке и думал о том, что потерял когда-то семью, дочь и внука, а теперь отняли у него и Маринку. Ему даже снилось, как идет он с девочкой по берегу моря и держит за руку Маринку, а она ему рассказывает, как Костя с папой ловят ночью рыбу.

Вот где нахлынула на него настоящая тоска одиночества. Человек не может жить один, так сказать, в общественном вакууме. Без чувства общности со своей эпохой и своим окружением жить на свете невозможно, ведь надо знать, для чего живешь.

Андрей Иванович рассуждал: «Конечно, не у всех пенсионеров так сложилась жизнь, наоборот, у многих прибавилось даже забот. А у него нет. Кроме заботы о себе. А этого слишком мало». И стало ему нестерпимо душно и тоскливо.

Через неделю старик опять пошел на берег в надежде увидеть Маринку... Но к его ужасу и удивлению от деревянных домиков остались одни развалины, на этом месте рокотал бульдозер и копошилось несколько человек рабочих. Старик спросил, где же дома, и ему от-

ветили, что жители переселены в новые дома, а на этом месте будет здание спортивной водной станции. Город наступал на самое захолустье.

Старик смотрел на руины, и горькие мысли бродили в его голове. Неужели он больше не увидит Маринку, не услышит ее смешной болтовни с этим ее словечком «очевидно», не увидит, как она весело прыгает через скакалку, как собирает ракушки и цветные камушки, не возьмет теперь в свою жесткую ладонь ее теплую маленькую ручку.

Он спросил у рабочих, куда переехали жильцы. Ему ответили: в один из новых микрорайонов, а куда — неизвестно.

Рассеянно старик подошел к морю и увидел, как прибрежную гальку и песок оmyвает грязная волна, запачканная нефтью. Его охватил неожиданный для него гнев. Он припомнил разговор, что нередко рыба, выловленная здесь, пахнет бензином.

Старик отправился в спортивный магазин и на свои сбережения приобрел призматический восьмикратный бинокль. Вышел на свою лоджию и стал осматривать стоявшие на якоре суда. Возле одного из них он заметил жирное темное пятно мазута. Подошел к телефону, позвонил в городскую инспекцию рыбоохраны и сообщил, что судно загрязняет нефтью воду.

Примерно через час старик увидел желтый катер рыбоохраны, подошедший к судну, загрязнившему акваторию. Старик знал, что капитан судна будет оштрафован. Может быть, одним нарушителем станет меньше.

Потом Андрей Иванович написал в газету заметку о том, что пора бы завести специальную баржу для сбора нефтеотходов. На его заметку появились отклики читателей, одоббивших это предложение. С тех пор Андрей Иванович нашел себе занятие. Инспекция попросила его и зимой наблюдать, не ловит ли кто-нибудь навагу недозволенными орудиями лова. И он надевал полушубок и шел на лед, где масса рыбаков, насверлив лунок, ловила рыбу. Кое-кто действительно применял грабли, особенно во время нереста наваги, и мешками набирал рыбу.

И на лед отправлялся патруль. Рыбу, подсеченную граблями, легко отличить.

Так и жил старик у моря и стерег его от хищников.

А фото Маринки висело у него на стене, и он жалел, что потерял девочку, теперь уже на веки вечные. Еще завел он себе собаку лайку и гулял с нею вдоль берега. Он даже беседовал с собакой. Она никогда не возражала ему и слушала внимательно. А он рассказывал ей о Маринке.

Так подружились старик и море.

Николай САНЕЕВ

СЕРДЦЕМ ВЫНОСИ

ОЧЕРК

Тот памятный рейс для Николая Владимировича был, как и этот, последним в пятилетке. И таким же, как и нынешний, напряженным. Так же, как и теперь, на карту ставилось все, что делает человека человеком: честь, профессиональная гордость, самолюбие, добрая репутация на флоте. Только несколько расходились задачи тогда и теперь.

В том рейсе Сотникову со своим экипажем нужно было доказать, что дела рыбацкие красны не только ошеломляющими цифрами выловов рыбы, и пропустить эти выловы через более точные весы экономимики. И убедить всех, что можно и при относительно неброской добыче работать рентабельно, перевыполнять планы реализации и выпуска товарной продукции. И это при тогдашней еще не ярко выраженной, но уже обозначившейся тенденции к сокращению запасов пищевых пород рыбы.

Риск Сотникова, желавшего убедить руководство в экономической целесообразности работы траулера на истощившихся и заброшенных окуневых банках, был опасным вдвойне. Пролов смазал бы, свел на нет все доброе, сделанное экипажем за предыдущие четыре года пятилетки. Слишком уж ненадежный район выбрал тогда Николай Владимирович для своего эксперимента.

И сейчас перед глазами у меня стоят картины тех, теперь уже далеких дней. Реплики парней, потускневшими взглядами сопровождающих угрюмое погрюкивание кухтылей о палубу, появление измочаленного подводными скальными пиками тощего кутка, — «Опять кошке на завтрак».

Один процедит это язвительно, у другого — вырвется вместе со вздохом. Но так, чтобы реплика была услышана там, наверху. Непременно услышана человеком, стоящим одиноко на кормовом мостике траулера, как призрак шатающегося у туманных островов.

Наверное, это сравнение покажется слишком грубоватым и отдаленным, но чем-то в такие дни напоминала сотниковская душа громоотвод. Она принимала и поглощала в своих тайниках все разряды. «Задами», как он сам выражался, уходил капитан после каждого холостого траления по правому борту, где меньше толчется зевак, на мостик. Непокрытая голова, руки в карманах фуфайки. И каждая черточка на лице, каждая морщинка затянута паутинкой задумчивости: «В чем же дело?»

Всходил на мостик вахтенный штурман — он делал траление — виновато отводил голову. В какое-то мгновение шутка или каламбур, на которые Сотников был неистощим, снимали эту его настороженность.

Помнится, в один из таких безрыбных дней я находился в каюте у Сотникова. Он, зажав ладонями щеки, ходил по кабинету и вслух решал задачку с таинственным неизвестным: почему не ловится рыба?

— Понимаешь, в это время на этой банке, при такой же погоде и таком направлении ветра, всегда брали пучеглазенького. — Это он окуня так называет. — Куда он мог исчезнуть? Может, землетрясение его вспугнуло? Или испытание какое... Американцы не так уже далеко отсюда такими делами занимаются. А что? Вполне может быть, в землетрясении вся загвоздка? — рассуждал он.

Я был тогда жильцом его каюты. И он изредка вслух решал со мной такие задачки. А как же интересно он поступает, думалось мне, когда месяцами остается один? Со стенами, что ли, разговаривает? На людях ковыряться в себе, в своих сомнениях он просто не умел. Зато артистично умел притворяться веселым до беспечности.

И еще на людях, как заговор от всех бед, Николай Владимирович бесцельно раз повторял фразу:

— Все должно быть норма-а-ально.

И это его «норма-а-ально» в самые тяжелые дни действовало на окружающих удивительно успокаивающе. Рыбаки верили в капитана: «С Сотниковым в прогаре никогда не будешь. На своих же, считай, огородах работает».

Что правда, то правда. За окуневыми банками у Алеутской гряды так и закрепилось в рыбацкой среде: «Сотниковские огороды». Он первым из камчатских промысловиков привел сюда свой траулер. Потом, когда лов здесь кончился, пошли в другие районы. А Сотников продолжал ходить сюда же. «Хватит и здесь рыбки [на мой век]».

...Вечерними огнями встречал тогда заснеженный город траулер «Камчатская правда». Нетерпеливо утапывали мы снег, ожидая, когда судно прижмется теснее к стенке. Корабли, наверное, так же скачуют по земле.

А позже в залитой светом столовой притихшие ребята слушали приветственные речи представителей общественности города и области. Назывались цифры, от которых иногда бродит хмель в голове: «Неужели это сделано нами?!»

Балансовая комиссия дала высокую оценку промысловому рейсу. Перекрыт был и годовой план по добыче рыбы. И пятилетний.

...Пятилетка. Какой емкий заряд несет в себе это понятие! В нем — этапы жизни страны. После каждой пятилетки человек, сделавший для нее на своем участке работы все, что мог, чувствует себя так, будто взобрался на недостижимую вершину. А тут новая высота. Хватит ли сил сделать еще одно, более трудное восхождение?

Через сердце Николая Владимировича прошла не одна пятилетка. Свидетелями его отношения к ним и одновременно памятными вехами большой рыбацкой судьбы являются награды Родины — медаль «За трудовую доблесть», орден Трудового Красного Знамени и орден Ленина. Дважды за это время Камчатка называла Н. В. Сотникова своим посланцем в высший орган власти — Верховный Совет СССР. Ему выпала честь представлять партийную организацию области на XXII съезде партии.

Еще в конце пятидесятых годов их траулеру первому на флоте присвоили звание экипажа коммунистического труда. И молодой капитан представлял рыбацкую Камчатку в Москве на Всесоюзном совещании пионеров этого движения. Первому на Камчатке ему довелось осваивать в начале шестидесятых годов и большой морозильный траулер.

Началась девятая пятилетка. С Николаем Владимировичем мне приходилось встречаться редко. Он все в морях да в морях. При этих редких встречах он иногда говорил: «Наверное, хватит. Почти все мои сверстники уже работают на берегу. И мне пора. Устал. Надо уходить».

И ...уходил в новый рейс. «Вот еще схожу в Индийский океан, там не бывал, потом уж на берег», — признавался он в другой раз. Возвращался из отпуска — и опять в море. «Дочка выросла заглазно, замуж вышла. Теперь хоть внука, Сережку, понячу», — пытался обмануть себя Николай Владимирович.

Наверное, существует-таки второе дыхание. Пример этому — тот же Сотников. На исходе был только четвертый год девятой пятилетки, а руководимый им экипаж БМРТ «Математик» завершил программу, рассчитанную на пять лет. И последний тот рейс «Математика» снова яркой страницей, вписался в историю рыбного промысла на Камчатке.

Все началось по-сотниковски легко и просто: во время стоянки в порту на «Математике» гостили известные писатели Михаил Стельмах, Михаил Дудин, Геворг Эмин и другие. Сотникову вообще везет на знаменитых гостей. На борту его судна в свое время побывали космонавт Хрунов, писатель Константин Симонов.

— Все говорили теплые слова в наш адрес, — рассказывал Николай Владимирович. — Мне тоже надо было что-то окзать. Не обещать же им, что я тоже в стихи вдарюсь? Надо было по обстановке что-то завернуть, мол, мы тут тоже не лыком шиты. И загнул — пообещал столько рыбы за год взять, сколько еще не брали. Теперь надо брать! Другого выхода-то нет.

Вот так он и облек в обязательство давно выношенную им самим и всем экипажем, тысячу раз прикинутую до деталей задумку. В то время Сотников и сам не сознавал до конца, чем она может обернуться, во что вылиться.

Вскоре его вызвали в Москву на совещание лучших промысловиков страны. Только там он по-настоящему прочувствовал, какую тяжкую ношу взвалил на себя. Камчатские рыбаки первыми подняли вылов на большой морозильный траулер. Потом эта отметка поднималась. В позапрошлом году удалось шагнуть и за достигнутый барьер. Вот тогда-то заговорили на флотах о новой цифре...

Но, говоря военным языком, атака захлебнулась на близких подступах.

На камчатском флоте в то время, пока Сотников был в Москве, во всю раскручивалась пружина соревнования за максимальный вылов рыбы по примеру экипажа БМРТ «Математик».

Областной комитет партии, одобряя его инициативу, придал ей особую значимость. С ней связано было много надежд. Больших надежд!

Неожиданным поворотом сотниковского крутого «замеса» показалось вначале то обстоятельство, что еще два экипажа — «Тирасполя» и «Калитвы» — тоже назвали в своих обязательствах такие же циф-

ры. Сразу три титана вступили в сложнейшее единоборство. Такого не знала еще рыбацкая Камчатка!

Инициатор соревнования БМРТ «Математик» стоял в это время у стенки судоремонтного завода. И надо было видеть, как болезненно переживали капитан, вся команда, когда день за днем отодвигался срок выхода судна из ремонта. До намеченного рубежа не доставало сорок три тысячи центнеров. На судореммзаводе обещали закончить ремонт «Математика» к первому октября. Впереди почти три месяца промысла. Из этого запаса времени и вытекали все расчеты экипажа. Каждый лишний день ремонта безжалостно разрушал эти расчеты. И они перекраивались заново.

«Математик» все стоял и стоял у стенки завода.

Таяли надежды. Сдавали нервы.

— Все будет норма-а-ально, — как-то приглушенной обычным говорил Сотников. — Вот только жаль: неблагоприятные месяцы. Время штормов. А там еще с перегрузками вкрявь пойдет.

И просачивалась в этих его словах большая человеческая тревога.

— Стыдно ведь будет перед людьми: кому потом объяснишь — не наша же это вина. Одна только надежда — Юра Шуваев не осмелится вперед старшего забегать, — с грустноватой иронией заметил как-то Николай Владимирович. И тут же добавил: — Дождешься от него почтительности. Вон как прет настырно. Пригрозил на свой позор живчика.

Юрий Шуваев, капитан «Калитвы», один из последних учеников Сотникова. Небольшого роста, худосочный, подвижный, хваткий, он уже будучи старпомом у Сотникова, заявил о себе как о перспективном капитане. И вот сейчас Шуваев принял вызов своего наставника и, пока тот вздыхал на берегу, стремительно накручивал центнеры вылова. А тут еще подливал масла в полымя «Тирасполь». Он тоже находился на лове. И уже вырвался вперед на целых пятнадцать тысяч центнеров.

Только первого ноября ушел «Математик» на промысел.

...В начале третьей декады декабря с судна пришла радиграмма, сообщающая о вылове экипажем «Математик» двухсот тысяч тонн рыбы. Это был успех, которого рыбаки долго добивались.

В тот день, когда команда «Математика» вплотную приблизилась к рекордной отметке, проходила областная партийная конференция. Коммунисты Камчатки единогласно избрали Н. В. Сотникова делегатом на XXV съезд КПСС, избрали как самого достойного рыбацкого представителя. Первый секретарь обкома партии Д. И. Качин сказал о нем на конференции кратко: «Николая Владимировича Сотникова, пожалуй, знает каждый. Опытный рыбак. И вообще... замечательный человек».

А спустя несколько часов там, в море, судовой радист, загадочно улыбаясь, вручил капитану радиogramму...

За две недели до начала работы съезда Николай Владимирович был уже на берегу. В обкоме его предупредили: «Возможно, придется выступать. Насчет рыбацких проблем, думаем, в подсказках не нуждаешься».

— Все в строку просится, да не все в нее вобрать можно. О качестве нужно сказать на съезде в первую очередь, — говорил мне Сотников. — Наша продукция сейчас, можно сказать, как хлеб, как мясо, на каждом столе. На виду у всех стала наша работа. Признаться, когда бываю в отпуске, побаиваюсь в форме к рыбному отделу подходить. Нельзя нам с нашим товаром выходить на мир — лишь бы сбыть его. Никак нельзя.

Он отбирал мысленно самые главные проблемы, касающиеся не частных, а работы всего рыбного цеха полуострова, перспектив его развития.

— Теперь о базе флота. Сколько лет она в печенках у всех сидит. Семь лет проектируют и перепроектируют ее, а мы без нее связаны по рукам и ногам. Без базы — флот в порту простаивает, вот что важно. Неразбериха с отходом, с материальным обеспечением.

И психологическая сторона у этого дела есть: без базы ни проститься по-человечески с близкими при уходе в рейс, ни встретиться после возвращения из него. С рейда уходишь и на рейд приходишь. А жены с детьми по берегу носят цветы. Флот без причала, что человек бездомный, которому некуда себя прикнуть. Это очень острая проблема для всех рыбаков, и ее надо обязательно поднимать.

Дошли до жилья. Сотников замаялся.

— Неудобно вроде с этим выходить, как считаешь, а? Да и клепают, как никогда, много домов — из рейса возвращешься, хоть у прохожих спрашивай, а где я теперь живу. В улицах путаешься в новых. А с другой стороны... Должны же учитывать нашу специфику? На материке годами новое предприятие строится. Постепенно обрастает жильем, разными службами быта. А у нас как? Все в один день делается. Прибыла новая плавбаза — отдай сразу чуть ли не три сотни человек. Считаю, что новое небольшое предприятие родилось. Большой траулер ошвартовался — тоже сто человек подавай. В год же разных новых судов на Камчатку прибывает десятки. Без жилья где наберешь столько постоянных кадров?

Да еще эти вулканы, не живется им спокойно, усложняют жилищную проблему.

— Облегчают, — поправил я Николая Владимировича.

— Осложняют, — упрямо замотал он головой. — Толбачик вот в прошлом году заработал?

— Ну, заработал. И что?

— Шуму на всю страну наделал? Страха на многих там, на материке, нагнал?

Вспомнились письма, посыпавшиеся на Камчатку после извержения вулкана. В каждом сквозила тревога: «Как вы там? Не засыпало?» Вроде и грамотный сейчас народ, в географии ориентируется, а все равно в сознании у большинства туманно укладываются понятия о пространственных раздольях Камчатки. Так и кажется материковским: раз вулкан начал швырять бомбы, значит, непременно они должны угодить кому-то в голову.

— Ну чего молчишь? Чего молчишь? — вернулся меня Сотников от раздумий к делу.

— Страху, говорю, нагнал или не нагнал Толбачик?

— Если и нагнал, то тем более непонятно, почему это должно усложнять решение жилищной проблемы.

— Во! Всем так кажется, — выстрелил Сотников указательным пальцем в потолок. — А на самом деле... Заговорил Толбачик, и сразу же население на Камчатке прибавилось на тринадцать тысяч человек. Такого притока за всю историю полуострова не было.

Его глаза излучали довольство. Но тут же игривый блеск уступил место серьезной задумчивости.

— Ну, а если шутки в сторону, под такую миграцию надо что-то иметь. Флот поглотит рабочую силу, а жить людям где? Вот обосновать надо поубедительней наши специфические особенности.

В числе других важных вопросов, от решения которых зависит работа рыбной промышленности в десятой пятилетке, Сотников выделяет острую нужду в новых современных рыбодобывающих судах типа «Меридиан», «Горизонт», сейнер-траулера, в рыбоконсервных плавучих заводах.

— А насчет задумок нашего экипажа на первый год десятой пятилетки — тут найдется о чем сказать.

Во время работы съезда Сотников жил в гостинице «Россия». Связываюсь с ним по телефону.

«Выступить не пришлось, — сообщил он. — Будет прием у министра рыбной промышленности Александра Акимовича Ишкова. На приеме думаю поднять все проблемы».

И после возвращения из Москвы Николай Владимирович позвонил мне:

— Были на приеме у министра. Встреча прошла в обстановке полного взаимопонимания. И насчет строительства базы флота решено, и новые суда пойдут на Камчатку. Словом, ни в чем не отказали. Теперь только... — И замолк.

— Что теперь?

— Понимаешь, приятно было прочитать в информационном бюллетене съезда рапорт нашего «Математика». Как ни трудно было, вместо 36 тысяч центнеров, взял экипаж свыше сорока тысяч к открытию съезда.

— Хорошо, не подвели, значит, тебя рыбаки. Чего же вздыхаешь тогда?

— Ну об этом я тебе после расскажу при встрече.

За работой «Математика» я следил по промысловым сводкам. Шагал он, как говорят, крупным и ровным шагом. Сотников в это время находился в отпуске.

— Ты судишь по тому, как ловят в этом рейсе, — высказал Николай Владимирович при встрече свои опасения, упрятанные при телефонном разговоре за вздохом. — Нормально работают. С опережением плановых заданий. Но я-то в уме раскладку делаю на весь год. До самого последнего дня. И не все в моих расчетах стыкуется. Вот и начинает посасывать под ложечкой. Скоро придет судно на ремонт. Добро, если по графику его подлетит. А если нет? Если затянут, как в прошлом году? Благополучно пронесет с ремонтом, осенью у нас еще одна ремонтная стоянка в порту. И неизвестно, как сложится она. А обязательства-то наши исключают подобные неизвестности с ремонтами. Я уж не говорю о неожиданностях в промысловой обстановке. Там все от нас только будет зависеть. Двести же тысяч центнеров вынь и положи. Свой рекорд подтвердить решили. И скидок нам, инициаторам соревнования, никто не сделает. И мне... как делегату съезда, — добавил он. — В этом рейсе надо бы предельный запасец создать, на случай осложнений. Вот почему хорошая нынешняя работа «Математика» меня не совсем устраивает.

Я привык встречать Сотникова после его возвращения из морей. На этот раз мы встречали вместе его судно. Пришли к причалу морвокзала раньше времени. Отсюда на рейд нас, а также радио- и тележурналистов, должен был доставить пассажирский катер.

Стоим у самой бетонной кромки. Свежак с океана настырно лезет под одежду, заставляет поеживаться. Закроешь глаза, и чудится, будто ветер в позднюю осеннюю непогоду раскачал до прибойного шума деревья.

— Сколько же ее воды, мать моя, — роняет задумчиво Николай Владимирович, уставясь в свинцовую вязкость Авачинской бухты.

Кошусь на него подозрительно. Что это на него наехало? Исходил Тихий, Индийский океаны... Сколько помню, ураганные штормы не вызывали у него никаких эмоций, будто так и надо. А тут стиснутый бетоном причалов ковш, лужа, можно сказать, пробудил размышления о бесконечности стихии.

— И сутки идешь, и неделю — кругом вода и вода! А под тобой так-и-е глубины... Странно, почему там об этом не думаешь?

Я пожал плечами. Да он и не нуждался ни в каком ответе. Николай Владимирович просто заполняет пустоту, гасит в се-

бе нетерпеливое желание увидеть скорее свой пароход.

А «Математик» все задерживался. Вокруг нас толпа ожидающих. Наконец из-за мыса показалось судно.

— Он, Николай Владимирович?

— Н-нет, — крутнул головой Сотников, всмотревшись.

— А как можно на таком расстоянии узнать?

— Я милого узнаю по походочке, — сказал Сотников, как пропел. — А вот это уже он, — указал Сотников, когда силуэт еще одного судна вывернул из-за мыса. — Мой, рыжебокенький, — уточнил он для достоверности, хотя вряд ли самый остроглазый человек мог на таком расстоянии различить обычную при возвращении судов из рейса порывелость на бортах.

На рейде власть на катере перешла к телевизионщикам. Они снимали «Математик» и на ходу, и на фоне почти не тронутого запоздалой весной убеленного города, и при отдаче якоря. Кто его знает, удастся ли еще когда зафиксировать на пленку такое событие в рыбном промысле! Добыть двести тысяч центнеров рыбы в год! И все эти двести тысяч сверх пятилетнего плана!

Пока телевизионщики вгоняли «Математик» в задуманный киносюжет, Сотников не поднимался на палубу — проявлял выдержку. А парни, родные ему люди, уже заметили его и, сгрудившись у борта, махали руками, что-то возбужденно выкрикивали.

Поднялись на траулер, и Сотников потерялся в их объятиях. Его поздравляли с недавней наградой — вторым орденом Ленина. Но голос капитана — хозяина судна — поставил все на место.

— Объявляйте сбор на митинг.

После приветствий и поздравлений с благополучным возвращением, короткого отчета подменного капитана поднялся Николай Владимирович.

— Вы сами понимаете, голова у меня полна съездовских впечатлений, хватит их на весь предстоящий рейс. А сейчас отдыхайте, набирайтесь сил. После короткой стоянки в ремонте — выходим в новый рейс. Скажу сразу — он будет более напряженным, чем этот. Решайте серьезно: кто пойдет? Условие прежнее: «Не пищать!» Остальное, обещаю, все будет нормально.

И забитая рыбаками матросская столовая озарилась улыбками. Ни один выход на промысел не обходился без вот этого излюбленного сотниковского предупреждения «Не пищать!» Смысл его растолковывали новичкам старожилы судна уже потом, в рейсе. В нем заложены сформировавшиеся традиции экипажа, утвердившийся стиль работы, у истоков которого стоит капитан.

Очевидно отсюда и обостренная реакция Сотникова на незнакомые для него «примеси» в атмосфере судовой жизни. Он их

улавливал каким-то особым чутьем. Вроде никто из команды не успел, не мог успеть ему пожаловаться, а Николай Владимирович уже почувствовал: в жизнь экипажа вторглось что-то чужеродное его стилю. И это за два неполных месяца, пока его не было на судне?!

— Ну и порядки развели! Не узнаю свой родной пароход. — Произносил это Николай Владимирович в своей обычной шутливой манере.

Незавидная доля у тех капитанов, которые приходят на судно на время. Утверждать себя, свои порядки значит покушаться на что-то уже устоявшееся. А какой смысл, если ты все равно уйдешь? Подлаживаться? Но ведь это же принести в жертву свое «я».

К самобытному почерку Николая Владимировича, насколько я знал, приноровиться, ой, как трудно. И особенно к его методу работы с людьми. Этот сотниковский метод ни в один свод накопленных десятилетиями флотских порядков не втиснешь. Не вписывается он никак.

Мне доводилось бывать на многих судах. И слух привык к словосочетанию «Дать гон», так часто его приходилось слышать из уст капитанов. Дать гон — тут сказано все. Не надо уточнять, за что списан. Человек с таким клеймом уже прошел на судне все стадии воспитательного воздействия. Гон — мера последняя.

А вот от Николая Владимировича я такого словосочетания никогда не слышал. Сказал ему как-то об этом.

— А кто же работать в море будет? Рыбу кто будет ловить, если списывать? — удивился он.

— Но ведь бывает же...

— С кем не бывает, — согласился он. — Выйдешь в рейс, вроде все нормально. А уже к середине начинают номера выбрасывать. Устают люди без берега. На психику действует долгая оторванность от него.

— Находите какое-то средство влиять?

— А как же.

— Например, какое?

— Если, например, то... никакого. Это тоже средство. Мои помощники начинают тащить мне по всякому случаю рапорта на подчиненных. Ух, сколько в них эмоций. Хоть бери человека и отправляй на берег на первом попавшемся судне. Обещаю разобраться.

— А потом?

— Что, потом? — Сотников делает вид, что не понимает.

— Каковы последствия?

— А какие они могут быть. Возвращается судно в порт. Все стригутся, скоблятся, наряжаются. Все становятся мягкими, добрыми. Вот тут и наступает у меня работа с рапортами. На обратной стороне рапорта пишу, например: «На долгую добрую память рыбмастеру такому-то». На другом еще какой-нибудь веселый автограф оставляю. Потом поочередно вызываю каждого автора рапорта и возвращаю

ему его торжественно. И знаешь, многие готовы отказаться от авторства. Это, говорят, по запальчивости. Выбросьте лучше. Мало что в рейсе было... Смотришь, в следующем рейсе уже стараются избегать рапортов — возятся с людьми.

Но это так может получиться у него, у Сотникова.

Возвращались с «Математика» поздно ночью. Ветер усилился. Катер глубоко зарывался носом в волны, они дождевой пылью рассеивались над палубой. Сотников и подменный капитан Павлюк не уходили в салон. Они не чувствовали ни пронизывающего ветра, ни колючих брызг. Им здесь никто не мешал высказать наконец все невысказанное. До меня долетали лишь отдельные фразы: «Тебе лучше знать. Если что не так — извини. Как на духу перед тобой». — «Паша, дорогой, тебе ли мне не верить. Ну, хочешь, я тебя обниму?»

«Морские волки», давние приятели, на носовой палубе, один на один, без посторонних, сводили счеты...

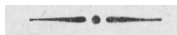
Из отпуска Сотников вернулся досрочно. С ремонтом закрутил лихо. Судно вышло из него раньше графика.

— Как это тебе удалось при таком столпотворении судов у стенок заводов? — спросил я у Николая Владимировича перед отходом «Математика» в очередной рейс.

— Мир не без добрых людей. На заводе встречался с судоремонтниками. Я им про съезд рассказал, а они мне за это добром отплатили. А если серьезно — прямо на встрече порешили: мы своими силами все, что можем, сделаем, а судоремонтники подшаманят то, что экипажу не по зубам. Заключение соревнования, кто быстрее со своим объемом работы справится. Как видишь, оба коллектива в выигрыше.

И снова я заглядываю в оперативные промысловые сводки. Отыскиваю в длинном перечне названий судов «Математик». И успокаиваюсь. Как выразился бы сам Николай Владимирович — все у экипажа идет норма-а-льно!

Петропавловск-Камчатский

ОДЕРЖИМЫЕ

ОЧЕРК

В детстве, оборванном войной, я был свидетелем проявления массового трудового героизма людей. Это было в Хабаровске. Вспоминаются бесконечные цепные и рельсовые конвейеры литейного цеха завода «Дальдизель». По цепному конвейеру медленно плывут подвешенные девчонками, песчаные стержни, по рельсовому, наперерез к вагранке, движутся раскрытые пасти металлических полуформ.

У заливочной площадки полуформы смыкаются, в их пустоту мальчишки вставляют песчаные стержни. А у огнедышащих вагранок с ковшами мечутся взмокшие, осунувшиеся за долгую войну женщины-заливщицы. Где-то там, за вагранками, полуформы размыкаются и из них вываливаются заготовки двухпудовых мин. Выбивается, вымывается из заготовок спекшийся с металлом песок. Обрезка прибыли венчает труд сотен людей литейного цеха.

А в механическом цехе, пройдя через десятки приземистых, подогнанных по росту мальчишек, станков, каждые десять секунд скатывалась в склад готовая мина. Десять секунд! Ровно столько времени давалось заряжающим, чтобы опустить мину в ствол дивизионного миномета. Еще через десять секунд этот спрессованный ненавистью к фашизму труд сотен людей взрывался над окопами врага — где-то там, за восемь тысяч километров от Амура.

А с пыльных, прокопченных стен литейного цеха кричали, призывали строгие военные лозунги: «Не уходи из цеха, пока весь коллектив не выполнит сменное задание!», «Мина сверх плана — лишний удар по врагу!», «Победу не ждут — ее добывают!»

Заводской гудок неумолимо будил нас по утрам — и в зной, и в стужу, полуголодных, полуодетых, — звал к конвейерам и станкам.

На полигоне за профтехучилищем испытывались мины. Испытывалась продукция, которую изготовлял завод. Мы гордились своею причастностью к рождению этого грохота: в нем слышались победные залпы по Берлину. И вспоминается то прохладное, майское утро, когда при слове «Победа», люди с криком, смехом и плачем бросились в распахнутые настежь ворота завода.

И сиротливо дымился ставший никому ненужным конвейер, созданный людьми одержимыми в самом начале войны. Создан был всего за две недели.

— Теперь только пусконаладочные работы таких сооружений тянутся месяцы, — говорил Сергей Кузьмич Дубров.

Мы сидели с ним на скамейке на его деляне в коллективном саду и вспоминали обо всем, рассказанном выше.

В военную годину Дубров выглядел длинноногим, костлявым пареньком, с отпечатком вечного недоедания и усталости на суровом, детском лице. А на погрузке мин он говорил мне:

— Отдохни. Я ведь деревенский, на сале откормленный. — И с яростью хватался за ящик один и бросал его в пустоту пудьмановского вагона.

Теперь Сергей Кузьмич крупный, крепко сбитый человек средних лет. Работает ведущим конструктором. Основная деятельность его мне мало известна. На работе встречаемся с ним большей частью в коридоре, куда я выхожу покурить. А он из некурящих, выходит из кабинета с кипой чертежей и, прежде чем войти в другой кабинет, обязательно подойдет ко мне, стиснет руку и спросит:

— Ну, как дальше жить будем?

— Идеями, — отвечаю я полусерьезно.

— Тогда нам по пути, — говорит Сергей Кузьмич и уходит в дверь соседнего кабинета.

Лет пятнадцать назад на месте, где мы сидели с ним, был пустырь. Дубров задался целью разбить коллективный сад. Мало кто верил в его затею. Но он был одержим, идея захватила его целиком. Отпуск он использовал на сколачивание коллектива, проведение вспашки, поиски саженцев и массу других работ, связанных с рождением сада. Тут он был и директором, и агрономом.

— Поселок — это родина наших детей, — говорил Сергей Кузьмич. — И дети наши не должны помнить родные места заболоченными. Ведь им идти дальше.

Убеждать Сергей Кузьмич может вдохновенно и красиво.

Первый коллективный сад в нашем поселке был заложен. А местные острословы сочинили эпиграмму на Дуброва:

Телевизор мне не нужен,
И в театр я не хожу.
Лучше я под своей грушей
На навозе посижу...

Но это уже не могло остановить движение коллективного садоводства. Сотни садов цветут теперь по весне в поселке и вокруг него. На суровой земле они не дают обильных урожаев, но без садов жизнь поселка уже трудно себе представить. Красиво у нас, когда цветут яблони и вишни, и эта красота воспитывает в людях чувство прекрасного.

Мне как-то довелось побывать на родине Сергея Кузьмича, в деревеньке Роскошь, Вяземского района. Просторно раскинулась она в распадках таежных сопок. Весной утопает в розовой белизне садов. И люди, с которыми я встречался там, характером похожи на Сергея Кузьмича.

В производственном отношении село Роскошь на правах отделения примыкает к совхозу «Котиковский». В то время это было убыточное хозяйство, ослабленное разукрупнением, бесконечной сменой руководителей и текучестью кадров.

Я ходил по раскисшей от весенних дождей центральной усадьбе совхоза, негодовал, видя разбросанный всюду инвентарь. Тогдашний директор был осунувшийся приезжий человек. Я по-книжному рисовал совхоз «Котиково», каким он станет лет через пять, если управлять им будет Сергей Кузьмич Дубров. И виделось мне село Котиково красивым и благополучным.

— Значит, ты предлагаешь мне возглавить совхоз «Котиковский?» — спросил Сергей Кузьмич с заметной усмешкой, когда я высказал ему эти свои соображения.

— Это твой долг, как уроженца этого села.

— А почему ты думаешь, что я теперь делаю дело малозначительное? — спросил он с обидой.

— Ты делаешь работу, доступную многим. А земля доступна лишь одержимым.

Он помолчал, потом вскинул на меня добрый взгляд и сказал:

— У меня семья. Четверо детей. Они не простят мне провала.

Впервые за много лет дружбы Сергей Кузьмич сказал о своей слабости. И мне как-то стало грустно. Ведь я видел в нем героя, через судьбу которого раскрывается жизнь Приамурья в движении.

Отношения наши по-прежнему были дружескими. Только смотреть на него я стал как на человека обыкновенного.

Прошло еще несколько лет — оба мы работали теперь на другом заводе, связанном с «Дальдизелем» кооперированными поставками, — и Дубров снова привлек мое внимание именно героической стороной своего характера. Впрочем, главным героем так называемой «планетарной эпопеи» в воспоминаниях очевидцев остался вовсе не Сергей Кузьмич, а бывший главный конструктор Алексей Максимович.

Алексей Максимович в Хабаровск приехал в 1936 году, когда завод наш больше походил на строительную площадку. Он уже тогда имел четыре изобретения, которые были внедрены в производство. Его

товарищи, с которыми он учился в институте, стали впоследствии известными людьми, видными конструкторами машин. Была такая жилка и у Алексея Максимовича.

Надо сказать, что о заслугах Алексея Максимовича как изобретателя на заводе никто не знал. И сегодня еще старожилы с улыбкой вспоминают, как Алексей Максимович вез со своего огорода картошку и, вместо «тпру», сказал лошади «но!» И тут же на полном серьезе извинился перед лошадью. Видели его на работе и в разных по цвету ботинках. О его рассеянности, забывчивости рассказывают многие. А он, сухонький, по-юношески подвижный, не прислушивался к насмешкам. Да и сделать этого не мог бы, так как после перенесенной в детстве скарлатины в значительной мере лишился слуха.

После войны многие думали, что Алексей Максимович уедет в центр страны на какой-нибудь большой завод. К такой работе он готовился с детства, с технического кружка центрального Дома пионеров в Ленинграде. Но он остался в Хабаровске — и жизнь, и работа здесь его вполне устраивали.

Был Алексей Максимович в то время еще сравнительно молод, но возглавил конструкторское бюро грузоподъемных механизмов. Бюро, в котором не было ни одного специалиста нужного профиля, всего на четверть укомплектованное штатами. Начали разрабатывать проекты примитивных кранов и громоздких лебедок.

— Коэффициент работоспособности наших механизмов определяется частным от деления поднимаемого груза на вес механизма. Частное это должно быть в несколько раз больше единицы, — говорил Алексей Максимович.

Его плохо слушали и еще меньше понимали. Наши механизмы в то время поднимали груз в два раза меньше своего собственного веса. Никого это не беспокоило. Все боялись нарушить традиционность в создании грузоподъемных машин. Казалось, что миниатюрной лебедка и быть не может.

— Грузоподъемные механизмы не только должны поднимать груз, — твердил Алексей Максимович. — Они должны поднимать груз со скоростями в три раза больше существующих.

Я помню заседание техсовета в заводском доме инженеров, где буквально все ополчилось на эту идею.

— От махового момента при таких скоростях разрушится механизм любой прочности, — утверждали противники идеи.

Алексей Максимович спокойно взирал на своих противников, говоривших бездоказательно и запальчиво.

А через неделю появился эскизный проект планетарной лебедки, в шесть раз легче своей грузоподъемности.

Планетарная передача, основанная на принципе вращения планет в солнечной системе, была изобретена лет триста назад итальянским монахом, приговоренным за

какую-то провинность качать воду из колодца обыкновенным воротом. Монах сделал эту передачу топором из дерева.

Первыми о ней вспомнили авиастроители, когда в тридцатых годах начали бороться за компактность механизмов. В грузоподъемные машины «планетарка» вошла через мозг и сердце Алексея Максимовича. Теперь планетарная лебедка запатентована многими странами. А тогда, когда появился на свет ее эскизный проект, противники новшества пригласили эксплуатационников, и те в один голос кричали: «Нам нужен такой подъемный механизм, чтобы сломался зуб в шестерне и мы тут же могли приварить новый». Такого варианта эксплуатации планетарная лебедка не предусматривала. Все зубчатые колеса у нее были внутри барабана и на полomme не были рассчитаны.

Казалось, глухая, непробиваемая стена встала на пути нужного изобретения.

Сколько голов и идей разбивалось о такие стены — не счесть. А голова Алексея Максимовича осталась цела. Спас ее Сергей Кузьмич Дубров, работавший тогда начальником опытного цеха. Он не стал защищать Седова теоретическими выкладками, а по предложению парткома взял эскизный проект планетарной лебедки и через неделю, пока главный инженер был в командировке, «опытники» сделали эту лебедку. В таком варианте она и трудится теперь во многих странах мира, являя собой пример признания нашего отечественного машиностроения.

Три года назад, когда наше СКБ отмечало двадцатипятилетний юбилей и стенная газета «Конструктор» очень пространно писала о «планетарной эпопее», я спросил у Сергея Кузьмича, как он относится к противникам нового.

— Всякое новое выбивает производство с наезженной колеи. Принципиально новое ставит производство на дыбы, — отвечал Сергей Кузьмич. — Пока наши научно-производственные объединения не набрали сил, чтобы внедрять новое планомерно, нам нужны неофициальные лидеры технического прогресса, нужны люди вроде Алексея Максимовича, настойчивые и уверенные в себе. Когда мы с ним как полпреды завода прибыли на испытания первого нового крана, оснащенного планетарными лебедками, Алексей Максимович, желая развеять все опасения, сам стал под груз и скомандовал: «Вира!» Крановщик машинально исполнил его команду, а у членов комиссии лица побледили. Лишь он стоял спокойным и смотрел на секундомер, проверяя расчетную скорость подъема. Вот так, без криков и суеты, нужно внедрять новое в производство.

— А ты бы смог стать таким лидером и сделать то, что необходимо производству сегодня? — спросил я Сергея Кузьмича, зная уже, что он вынашивает одну идею.

— Я берусь без отрыва от основной работы создать такую штуку, которая позво-

лит сэкономить тонн пятьсот проката, тысячи резцов и освободит по крайней мере двадцать токарей от «перемолачивания» металла в стружку. Мы сделаем машину за полгода.

На другой день я увидел Сергея Кузьмича в коридоре, как всегда, улыбчивого и спокойного. Он нес кипу чертежей килограммов в десять.

— Иду к заместителю директора по производству открывать заказ на раскаточную машину, — сообщил он мне.

— Заказ откроем, а детали начнем делать, когда укомплектуем полностью номенклатуру, — решил заместитель директора.

Это согласие Сергей Кузьмич получил с пятого захода.

— В потоке основного производства всегда есть окна, именуемые в отчетах внутрисменными потерями. Вот за счет этих окон мы и сделаем машину, — сказал Сергей Кузьмич.

— Это грабеж!.. Пятьдесят тонн проката и две тонны бронзы! — бушевал начальник отдела материально-технического снабжения.

— Я оставляю вам экономическое обоснование, — говорил добродушно Сергей Кузьмич, вполне понимая положение начальника ОМТС.

Груда чертежей попала наконец в опытный цех. Дуброва здесь многие помнили как расторопного в деле начальника. Но на чертежи все смотрели искоса, как смотрят на вещи, хотя и не второстепенные, но без которых можно обойтись.

Прошло более двух месяцев, и остов раскаточной машины робко примостился на сборочной площадке опытного цеха. Рядом с подъемным краном он выглядел мизерным, малоприметным.

Сергей Кузьмич на завод приходил в семь утра и уходил в десять вечера, разочарованный тем, что более половины из намеченного не было за день сделано.

Более тысячи позиций, а в каждой позиции не менее трех операций нужно было протолкнуть. Кого-то уговорить, кому-то что-то пообещать, чтобы позиции эти крутились, двигались, накапливались постепенно для сборки. Дубров осунулся, но говорил бодро, обнадеживающе:

— Ничего само в жизни не делается. Скоро начнем собирать.

И вот это «скоро» настало ровно через четыре месяца с того дня, как раскаточная машина была запущена в производство.

Сергей Кузьмич теперь ходил по цехам в поисках свободных слесарей-сборщиков. Их всегда бывает много в начале месяца. Но в те дни был не только конец месяца, но и конец 1974 года.

В цехах объявлен аврал, но Дуброву шли навстречу. Начальник механосборочного цеха Александр Емельянович дал ему с основного производства слесаря Владимира Аристова, парня старательного. Отрывался на полдня, на день от основной работы и слесарь опытного цеха Евгений

Наумцев просто так из-за уважения к Сергею Кузьмичу. После пяти работал сборщиком и сам Дубров.

27 декабря 1974 года единственная пока в крае раскаточная машина закрутилась. Все причастные к ее рождению приходили любоваться работой еще капризной, неотлаженной машины.

Человеку труда свойственно гордиться результатами своего труда. Глаза Сергея Кузьмича светились счастьем.

В последние часы перед установкой раскаточной машины он буквально летал по цехам, словно у него за спиной выросли крылья. Весь был наполнен вдохновением и предчувствием той минуты, когда главное дело сделано.

Весь декабрь прошлого года я провел в сутолоке и беспокойстве, связанных с внедрением раскаточной машины Сергея Кузьмича Дуброва. Она сулила нам большую экономию металла, инструмента, обещала увеличение производительности токарей на деталях типа венцов. Но, как все новое, машина имела своих противников. Кузнечному цеху машина, по их мнению, сулила только худшее: снижался общий тоннаж поковок при той же номенклатуре и увеличивалась стоимость основных фондов. И кузнецы машину встретили «в штыхы».

Первая раскатка колец и подписание акта внедрения состоялась на стыке двух смен 30 декабря. Собрались специалисты. А раскатке предшествовали осадка металла и пробивка отверстия в заготовке. Перед кузнецом, производившим эту работу, ставилась задача: сделать ее за один нагрев и подать на раскаточную машину заготовку еще достаточно горячей. Машина за тридцать секунд делала работу, с которой токари механического цеха справлялись за два часа. Второй нагрев заготовки был не желателен, так как получался пережог мазута.

Ни первую, ни третью заготовки кузнецу не удалось донести до машины достаточно горячими.

Когда шла пятая заготовка, надменные улыбки появились на лицах противников. Раскаточная машина, которая обошлась заводу в двадцать пять тысяч рублей, стояла словно приговоренная. Внешне она мне показалась похожей на вздыбленную перед пропастью лошадь.

Но тут, потеряв всякое терпение к медлительности лучшего кузнеца завода, за клеши взялся Димка Сабитберьянов. Я заметил, как неодобрительно, косо посматривали на него другие кузнецы. А Димка ловко выхватил из печи раскаленную добела заготовку. Еще мгновение — и заготовка оказалась под двухтонным молотом. Удар. Еще удар! Проходит пятнадцать, казалось, бесконечных секунд. Заготовка готова к пробивке. Еще столько же секунд — и заготовка пробита и выброшена на раскаточный ролик машины. Через тридцать секунд после этого вращение кон-

трольного ролика зафиксировало, что фасонное кольцо выполнено с минимальными припусками и готово к токарной обработке.

Димка стоял рядом с раскаточной машиной, держался за ручку управления и выглядел тем лихим наездником, который остановил лошадь перед самой пропастью.

— Димка, ты штрейкбрехер, — без зла, шутя проговорил один из кузнецов.

— Хорошая машина, — сказал Димка с ударением на «о». Все рассмеялись. И как-то сразу потеплели лица у людей. А Димка уже вскидывал под двухтонный молот новую заготовку...

Перед концом смены вся эта борьба за секунды с пятидесятикилограммовыми болванками утомила Димку.

— Значит, так, Димка... С сегодняшнего дня ты будешь работать на венцах, — заявил категорично мастер.

— Поставят манипуляторы, тогда и буду работать хоть до самой пенсии, — с вызывающим спокойствием в голосе ответил Димка.

— Манипуляторы захотел?! А что же ты не подумал о них, когда лучшего кузнеца позорил?!

— Захотелось показать свою удаль в работе и этим защитить честь машины. И кузнец он вовсе не лучший, раз против нового настроен, — сказал Димка и этим чуть успокоил мастера.

— Вот где теперь твоя удаль сидит! — уже примирительно сказал мастер и хлопал себя по шее.

— Ничего, удержишь! — ухмыльнулся Сабитберьянов.

Мастер махнул рукой и ушел, затерялся среди спешивших на ужин людей. А мы с Димкой остались одни в цехе, среди умолкших молотов и яростно гудящих мазутных печей.

— Вот эту бы заразу надо столкнуть на свалку истории. — Димка пнул кованым ботинком мазутную печь. — Одного угара металла до двенадцати процентов дает и копоты на все триста. А в «Кузнечном производстве» об инъекционных печах лет десять пишут. И, вообще, новую кузницу пора строить.

Потом в уютной конторке мастера Димка ел жирные беляши, запивал их молоком, предлагал мне разделить с ним трапезу. Наконец он вытер руки. Смачно затянулся сигаретным дымом и проговорил совсем мирно:

— Поедем осенью на Нижний Амур. Вот взгляни. — Он достал из бокового кармана завернутую в целлофан семейную фотографию. На фотографии Димка сидел в центре со своей женой Тоней, с младенцем на руках и гордо смотрел на мир. А за его спиной стояло трое мальчиков, с таким же, как у Димки, гордым видом.

— Обязательно поедем на Нижний Амур, — пообещал я. И заметил, как глаза его посветлели от радости.

— Теперь они никуда не денутся, — торжествовал Димка снова по поводу рас-

каточной машины. — Ведь акт подписан. А манипуляторы сделают... Все сделают, что потребую. Машина должна работать! Работать по-настоящему.

Я слушал Димку и думал об определении подвига в нашей обычной трудовой жизни.

— А ведь ты герой, Димка! — сказал я, желая ободрить его.

— Я просто честный человек, — отве-

тил Димка и пошел к раскаточной машине.

Заводской гудок хрипло разорвал тишину морозного вечера. И кузнечный снова загрохотал. Я шел домой по пустынному, совсем притихшему поселку и ловил глухие отдаленные удары двухтонного молота, на котором работал Димка Сабитберьянов. И рисовались мне почему-то малиновые закаты Нижнеамурья.

ТРИ ДНЯ СТРАДЫ

ОЧЕРК

В совхозной гостинице, обычной трехкомнатной секции двухэтажного дома, кроме меня жил еще один командированный.

— Николай Федорович, — представился он.

Вечером мы разговорились. Николай Федорович Медведь давно на пенсии, но продолжает ездить по совхозам. Он бухгалтер. И привлекают его то и дело для различных проверок и ревизий. Рассказывал Николай Федорович о своем житье-бытье, сетуя на то, что вот, мол, не всегда у нас еще чтут работу бухгалтеров (а ведь это же, ой, какая важная работа в любой отрасли), и произнес между делом фразу, особенно мне запомнившуюся: «Вы знаете, много лет я работал на различных предприятиях главным бухгалтером. Конечно, руководил, но порою, видишь, у человека не получается, махнешь рукой да и сам за него работу сделаешь. Куда спокойнее. А вот возьмите, к примеру, директора здешнего. Работает второй год, а смотрите как хозяйство ожило. Нет, что вы там не говорите, а заставить людей работать — это большое искусство. Большо-е-е».

Видимо, можно было эту мысль выразить как-то по-иному, более мягче, что ли. А то — «заставить». Резковато. Но Николай Федорович сказал это по-простому и в общем-то высказался точно. Действительно, на то ты и руководитель, чтобы подчиненные тебе люди могли работать самостоятельно.

«Ну, хорошо, — подумал я. — Повседневное руководить большим хозяйством — это не финансовый отчет написать за нерадивого сотрудника. Самому всех дел не переделать. Чего спорить-то здесь?»

А спорить с самим собой пришлось. Познакомился я со здешним директором и понял, что не так уж и проста эта ситуация. Впрочем... поскольку речь зашла о человеке совершенно реальном, то я и расскажу о нескольких рабочих днях директора Надеждинского совхоза Петра Петровича Кочмара.

Журналистами Петр Петрович не избалован. Встретил приветливо, внимательно выслушал, обещал помочь. Это было предыдущим днем, под вечер, когда мы ехали с ним в его газике из Биробиджана, где проходил районный партийно-хозяйственный актив. Вели разговор о его хозяйстве, разумеется, о погоде, из-за капризов которой все летит вверх тормашками, о природе — какие, мол, места здесь красивые!

В общем, как говорится, пристреливались друг к другу, присматривались. А вот утром чувствую, директор хочет побыстрее отделаться от неожиданно навалившейся на него заботы. Спросил, каких специалистов мне хотелось бы увидеть и посмотрел на часы. Конечно, со многими людьми в хозяйстве хотелось познакомиться, но как объяснить, что в первую очередь мне нужен он — директор. Но мудрствовать над этой проблемой долго не пришлось. Выход нашелся сам по себе. Директор решил показать свое хозяйство, а получилось так, что выделить специально для этой цели машину он не мог. Договорились, что будет он заниматься своим повседневным делом, прихватывая каждый раз в свой газик и меня. Так удалось уж если не все, то многое увидеть. А главное, узнать человека, который, по словам старого бухгалтера, обладал даром руководить людьми.

Утренняя планерка, или, как ее еще называют здесь, «оперативка», закончилась быстро. Более подробный разговор идет по понедельникам. Сейчас же дискутировать было не о чем. Второй день после недельных дождей стояла ясная погода, и все было подчинено одному — закончить жатву. Правда, к этому дню, то есть к 12 августа, полностью уже был убран с шестидесяти девяти гектаров ячмень, более ста гектаров овса, засыпано 74 тонны семенной пшеницы. Задел солидный, учитывая капризы погоды. Но оставалось еще в полях около семидесяти процентов необранных зерновых, лежала на девятиста гектарах пшеница, скошенная на свал. И это больше всего беспокоило директора. Еще по дороге из Биробиджана мы заехали на поля первого отделения совхоза, что у села Казанки. Там был один из небольших участков, где пшеницу скошили на свал. Вместе с управляющим отделением Василием Ивановичем Панютиным Кочмар вышел из машины и, перепрыгнув через ров, наполненный дождевой водой, пошел вдоль поля. Ровными рядами лежали аккуратные валки. Директор сунул руку под один валок, потом под другой, вытаскивая из-под них колосья, и я увидел, как помрачнело его лицо. Колосья, лежавшие внизу, у самой земли были влажными, на некоторых из них появились зеленые стрелки. Пшеница начала прорастать.

Кочмар еще долго ходил по полю, осмат-

ривал один за другим валки, потом вытер руки и подошел к управляющему первым отделением. Порешили, что завтра же на это поле поставят человек пятнадцать-двадцать, участок в общем-то небольшой — вполне успеют за день перевероршить валки. И, если погода не испортится, послезавтра можно будет пустить комбайн с подборщиком.

Сейчас на планерке Кочмар вспомнил об этом поле и, повернувшись к главному агроному Николаю Захаровичу Осадчему, сказал:

— Побывайте сегодня в Казанке. Узнайте, работают ли люди. — Потом достал записную книжку и посмотрел на Залеского, главного зоотехника: — В чем дело, Владимир Карлович? Почему молоко упало?

Об этом молоке шел разговор еще вчера, в машине. Надою вдруг поползли вниз. Если 6 августа по ферме надаивали почти по девять литров от каждой коровы, то к 12-му не получалось и по семи. Разница внушительная. Только по одной ферме недополучено около трехсот литров за неделю. В кабинете находился бригадир фермы, несколько свободных от дежурств доярки. Стали разбираться сообща. Конечно, какая-то объективная тенденция к снижению надоев есть. Дни стали короче, пастбища победнее. Но не с такой же стремительностью должен идти этот процесс. Значит, на каком-то участке происходят перебои. Но на каком? Кочмар оглядел присутствующих. Начали, как говорят связисты при устранении неисправности, «прозванивать» всю цепь. Пошли с самого начала. И тут стала появляться какая-то ясность. Вовремя не пригнали несколько раз с пастбищ коров, недостаточно завозят зеленки, бригадир редко бывает на ферме... Директор сделал в своем блокноте пометки. Потом я узнал, что они означают для него. Не раз и не два он будет еще в течение этих дней возвращаться к делам фермы.

Специалисты разошлись, но кабинет не пустеет. То и дело заходят люди. Сегодня у большинства из них одна просьба к директору — баллоны с газом. Меня несколько удивило, что этим почему-то занимается директор. Потом увидел, что в общем-то пустяковый вопрос приобрел в эти дни необычную сложность. Почти у всех рабочих совхоза дома оборудованы газовыми плитками, а тут случились перебои с доставкой баллонов. Сегодня пришла первая машина с газом, и директор взял функцию распорядителя на себя. Я видел, люди, которым он отказывал, не обижались. Аргументы звучали убедительно. В первую очередь газом снабжались детские садики, механизаторы, работающие на уборке, доярки — люди, наиболее занятые сейчас. Собственно даже этот, казалось бы, незначительный штрих показывал наиболее горячие точки производства.

К восьми часам кабинет опустел. Петр Петрович с опаской глянул на телефон

(он весь этот час почти беспрерывно звонил) и произнес, поднимаясь со стула:

— Ну вот и кончилась кабинетная жизнь. Поехали.

От Дубового, центральной усадьбы совхоза, до третьего отделения — села Надеждинского — одиннадцать километров. Здесь, километрах в четырех от села, и находятся основные земли, занятые зерновыми и соей. 900 гектаров осушенных и окультуренных земель были получены совхозом от мелиораторов в последние четыре года. Местные жители эти поля так и зовут «мелиорация». Поехали на «мелиорацию», работаю на «мелиорации», дала «мелиорация». Вот и мы ехали сейчас на эту самую «мелиорацию». Именно здесь в эти дни проходила передовая жатвы. Восемь комбайнов, пятнадцать грузовых ЗИЛов для вывозки зерна, несколько тракторов, передвижная механическая мастерская с электросваркой — словом лучшая уборочная техника, лучшие механизаторы были брошены на эти поля, которые дают главный урожай зерновых.

В нынешнюю страду комбайнеры брали обязательство закончить уборку за десять дней. Работать пришлось всего три дня. Потом неделя дождей, и вот второй день стоит ясная погода. Сколько она продержится? Ведь остались неубранными почти семьдесят процентов зерновых, и нужна по крайней мере неделя. Семь ясных, погожих дней. Директор поворачивается ко мне и произносит:

— Ну ладно, пусть не семь. Пусть только три. Да за три дня мы столько успеем сделать!

В голосе его просительные нотки. Будто именно от меня и зависит погода.

Петр Петрович ведет свой газик профессионально легко, успевая и по сторонам посмотреть, и разговаривать, и думать о чем-то своем. Конечно же, даже за три дня можно было бы многое успеть сделать. Вчера, когда директор был на активе в Биробиджане, комбайнеры намолотили во семьдесят с лишним тонн овса. Лидировал Василий Анисимович Легенчук. Он сдал 25 тонн. Чуть меньше — 21 тонну — намолотил постоянный его соперник Анатолий Полищук. У обоих помощниками на комбайнах их сыновья. Другие опытные комбайнеры тоже шли с перевыполнением нормы. У Анатолия Григорьевича Лескова и Георгия Ивановича Гребенщикова — по 18 тонн.

— Представляете, сколько можно сделать, — довольно произнес директор, когда мы с ним рассматривали сводку. — Была бы только погода.

Вскоре с правой стороны шоссе показались подернутые желтизной поля. Исчерпанные водоотводными канавами и полосками лесонасаждений, они уходили к горизонту, туда, где темной гребенкой стоял лес. В канавах поблескивала вода, и можно было представить, каким заболоченным и непроходимым было это место до прихода мелиораторов.

Поля поделены на квадраты. Они неравномерны. По шесть, восемь, двенадцать, иногда по двадцать гектаров. Их на этом поле более ста. Эти квадраты здесь зовут «клетки». Вот к одной из этих клеток мы и подъехали.

Кочмар остановил машину и, обращаясь к главному агроному, произнес довольно:

— Овес-то какой! Ты посмотри, Захарыч!

Мы подходим к плотной стене колосьев. Овес и вправду уродился на славу. На отдельных участках урожайность достигла 28 центнеров. Николай Захарович сдирает с колосьев зерна, рассматривает.

— А раньше-то, помните, — произносит он, — вспоминать неохота.

Да, в прошлые годы урожайность была низкой. По 8—10 центнеров брали. Да и нынче не думали, что овес уродится таким. В социалистических обязательствах записали — 14,5 центнеров с га. И вот сейчас высокая урожайность радовала. Но и беспокойств прибавила. Сумеют ли взять все, что уродила земля? Дожди не только затягивали уборку. На одной из клеток мы видели целые поляны сваленного овса. Будто кто гигантской рукой пригладил непослушные вихри поля. Это тоже результат обильных дождей. Отяжелевшие от влаги и спелого зерна колосья, как подрезанные, падают на землю. Убрать такой овес жаткой трудно, почти невозможно, и потери бывают большими.

Мы объезжаем одно поле, другое, третье. Директор и агроном с высоты дороги внимательно разглядывают клетки. Что-то считают, прикидывают. Потом подъехали к полю, где пшеница лежит в валках. Из оставшихся 90 гектаров убранных таким способом злаков, здесь основная доля — более 60 гектаров. На этих клетях работали опытные комбайнеры. Валки лежат на высокой стерне и совсем не взопрели. Кочмар обращается к агроному:

— Ну что, Николай Захарович, повременим?

Наверное, ни в каком производстве так неумолимо и мгновенно не влияет погода на результат человеческого труда, как в сельском хозяйстве. «Вырвать» — вот то слово, которое мне приходится слышать все чаще и чаще. Взятое из спортивного лексикона: «Пользуясь минутной слабостью противника, вырвать победу», — это слово определяет сегодня характер работы на полях. Слабость погоды — ее погожие дни. Вырвать хотя бы несколько гектаров, пользуясь ясными днями. Такова тактика.

Стратегия сложнее, и заставляет директора сейчас крепко задуматься. Семенная пшеница засыпана еще до дождей. Это важно, конечно. Но надо взять и эти 60 гектаров. Но стоит ли брать сегодня? Два комбайна, совершенно новые, монтируются сейчас после транспортировки, и задействовать их удастся, по всей видимости дня через два. Да и то разумнее

будет послать эти машины на старопашотные земли. Тем более комбайны эти ко-

лесные, и на сухом месте работать им будет сподручнее. Остальные шесть работают на уборке овса. То, что овес на мелиорированных землях критической спелости, мы уже видели. Брать его нужно всем фронтом, дружно, не медля ни минуты. Но, если погода испортится, пшеница в валках тоже станет прорастать и пропадет. А терять ее не хотелось. Все-таки почти сто тонн зерна можно взять.

— Ну, Захарыч, что будем делать? — снова спрашивает директор агронома. — Может быть, хотя один комбайн перегоним сюда?

Агроном предлагает повременить. Рискованно, конечно, но что делать! Пока переоборудуешь комбайны с жаток на подборщики, пока перегонишь сюда — времени уйдет уйма. А так, убирая овес, техника будет постепенно приближаться к дальним участкам к этому полю.

— Да и погода вроде бы установилась, — заключает агроном, посмотрев на небо.

Взвесили еще раз все «за» и «против» и решили оставить как оно есть. Вдруг, действительно, повезет с погодой.

Если бы знать, что завтра, да нет, уже сегодня весь этот план придется менять.

Мы садимся в машину и едем туда, где работают сейчас люди. Вскоре вдали показались четыре комбайна, которые медленно ползли к лесу. Пятый застыл у кромки поля. Еще один стоял тут же, у дороги. Возле него поблескивала сварка. Еще не остановив машины, Кочмар беспокойно стал смотреть в боковое окошечко.

— Что же случилось? — этот вопрос он задал, выйдя из машины, парторгу совхоза Владимиру Мироновичу Колупаеву.

В этот ранний час парторг был уже на поле. Вытирая руки куском ветоши, он подошел к директору и ввел его в обстановку.

На одном комбайне ремонт уже закончен. Это машина вчерашнего рекордсмена Василия Анисимовича Легенчука. Поломка пустяковая, но потребовалась сварка. С другим посложнее. На комбайне одного из лучших механизаторов Андрея Товкача неисправность оказалась существеннее. Почти полдня он потерял вчера, отстав от своих товарищей, и вот сегодня все уже косят, а Андрей со своим напарником возится с машиной. Но поломка уже устранена. Когда мы подъехали, Андрею осталось закрепить мотовило и надеть ремни.

Бригадир тракторно-полеводческой бригады Василий Петрович Черненко, высокий добродушный человек, который неотлучно находится на поле с утра и до позднего вечера и похож на наседку, хлопочущую возле своих цыплят, успокоил директора:

— Сегодня все комбайны будут в строю.

Я наблюдал, с каким уважением Кочмар относится к своему многоопытному бригадиру, видел, что доверял он и Андрею Товкачу, еще молодому, но самостоятельному и серьезному в деле человеку, депутату краевого Совета (уж если взялся, обяза-

тельно доведет дело до конца), и был удивлен, что за день директор появился на этом поле еще ни один раз. К чему, казалось, делать эти огромные перегоны?

Между тем, мы побывали в этот день в Надеждинском, где готовились к жатве два новых комбайна, потом приехали в Дубовое на ток, после обеда отправились в первое отделение, в Казанку. Строительство нового коровника, капустное поле, кукуруза, автобаза, где завершалась подготовка картофелеуборочных комбайнов, вспашка зяби... Везде оказывалось много дела и везде требовалось решать какие-то вопросы. Но в разговорах, в мыслях своих директор был весь там, на жатве, и, пользуясь каждым удобным случаем, мы навещали комбайнеров. У себя в кабинете он побывал в этот день только один раз. Зашел, посмотрел быстренько почту, выпил из графина стакан воды и вновь в машину.

Поздно вечером мы заехали на «мелиорацию» в последний в этот день раз. Посоветовавшись с директором, бригадир отправил комбайны на соседнюю клеть, самую большую, по-видимому. Хорошо бы и ее еще сегодня добить!

Овес здесь стоял отличный, но земля, влажная и раскисшая от недавних дождей, приготовила людям сюрприз. Комбайны пошли по полю беспрепятственно, а вот грузовики застряли безнадежно на первых же метрах. Подошел гусеничный трактор, специально дежуривший для этой цели на поле, и стал вытаскивать одну за другой машины. От водителей ЗИЛов, шедших из хабаровского автохозяйства, требовалось немалое умение, чтобы проскочить по этому месиву к комбайнам. Но вскоре жнивьё настолько оказалось разбитым, что не помог и трактор. И тогда (невиданное расточительство времени!) комбайны с полными бункерами стали с отдаленных участков поля подползать для разгрузки к машинам. В этой ситуации это был единственный выход, чтобы не прекращать работы.

Незаметно опустилась ночь. Из кустарника, которым обросли водоотливные каналы, неся оглушительный пересвист сверчков. Облака разбежались, и на черном небе засверкали звезды. У горизонта показался ярко-оранжевый круг луны, еще холодный, не дающий света. По всему полю медленно, почти незаметно передвигались огни фар. Шла ночная жатва.

И вот в этот час, когда тихая спокойная ночь могла, казалось, предвещать лишь такое же тихое и безоблачное утро, директор принимает неожиданное решение. Когда с очередным грузом зерна к корме поля подошел комбайн Анатолия Григорьевича Лескова, Петр Петрович, поговорив с бригадиром, предложил механизатору завтра с утра переоборудовать агрегат и начать подбор валков. На том самом пшеничном поле. Чуть ли двигало им? Опа-

сение, что погода не продержится долго? Мне кажется, просто расчет. Несмотря на то, что все шесть комбайнов работали в общем-то без остановок, темп оказался невысоким. Трудности с разгрузкой, переувлажненные стебли, которыми беспрерывно забивало то жатку, то молотилку, то приемный бункер — все это сказывалось на результатах. За этот день удалось скопить всего 44 гектара. Это за десять часов непрерывной работы шести агрегатов! И директор принял новое решение. Ведь, если ударят дожди, пшеницу в валках уже действительно не спасти. Мне кажется, расчет его оправдался. И хотя следующий день оказался и вправду погожим, на уборке овса осталось четыре комбайна. Два других — комбайны Лескова и Товкача — обмолачивали пшеницу. Взяли, правда, немного, чуть больше двадцати тонн. Но это все же было зерно, которого могло и не быть.

На четвертый день с утра хлынул дождь. С грозой, с сметающими молниями по утреннему небу ливень, обойдя центральную усадьбу, обрушил на поля море воды. Работы приостановились.

Так закончились эти три дня. Тот самый минимум, который неизвестно у кого просил директор.

Потом погода снова устанавливалась на несколько часов, а иногда на день-два. И снова портилась. И люди по центнеру, по тонне «вырывали» зерно. А между тем незаметно приближалась вторая страда, главная в этом хозяйстве — уборка картофеля.

У Надеждинского совхоза молочно-картофельное направление, и, если сравнивать валовой сбор зерна и картофеля, то можно понять, что жатва была лишь небольшим эпизодом в жизни хозяйства. На уборке 450 гектаров картофеля будут работать тридцать картофелеуборочных комбайнов, десятки тракторов и автомобилей, сотни людей. Надеждинцы взяли обязательство продать нынче государству три тысячи тонн картофеля. Пятьдесят шестидесяти-тонных вагонов потребуется, чтобы перевезти этот урожай. Нелегкая битва. Директор скажет после:

— Грохочущие в барабане комбайнов клубни будут сниться людям ночами. Каждый день с утра и до позднего вечера в течение всего месяца — картофель, картофель...

Но битва за картофель только предстояла. Другая, не менее трудная, уже закончилась. Надеждинцы первыми в крае закончили заготовку сена. Бригада, руководимая Геннадием Ивановичем Чувасовым, накосила на пойменных лугах четыре тысячи тонн зеленых кормов. Я был свидетелем работы на одном из скромных участков уборочной страды. Но и там, мне кажется, достаточно полно проявилось характерное для сегодняшней жизни надеждинцев — стремление делать все быстро и качественно, по-хозяйски.

Петр Петрович Кочмар принял совхоз

полтора года назад. Пришел из соседнего хозяйства, где работал главным инженером. И вот новый коллектив, новая должность... Нельзя сказать, что хозяйство находилось в упадке. Работали в общем-то те же самые люди, обновлялась техника, велось строительство. Внешне все, казалось, обстояло благополучно. Но происходило из года в год что-то неуловимо расхолаживающее коллектив. Наконец налицо были и явные просчеты. На балансе совхоза висел двухмиллионный убыток. А это ощутимо ударило по экономике. Не ставлю перед собой цели анализировать недостатки прошлого. Хочу только отметить, что в 1975 году здесь почти в четыре раза уменьшились убытки. В этом году специалисты планируют вообще их ликвидировать. Удается ли? Говорить пока рано. Но совершенно очевидно — хозяйство стало выздоравливать. И люди связывают это с приходом нового директора.

Есть в характере Петра Петровича Кочмара особенность, которая помогла ему органично войти в свою новую должность. Он инициативен. Он как бы находится в постоянной готовности захватить инициативу — в разговоре ли, во взаимоотношениях с людьми, в сложных производственных ситуациях. Это не заранее выработанная тактика поведения. Качество у него это врожденное. Вот поэтому никогда не позволяет он себе быть в стороне от дела, каким бы незначительным, на первый взгляд, оно не казалось. Суть не в том, что, видя, к примеру, как комбайнер возится с агрегатом, он может снять пиджак и приняться помогать ему. Механизатор по образованию, он знает технику. Но знает он и людей. И прекрасно понимает, что лишняя пара рук, пусть даже директорских, это не выход из положения. В этой ситуации ему важно, чтобы человек не только понял, почувствовал, что сейчас, вот в эту самую минуту, нет ничего важнее, как исправить машину. Я видел, как напористость его характера может заряжать людей энергией. Это свойства сжатой пружины, которая всегда вызывает ответную силу. Он не шадит тех, кто слишком легко упускает инициативу из своих рук. И люди стали относиться к работе по-иному. Пристрастнее, что ли, цепче. Ведь кому охота уступить хотя бы пядь завоеванных в жизни позиций...

Но эта наступательность в характере директора никогда не проявляется криком, нетерпимостью. Помню, приехали на ток. Несколько парней сгружают с машины зерно. А внизу, на цементном полу, лужа воды. Директор аж застонал. Видели бы эти парни, какой ценой это зерно достается там, в поле. Не знаю, нашелся бы человек, который бы не сорвался в этой ситуации. Кочмар вышел из машины, постоял чуток и сказал:

— Ребята, может воду эту вынести? Взять метлу и вымести?

И тут оказалось, что ничего страшного и не произошло. Парни сгружали зерно

в сторону, далеко от воды, а за метлой уже послали человека. И подумалось, как легко мог обидеть директор людей, проявив он несдержанность. Умение поставить себя на место человека, которому делаешь замечание, помогает Кочмару не только быстро устанавливать с людьми контакт, но и проникать в существо дела. Ведь так легко упустить что-то важное, отдавшись первому впечатлению.

А сколько таких ситуаций выпадает ему на дню. Люди знают: не выругает, не накричит директор, но и не отстанет от тебя, пока не сделаешь, как он сказал.

Через час, возвращаясь с кукурузного поля, мы заехали на ток еще раз. Воды на полу уже не было.

И еще одно раскрылось мне в нем вскоре. Это случилось в воскресенье, когда у Кочмара выдался свободный час и мы, закрывшись в его кабинете, решили побеседовать. Разговор у нас зашел о герое известной пьесы Игнатия Дворецкого «Человек со стороны», инженере Чешкове, ставшем уже хрестоматийным.

— А вот в деревне можно такого человека представить? — спросил я его.

Петр Петрович призадумался.

— Как по пьесе — этот инженер пришел и сделал переворот, — в сельском хозяйстве, мне кажется, вряд ли получится. Нужен не человек со стороны, а человек, который как бы изнутри, словом, не чуждый нашей, деревенской жизни, — произнес он медленно.

Потом в машине, когда мы снова ехали на «мелиорацию», он вспомнил этот разговор, сказал:

— Вот, может быть, на заводе можно так, чтобы пришел умный человек, наладил по производству все и дальше поехал, на другой завод налаживать дело. А у нас так не получится. Здесь этого мало, чтобы ты только разбирался. Надо, чтобы ты сам всерьез жил в селе, как все. Одним миром. Иначе не поверят. Все вроде правильно советуешь, а они не верят. Потому, как жизнь у тебя вроде бы другая получается. Вдруг что случилось, и ты в стороне? Так, что ли? Нет, в деревне надо жить по-настоящему!

Именно так он и сказал: «В деревне надо жить по-настоящему». Не в пику образу инженера Чешкова, который, кстати, ему импонирует: «Голова у него варит, побольше бы таких», — а из искренней убежденности, что деревня требует всего человека, без остатка.

Сам он сугубо деревенский человек. Детство его прошло в деревне. Потом техникум в Бабстово, и снова работа то в одном, то в другом селе. И вот эта его причастность к земле, его знания деревенской жизни, не книжные, а накопленные всей предыдущей жизнью, помогают ему не только ориентироваться в сложном хозяйстве совхоза, но главное — понимать, чувствовать людей, ценить их труд. Он всегда очень уважительно говорит о работах совхоза. По-человечески уважитель-

но. И, когда, например, разговор зашел у нас о бригаде тракторно-полеводческой бригады Василии Петровиче Черненко, том самом, с которым то и дело приходилось встречаться на жатве, он тут же вспомнил, что Василий Петрович самый что ни на есть коренной. Родители Черненко приехали сюда еще в 1908 году из Черниговской губернии, где жили в селе с красивым названием Русская поляна. Это название они дали и деревеньке, что zaloжили здесь, на Бире. Василий Петрович и родился в Русской поляне, что недалеко от Надеждинского.

Потом разговор зашел о доярках Анне Тимофеевне Долженицыной и Марии Николаевне Красовской. И вновь Петр Петрович упомянул, что это люди, преданные совхозу, что живут они здесь по двадцать тридцать лет.

При мне пришло на имя директора письмо из Волочаевки. Писала доярка, мать четверых детей. По семейным обстоятельствам хотела переехать в другое хозяйство.

— Ну, что ответим? — спросил директора парторг, прочитав это письмо. Кочмар положил письмо в папку, задумался.

— Не будем спешить. У нее же дети. Подождем до осени, когда вступит в строй новый детский комбинат. Тогда и напишем. Да и жилье надо подобрать ей.

Так же, как и в любом деле, он подошел к этой просьбе основательно. Уж если приглашать человека, то сделать это надо

как следует. Чтобы человек прижился и не метался больше.

А вообще попасть в Надеждинский совхоз не просто.

— Нет у нас такого понятия, — говорит директор, — как нехватка доярок, скотников. Поэтому мы можем подбирать людей только хороших.

Не случайно, что в этот совхоз стремятся попасть люди. Живут здесь хорошо. Каждая семья обеспечена газом, над каждым домом телевизионная антенна. Десятки автомобилей и мотоциклов приобрели в последние годы рабочие совхоза. Средний заработок механизаторов 250—300 рублей, у доярок 300—400, а у некоторых до 500 рублей в месяц. На центральной усадьбе новое здание средней школы, прекрасный Дом культуры. Есть здесь стационарная больница, хорошая библиотека при Доме культуры. Целую улицу составили двенадцать двухэтажных домов, оборудованных коммунальными удобствами. Ежегодно строится пятнадцать-двадцать домов одно-квартирных, возле каждого из них — огород, сад. Здесь все делается, чтобы люди не только хорошо зарабатывали, но и хорошо жили.

Когда говорят о директоре Надеждинского совхоза, то обязательно добавляют «молодой». Действительно, человек, который руководит хозяйством полтора года, — это молодой директор. Но Петр Петрович Кочмар и вправду молод. Ему тридцать лет.

Лососи нерестятся на... заводе

Фотоочерк

Зрелище было сказочным: в прозрачной горной реке осторожно двигались вверх по течению стаи больших красивых рыб. Их было много: сотни, тысячи.

— Жаль, нет снасти! — сокрушаюсь я.

— И поймали бы вы здесь... штраф, по 37 рублей за каждую рыбину, — комментирует мой спутник. — Государство охраняет нерест лососей, никому, абсолютно никому, не разрешается ловить горбушу в нерестовой реке.

Горбуша, ценнейшая рыба из семейства лососевых, идет на нерест к истокам горной реки Очепуха. Она здесь родилась, отсюда ушла в океан, на обильных подводных пастбищах выросла и вот, повиная таинственному закону природы, идет на нерест к истокам тех самых горных рек, где родилась. Идет, чтоб дать жизнь новому потомству и... погибнуть.

При резких нарушениях уровня и температуры воды, при других неблагоприятных погодных условиях икра и мальки погибают. И человек пришел на помощь лососям. Часть рыб попадает не на естественные нерестилища, а на рыбопроизводный завод, где люди создают для развития икры идеальные искусственные условия, создают нечто вроде инкубатора.

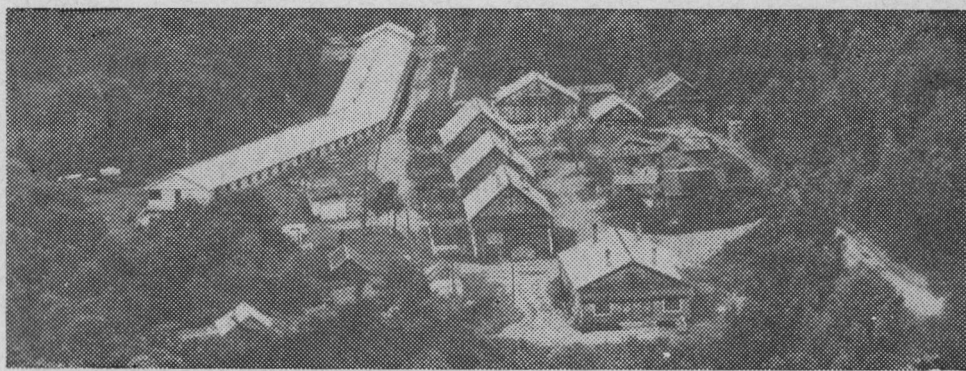
Рыбопроизводный завод «Лесное» — это маленький поселок на юго-восточном побережье острова Сахалин. Он окружен тайгой и хмурыми сопками. В двух километрах от него море и еще один маленький поселок, и на десятки километров — нетронутая природа. В период нереста здесь запрещается не только ловить рыбу, но даже появляться посторонним людям, чтобы не мешали нересту лососей.

Живет здесь восемь семей, семнадцать человек трудятся на заводе. Люди все заслуженные. Волковы — семья орденосцев: Леонид Степанович — механик по профессии, кавалер ордена «Знак Почета», его жене — Светлане Артемьевне, — рабочей, недавно вручен орден Трудовой Славы III степени. Валентина Евгеньевна Дубровская приехала сюда после окончания техникума пищевой промышлен-

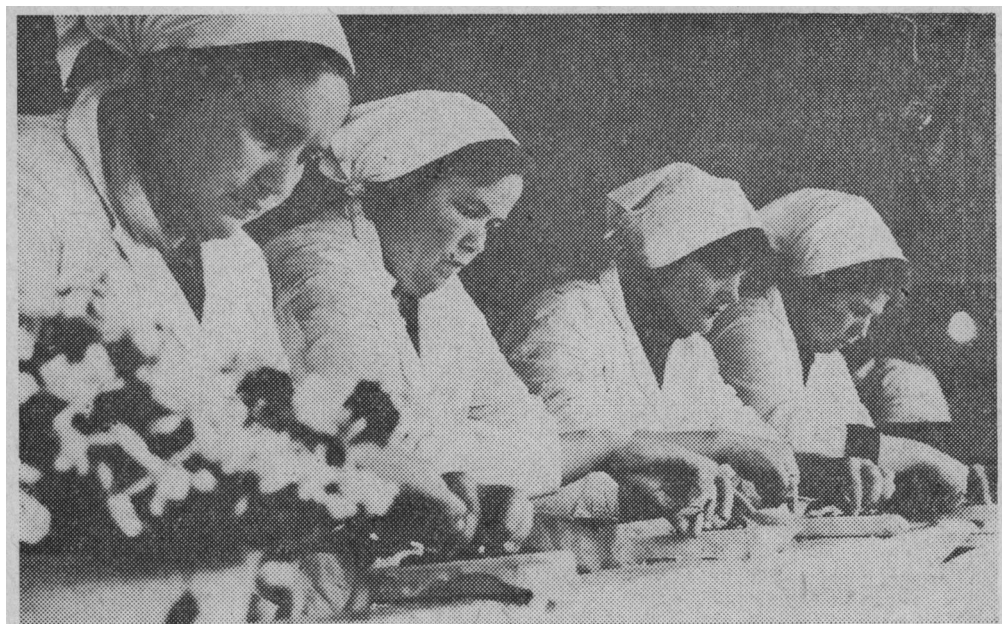

Отлов горбуши для отбора и оплодотворение икры

ности, заочно окончила Московский институт рыбного хозяйства и сейчас работает главным рыбоводом. Ее муж — Николай — рабочий, учится заочно в индустриальном техникуме. Много отличий за доблестный труд имеют Иван Прокопович

Рыбопроизводный завод «Лесное»

Сортировка икры

и Таисия Михайловна Федоровы, Эдуард Викторович Князев, Надежда Алексеевна Дубровская...

Директор завода Кармен Александровна Князева рассказывает:

— Наш завод построен двадцать лет назад. Никакой прямой материальной вы-

годы наша работа в те годы государству не сулила, ведь мальки горбуши уходят в море, в Тихий океан, там растут и там их ловят и японские, и индонезийские, и другие рыбаки. Но сохранять природу надо, и государство пошло на большие расходы.

В 1957 году мы выпустили в море пятнадцать миллионов мальков. Позже мы нашли дополнительные источники воды, за их счет увеличили площади завода, площади наших инкубаторов. Весной нынешнего года мы выпустили уже 35 миллионов мальков. Нашу горбушу успешно культивируют сейчас рыбоводы в Балтийском и Баренцевом морях. Рыбоводы ГДР сообщают, что, работая с нашей горбушей, они получают тоже хорошие результаты.

Сейчас нам установлен план выпускать ежегодно не менее 31 миллиона мальков. Это задание мы перевыполняем...

Рыбоводы из Лесного ведут научную работу, изучая жизнь и миграции лососей, проводят научные эксперименты. Завод в Лесном — один из 29 рыбозаводов на Тихоокеанском побережье Дальнего Востока.

Евгений БУГАЕНКО.

Фото В. Титова.

Мальки горбуши перед выпуском в море

ЭКСПЕДИЦИЯ «БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ»

ОЧЕРК

Мело почти весь март. Но первое апреля на острове Врангеля началось солнечным арктическим утром.

Красное солнце пробило заиндевелый блистерн, зажгло никель печурки и высветило вороненый ствол «кэп-чура» — шприц-ружья для обездвижения животных.

Я не без робости спустил с нар босые ноги, помедлил, прыгнул на пол. Обо-жгло холодом. На ночь, не доверяя огню, печку вырубали. Путаясь в подвешенных к потолку комбинезонах, меховых чулках, малахаях, нашел свои олочи, накинул кухлянку и вышел в... Арктику — снять градусы. Снял. Минус 33.

Вернувшись, разжег примусы. «Шмели» загудели, растапливая напильный с вечера снег. Настрогал оленину. Принялся готовить завтрак.

В восемь часов ожил спальник Беликова, руководителя нашей экспедиции. Беликов разлепил глаза. Дохнул. Дыхание повисло облачком пара. Он подождал немного и нашарил торбаса. Достал из правого «бычок», из левого часы и спички и закурил.

Зашевелились ребята и в трех остальных кулках. Слоистый дым потянулся к потолку. Мне нравится это медленное вступление в работу. Завязывается разговор:

— Сегодня-то куда, начальник? — басит Андрей Куприянов.

— Думаю, на Малый Хед, к положому распадку...

— Долетим быстрее звука... — уточняет Рудольф Гаранин.

— Завтрак готов! — подытоживаю я.

За столом в который раз всматриваюсь в меченные разводами обморожений лица. Скоро расставаться. Я — вертолетом — в бухту Роджерса. Ребята — мотонартами к снежникам горы Кит. Мне писать о них. Они ведут дневники, в которых наверняка есть и обо мне.

Станислав Беликов выпускник биогеографической кафедры МГУ. В Центральную лабораторию охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР пришел шесть лет назад после жесткой работы в Кызыл-Агачском заповеднике. Женат. Двое детей. Но ежегодно уходит за двенадцать тысяч километров в «поле»,

вот в такой фанерный ящик, укрытый для тепла снеговыми кирпичами. Стас кажется самым молодым из нас, хотя мы почти ровесники. Может, потому, что единственный из пятерых в «поле» брееется.

Гаранину тоже немногим за тридцать. В глазах по осколку неба. Да русая борода тянет к четвертому десятку. Наверное, ни один северянин, увидев фамилию Рудольфа, воскликнет: «Да это же наш Рудик!» Тринадцать лет встречали там полярного пилота Гаранина в северных аэропортах. Гаранин — участник экспедиции «74», заместитель Беликова «по хозяйству» в экспедиции «76». И уже «забил место» в экспедиции «77».

Юрий Михайлович Плец с первыми себристистыми ворсинками в ассирийской бороде. За плечами МГУ — кафедра экспериментальной физики. Сейчас сотрудничает в одном из столичных НИИ. Невысок, но вынослив. Хладнокровен. Главный конструктор экспедиции. Комбинезон увешан сопротивлениями, датчиками, проволочными мотками, как одежда шамана талисманами. Но, в отличие от последнего, наш всегда добивается успеха.

Андрей Куприянов в прошлом выпускник педвуза. В настоящем следопыт, наблюдатель, «кожаный чулок». Крупный, неторопливый в словах и в движениях, исследует каждое пятно, каждый любопытный предмет на снегу. Ежевечерне шьет и, стягивая разинутую обувь, вспоминает охоту в суземах Архангельщины.

Что свело нас всех здесь, в Долине Гномов.

На Четвертой сессии восьмого созыва Верховный Совет СССР признал охрану природы одной из важнейших государственных задач. Стремлением сохранить «живую красоту Земли» продиктованы и Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов», а также Постановление Совета Министров РСФСР.

Но нельзя охранять, не изучая, не ведая, что хорошо и что плохо для «наших братьев меньших»: рыб, птиц, зверей...

Центральная лаборатория охраны природы Министерства сельского хозяйства СССР с 1965 года изучает уникальную «арктическую модель» Белого Медведя.

Ученых интересуют точные причины колебания численности этого зверя в последние пятнадцать лет, величина годового прироста, состав и структура популяции, биология размножения и пути миграции. Небезынтересен белый медведь и с «человеческой» точки зрения. Он уже «научил» в свое время эскимосов строить иглу. Не научит ли Хозяин Арктики чему-нибудь еще *homo sapiens*? Медведь ныряет в Ледовитый — мы не можем. Ему тепло в арктическую зиму — нам холодно. Он легко переносит полугодовой холод — мы не рискуем. Он ориентируется в полярной ночи — мы плутаем.

Тема нашей научной работы «Белый Медведь в Северной Арктике, его экология, динамика численности и охрана».

Ветровое стекло мотонарта едва достигает подбородка. Шведские конструкторы «сноу-трик» или «снова крик» в этимологическом варианте адресовали миниатюрный мототранспорт любителям зимних прогулок. И едва Гаранин перебирал за 30 километров в час, лицо начинали полосовать раскаленные лезвия. А по недельному насту Гаранин выжимал из шведской игрушки все семьдесят... Он забывал о нас, намертво вцеплялся в скобу руля и хищно вонзался в ледяной воздух.

Можно тронуть Рудольфа за плечо — крика он не услышит. Можно на вечернем разборе попросить его притормаживать... Но мы молчим. Мы понимаем Гаранина. И разделяем его восторг перед спящим белоснежным.

Чтобы как-то уберечь лица, мы вырезали из брошенной овчины маски. Гаранину — тоже. Но вырезали поздно. Арктика успела отметить наши лица...

Безымянные горы ушли за спину. Впереди трехметровой глыбой высились Малый Дрем-Хед. В глыбу врезались террасы. Ветер сметал с них снег. В поэтажных наносах шестой месяц жили медведицы. Скоро, только немного потеплеет, они пробьют наст, покружат с медвежатами вблизи дома и уйдут в торосы Восточно-Сибирского.

Звери уже совершали пробные вылазки. На проутюженных склонах нет-нет да и попадают следы когтей да выбросы снега. Лишь по ним и можно найти берлогу.

— Ну, что апрель гостям готовит? — раздумчиво сказал Стас и распорядился: — Андрей и Михаил со мной. Гаранин и Плеч мотеходом к нижнему склону.

— Найдем — возвращаемся за вами? — уточняет Рудольф.

— Годится, — ответил за Беликова Андрей.

Стас уже достает из чехла «кэп-чур». Я заряжаю ракетницу. Медведицу можно только пугнуть. Пуля — в крайнем случае, в самом крайнем, в безвыходном. Это правило экспедиции. Ракетница на поясе. Беру штыковую лопату. Рубить ступени. Иначе на склон не подняться.

«Сноу-трик» хлестанул белой пылью и

пропал. Мы поднимаемся. Я впереди. У меня лопата. За мной Беликов со шприц-ружьем и алюминиевой пикой-шупом. Замыкает группу Куприянов. У него двустволка двенадцатого калибра, бинокль, фотоаппарат, нож.

Метр, второй, третий... Сто метров, сто пятьдесят... Спина и лоб мокрые. Густым инеем обметало ворот и собачий малахай. Борода и усы в сосульках. Ноги то проваливаются в снежную россыпь, то скользят по оледенелой коре.

Латинское название белого медведя *ursus maritimus* — «медведь морской». Хотя, какой он морской, если его сородичи с Гудзонова залива уже роют берлоги в хвойных лесах и гоняются за мышами, за ондатрами... Но с другой стороны, ушкуй, как окрестили его русские промысловики, отличный пловец и ныряльщик. Вот и жил бы себе, если так, в голубых торосах. Ведь и там есть берлоги. Так нет же, лезет в горы. Гренландские мамы с берегов залива Мелвилла — те вообще высотницы — иногда на тысячеметровой отметке берлоги строят.

Уфффф! Терраса... Ветерок с моря... Хорошо... Не очень. Разгоряченное подъемом тело, остывает и только в движении вновь сопротивляется тридцатиградусному весеннему морозцу.

Пересекаем террасу, осматриваемся. Желтоватые сколы камней, черный, словно обугленный лишайник. Ягоды овечьего помета. Откуда? Ах, да это же новоселы — овцебыки. Один, говорят, бродит по горному массиву Комсомол, трое копытят Дрем-Хед. Прибавилось из-за них работы... Раньше увидел разрытый снег, не сомневался — берлога. А теперь снизу не определишь.

Стоп, что это Стас вперед выдвигается...

— Не торопись, — кладет мне руку на плечо Андрей.

— Нашли, что ли?!

— Понятен и любим язык следов... — нараспев отвечает Андрей.

И откуда он выцарапал эту строчку — днем и ночью вставляет. Но я ведь по делу спрашиваю.

Метрах в десяти-пятнадцати от нас полуметаметные выбросы. Берлога? Если — да, то временная или постоянная? А может, покопка? Поковырялась белая и ушла. Капризные они в это время, привередливые.

— Надо ребят звать, — решает Андрей.

— Проверим, — не сводя глаз с комьев, роняет Беликов и осторожно ступает за карниз. — Лопату...

Занимаем позиции подстраховщиков Андрей снимает предохранитель. Достая ракетницу. Металл кусает руки. Сую «оружие» за полу куртки.

Сухой короткий визг — Стас вывернул лопатой валик снега, сделал ступень к берлоге. Вторую, третью, четвертую... Осталось не более десяти. Поднял комок, примерился, бросил в предполагаемый лаз.

Мы подались вперед. Время застыло. Слышу шелест мелкой еще поземки и толчки крови в висках. Теперь понятно, почему новичку дали ракетницу, а не карабин. «Самое опасное, — вспоминаю популярную брошюру биолога Кишинского, — это пытаться убежать. Для промысловых охотников Севера и исследователей какая-то доля риска, конечно, неизбежна, но это уже особенность профессии». Нечего сказать, утешил... Американцы обездвигивают с вертолетов. Канадцы ловят стальными петлями и уже потом «шприцуют». Мы метим зверей «лицом к лицу».

А Стас спокоен. Насторожил ухо и слушает. И не просто слушает. А «видит» сейчас аркадскую идиллию: в залитом зеленоватым сумеречным светом снежном овале лежит двухметровая, белая с лимонно-желтой брюшиной Хозяйка Арктики. Медвежата, серебристые, как нерпичьи детеныши, укатились в тупик длинного коридора, затаились. Может быть, Стас сейчас даже над ними и стоит. Бывали случаи — звероловы проваливались... Нам пока везет.

Стас, наверное, подумал о том же. Вырубил еще одну, пятую ступеньку, шагнул и всадил пикку в снег. Налег. Пика не вошла.

— Брось, — не выдержал Андрей. — Брось ледышку, Стасик...

Беликов предостерегающе поднял руку, постоял и полез к нам.

— Парок... Дышит... Перекурим?..

Расслабляемся. Дышим. В десяти шагах от берлоги, жилой берлоги, — это теперь уже ясно... «По науке» медведица не должна выскакивать, ее «держат» медвежата. Но это «по науке». А в жизни как? Может, зверя уже пугали или даже ранили... Вот возьмет и вынырнет сейчас... От этой мысли неуютно. Память некстати прокурчивает недавнее происшествие.

Все шло в «академической манере». Нашли берлогу. Беликов с пикой и лопатой, Гаранин с «кэп-чуром» поднялись к лазу. Плеч с карабином и Куприянов с неизменной двустовкой страховали снизу. Стас начал «цементировать» выход снегом. Бросил пласт, другой. Нагнулся за третьим, берлога взорвалась. Медведица до пояса «вынеслась» из дыры. Рудольф спустил курок. Шприц вонзился в шею. Зверь скрылся в берлоге. Но вновь вылетел на бровку, зашипел и, сбывчив голову, пошел на Юрия. «Стреляй!» — закричал Гаранин, цепляясь за оклизные останцы. «Не шевелись!» — закричал Стас, летя к подножию. Юрий врос в снег. Медведица прошла в трех метрах, обожгла взглядом и... кинулась на Стаса. Безоружный Беликов бежал к мотонартам, словно в них было спасение. Андрей бросился наперерез. Юрий выстрелил. Мимо. Зверь оглянулся. Стас почти добежал. Медведица к нему. Юрий снова выстрелил. Пуля прошла перепонку между когтями. Медведица села, сунула лапу в пасть, нашла глаза замершего за мото-

нартами Стаса. Ни разу за пять лет не приходилось Беликову так смотреть в глаза зверя. Медведица отвернулась первой, затрусила к берлоге, залезла и там, наконец, «сернилан» — препарат для обездвижения — победил. Зверь лег, вывалив фиолетовый язык.

— Чего молчишь, — вернул меня в действительность Андрей, — сочиняешь?

— Танец на вулкане! — кивнул я на берлогу.

— Ерунда, — Андрей сунул окурочок под камень, — мы же друзья природы.

— Зверь-то этого не знает...

— Дай зеленую ракету, — приказал Стас, — так мы до второй берлоги сегодня не доберемся.

Зашипела ракета, и вскоре на террасу вышли ребята. В овчинных масках они выглядели страшновато.

— Шабашим? — улынулся Гаранин, срывая «забрало».

— Нашли? — Стас протянул «Шипку».

— Мы же не вы... — затянулся Гаранин, — у нас не сорвется.

— Одна ждет, — перебил Беликов и повернулся к берлоге.

— Понял! — Рудольф принимал сигарету. — Вскрытая?

— Запечатанная.

— На пленку возьмем? — спросил Плеч.

— Сегодня нет. Вы, — Стас посмотрел на меня и Андрея, — с Юрием обогнете склон и, как обычно, снизу. Гаранин со мной.

Мы молча разошлись.

— Бур не забудьте! — донеслось в спину.

Солнце и снег слепили. Глаза отдыхали только на черных каменных осыпях да темной линии берега, так и не забеленной до конца пургами. Недавно мы были там. Проводили в торосы «Истеричку», разожгли плавник и отдыхали. Истеричка — это та медведица, что кинулась на Стаса. Мы всем даем имена. Уже есть Молчаливая, Удивленная, Мать-героиня, Иностранка, даже Радиохулиганка есть. О ней, пожалуй, нужно подробнее...

Еще в Москве пришла Андрею Куприянову идея. Метить — метили. Пеленговать по датчикам на ошейнике — пеленговали. Снимать на фото- и кинопленку — снимали. А вот интервью у белого медведя еще никто в мире не брал. Решено — сделано. Собрали аппаратуру. Беликов и Куприянов нашли берлогу буквально рядом с домом, в правом крыле Долины Гномов. В двухстах метрах от нее поставили кладку из снега и натянули плащпалатку. Но работать в таком скрадке сутками было, мягко говоря, не комфортно. И последовательный Юрий Михайлович предложил взять урок у объекта исследования. Зверь загородок не ставит. Зверь дом строит.

Полдня медвежатили склон. Но вырыли-таки. С гнездовой камерой — радиостудией, с коридором. Причем, коридор как в берлоге опустился ниже камеры — что-

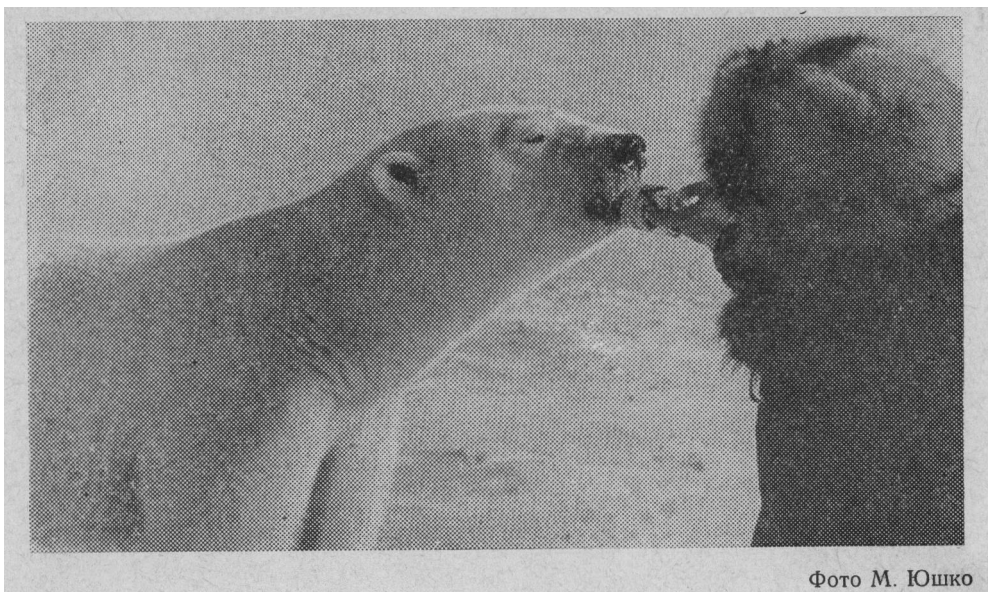

Фото М. Юшко

бы холодный воздух сдерживать. Но он все-таки проникал. Если в медвежьих берлогах градусов на двадцать теплее, чем на «улице», то в человеческих — преимущественно составляло не более десяти. То есть в тридцатипятиградусный мороз люди работали при минус двадцати пяти. Ничего, можно работать. Особенно после того, как Юрий на очередную вахту пригласил примус, котелок и... пельмени. Правда, «побелка» чуть пострадала от копошти, но зато градусы, градусы! — когда Стас и Андрей в первом часу ночи заступили на смену, глазам не поверили: термометр показывал минус восемнадцать.

И еще один сюрприз ожидал их. Медведица дала интервью. Пробури в накануне крышу берлоги и опустив микрофон, тщетно ждали выступления. Хозяйка молчала. Оказалось повреждение на линии. Устранили. И медведица заговорила. Записали три кассеты: сон, пробуждение, кормление... Дыхание, ворчание, вдохи-выдохи... Но вот характер начал портиться: скрежет когтей по стене, предупреждающий рык.

Пурга прервала передачу. Свист ветра ложился на пленку. Через два дня снова вышли на связь. Решили встретиться. И тут-то, когда со всеми предосторожностями блокировали берлогу, выяснилось, что она уже пуста. Радиохулиганка погрызла микрофон и ушла туда, где мы еще не были и неизвестно будем ли — в просторы Ледовитого. В Долину Гномов она вернется только года через три, если вернется.

Предполагают, что «наши» медведи, из Врангелевского роддома, дальше Берингова пролива и Аляски не уходят. Что они — устойчивая популяция. Но это опять же предположения. Тем более жаль, что упустили Радиохулиганку, упустили, не поме-

тив. Одним шансом проследить маршрут нанука — так звучит слово медведь на языке эскимосов — стало меньше.

Беликов и Гаранин уже расположились по обе стороны выброса. Мы тоже заняли места: по касательной к лазу Андрей, Юрий, я. Чтобы открыть зеленую улицу к нартам.

Стас ищет выход. Гаранин с «кэп-чу-ром» сбоку. Мы — снизу.

Второй этап — прощупывание: где камера, где коридор. Стас угадал со второй попытки. Даже сам не ожидал. Пика легко пробила крышу и почти вся ушла в снег — глубокая камера.

— Хватает, — кричит Стас, — цепляет тетка, проснулась...

Сейчас нет мелочей. Пробую наст. Он молодой, двухдневный, непрочный. Лопнет, а под ним старый, заледевший и сыграешь вниз... Лучше сколоть и выбить ложбинки для упора в нижнем. Только сейчас замечая, что позиция с подветренной стороны и тянет ощутимо. Ветер, облетав Ледовитый, возвращается на круги своя. Левую щеку покалывает, прихватывает ресницы и ноздри.

— Щеку три. Нос тоже, — бесстрастно советует Плец.

Тру правой. Левая — в рукавице, на ракетнице. Пальцы чужие. Вижу, как Гаранин мягко переминается, Куприянов башлык натянул.

— Бур... — говорит Стас.

— Бур... — повторяет Андрей.

— Бур, Михаил... — передает Юра.

Понятно. Будут путать Хозяйку. Пробурят, если она не опередит, в крыше две дырки. Через одну Стас пикой отвлечет. Гаранин в другую выстрелит.

Несу бур, рюкзак, ящик с инструментами и треногу. Тяжело, но зато в поте лица.

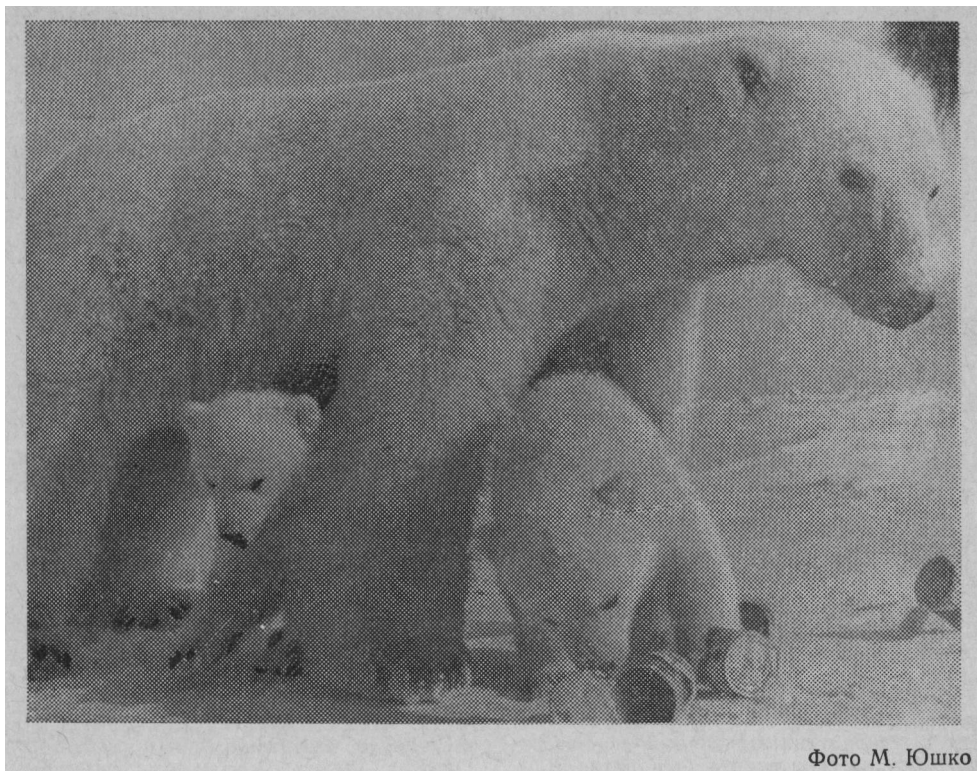

Фото М. Юшко

Беликов бурит. Десять круток сделает, прислушается, вытрясет бур и вторые десять. Поменялся с Гараниным. Рудик бурит — Стас с ружьем.

Что у медведицы на уме, никто не знает. Десять круток. Холодный скрип. Осколки катятся, выстукивая наст. Медведица слышит каждый шорох.

Андрей переложил ружье на сгиб левой руки, а правой рубит воздух. Палец заледенел на курке. Ну и бесчувственная попалась... Бесчувственная?! Это же имя! Вот еще одну окрестили. Только не рано ли?

Андрей смотрит на меня. Ясно. Могу и я погреться. Сгибаюсь и ногой вверх-вниз. Пятьдесят раз и в пальцы вернется жизнь. Проверено.

Стас почти в дыру стволом тычет, чертыхается, протирает очки и снова близоруко целит. Ничего не видно. Шкура мелькает, а что там, ухо или шея, попробуй разбери. Шприц сажать втемную тоже не хочется.

Стрельнул. Буднично как-то. Теперь ждать. Минут десять-пятнадцать. Стас перезаряжает «кэп-чур». Не попал, что ли? Отбоя не было. Как-то сунулись в берлогу, а там вместо одной — две Хозяйки, и вторая «...». Случай, да! А мы в тот момент задом, задом и вниз... Хотя сто тысяч «почему?» задай природе, а она одну тайну да сохранит.

Беликов на второй приступ пошел. Мы следили сквозь прицелы. Нервное занятие — страховать.

Стас лег на снег, вслушался, позвал Гаранина. Начали раскапывать. Осторожно. Как саперы. Снег обвалился, обнажив зверя. Отпрянули, но Бесчувственная не шевельнулась. Рудольф заглянул внутрь.

— Медвежата! — завопил он, — тройня, ё-мое!!!

— Кончай, — не поверил Стас, а сам уже расплылся в улыбке. — На первое апреля берешь?

Беликов лег на край берлоги, свесил голову.

— Слушай, точно... Сюда-а-а!

Мы рванулись вверх. Медвежата забились в глубь коридора. Три лобастые головки. Уже ненавидели нас и шипели. Вот это удача! Тройни — редкость у белых медведиц.

Стас и Андрей просто счастливы. Оба уже в берлоге и чуть ли не усыновляют медвежье потомство. Пусть ликуют, они ученые, это их хлеб. Мы рабочие, шерпы. Скалываем края камеры. Но не очень, чтобы Хозяйка еще смогла ею пользоваться. Устанавливаем треногу для взвешивания. Готовим инструменты.

Зверь лежит на брюхе, уронив голову на вытянутые лапы. Моргает. Только моргать и может. Челюсти в замок. Лапы неподвижны. Широкие лапы. Двухсоткилограммовому лахтаку, ломает череп, как мы яичную скорлупу. Даже обидно сейчас за ее беспомощность.

Раскладываем медведицу для обмера. От носа до хвоста два метра десять сантиметров. Для информации: «наша» бе-

ринговская популяция самая крупная — попадались самцы длиной в три метра и весом более семисот килограммов. Ставим клипсы — круглые фторопластовые оранжевые метки на уши. Пишем красной аэрозолью по шкуре порядковый номер. Медведица сразу блекнет, не зверь, могучий и опасный, а музейный экспонат с инвентарным номером.

Ничего, зверь еще встанет, он еще покажет себя. Это одурманенный «сернильным» он жалок. А проснется, рыкнет и номера прочесть не успеешь.

Так я утешал себя, сисяя сберечь в душе гордый образ Арктики.

Полторы сотни зверей обработали сотрудники лаборатории, а информация почти не поступает. Да и ребята, кто не первый раз на Врангеле, еще не видели собственноручно клейменных. То ли из-за небольшого числа обработанных зверей вероятность встречи мала, то ли медведицы дважды в один роддом не ложатся. Но ведь помимо медведиц ставят метки и медвежатам — где они блуждают? Ну ладно, до двух лет с матерью. А позже? К четырем годам самочки уже парный след торят. Почему их не видно в октябре на Врангеле? Может быть, остров Геральда выбрали?

Я не знал, что дней через пять это предположение во мне укрепит, когда с известным ученым, доктором наук Саввой Михайловичем Успенским облечу на вертолете Геральд — самый северный островок Магаданской области, и своими глазами увижу без малого пятьдесят берлог.

На склонах Дрем-Хеда, самого «бойкого» места острова Врангеля в 1969 году насчитали 60 берлог. Но в 1975, например, засекли уже 63 берлоги. А в 1976 — всего двадцать. Что же происходит? Естественная динамика численности или медведицам по неизвестным нам причинам разонравились горы острова Врангеля?..

Бесчувственная захрипела, распахнула пасть и судорожно загребла лапами. Организм боролся с препаратом. Препарат победил. Медведица шумно и протяжно выдохнула, растянувшись у наших ног. Мы подвели под нее брезент, спеленали и через полиспаст подвесили на треноге — 190 килограммов. Не жирно.

— Отдыхай, мамуль, пока, проживи до сорока... — похлопал Куприянов Хозяйку по загривку, — а мы пацанятами займемся.

Квартира у многодетной мамы завидная — четырехкомнатная. Порядком перелопатили снега, пока отыскали сорванцов. Они пищали, рвались из рук, изворачивались, норовя клацнуть острыми зубами. Особенно старшая. Вдвоем еле натянули на нее ремни для взвешивания. Семнадцать килограммов. Братья — поменьше: пять и семь килограммов.

Андрей помрачнел. Я не понял.

— Один из них не то что до сорока — до года не протянет.

Не верилось. Такие крепыши — лапу не согнешь. Месяца три назад в них граммов по семьсот было. Через год на материнском молоке за центнер потянет.

— Вот молока-то и не хватает, — угрюмо произнес Андрей.

— А выживет, — подал голос Плец, — на человека наткнется. И если у нас встреча миром кончится, то на Аляске...

— Что на Аляске, что на Аляске? — вскинулся Гаранин. — Да, было, стреляли с самолетов... Но теперь-то с этим спортом покончено и там, чего ты расплакался? Медведей в Арктике тысяч двадцать бродит.

— Ты считаешь много? Гренландские невесты ультиматум женихам объявили: добудешь нанука — я твоя. В Штатах на черном рынке за шкуру до двух тысяч отваливают. А доллары — одобрение такое, что в него браконьеров и сеять не надо — сами растут. Да что я тебе доказываю.

— Ну-ну, раскипятился, — вмешался Андрей, — человека еще законом обуздать можно. Медведь занесен в «Красную книгу». Медведь объявлен «Международным полярным ресурсом». Медведя защищает Рабочая группа представителей пяти стран: СССР, США, Канады, Дании, Норвегии. В советской Арктике его не трогают с пятидесяти шестого года.

— У меня, — привстал, зарисовывавший берлогу Беликов, — у меня вопрос: нельзя ли закруглить лекцию, поскольку мертвый час у медведицы кончается...

— Мы готовы.

— А ты зуб взял? — напомнил Андрей.

— Меркычгыргын! — чертыхнулся почукотски Беликов, — тройня все из головы вышибла! Помоги-ка, Михаил...

Я сел на желтоватое, кисло пахнущее дно берлоги, положил на колени тяжелую голову медведицы и раскрыл руками пасть. Хозяйка смотрела на меня, не мигая. Влажные точеные клыки зависали над пальцами. Я перевел взгляд на горы.

Стас работал скальпелем и щипцами. Медведица ощутимо дернулась. Стас взвесьнул на ладони зуб и перехватил взгляд зверя. Зуб должен был открыть нам возраст медведицы.

...Возвращались в девятом часу вечера. С зажженными фонарями. Народившийся месяц висел над морем, как динамометр нашей треноги. Двенадцатичасовая работа на арктическом ветре звенящей пустотой кружила голову.

Гаранин почему-то не гнал, вел на среднем ходу. Я держался за полы его куртки, как за парус, и хотел, чтобы горячее не кончалось и мы неслись так под чистыми звездами до самого Магадана или даже Риги.

Праздник книги на БАМе

Вот уже второй раз с начала строительства великой магистрали на Восточном участке БАМа проводятся праздники книги. В золотую пору дальневосточной осени этого года на рабочих местах укладчиков рельсового пути, строителей железнодорожных станций, мостов и рабочих поселков побывали писатели, издатели книг и работники книжной торговли. Наряду с писателями-дальневосточниками, в них приняла участие группа украинских писателей.

У трудящихся Дальнего Востока и писателей Украины давняя и крепкая дружба. Только за последние годы на берегах Амура и Тихого океана побывали Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий романист, драматург и поэт Михайло Стельмах, Герой Советского Союза прозаик Юрий Збанацкий, поэт Дмитро Павлычко и многие другие известные украинские мастера слова.

На праздник книги в этом году прибыло шестеро писателей из Киева, Херсона, Полтавы, Одессы, Днепропетровска. Возглавлял делегацию секретарь Союза писателей Украины, поэт Поликарп Шабатин. Посетив несколько лет назад Хабаровский край, — он тогда проплавал несколько недель на агитпароходе «Пропагандист», побывал в национальных районах, — П. Шабатин создал документальную книгу-репортаж о Дальнем Востоке — «Пути за горизонтами», которую с большим интересом встретил украинский читатель.

Херсонский поэт Николай Братан в день приезда шутиливо отрекомендовал себя «старым бамовцем». За два с небольшим года строительства магистрали он уже успел побывать на западном и центральном участках БАМа и вот приехал на самый восточный — Ургал—Комсомольск-на-Амуре, чтобы набраться впечатлений для новой книги стихов.

С комсомольской юности связал навечно свою судьбу с нашим краем киевский литературный критик Николай Равлюк. Приехав в 1938 году на Дальний Восток по призыву Ленинского комсомола, он стал работать на рыбных промыслах Нижнего Амура. Перед самой войной с ним случилась беда. Зимой с группой таких же, как он, допризывников, отправившись на военное учение по Амуру, он сломал лыжу и затерялся в пурге. С большим трудом удалось отыскать его замерзающим в снегу. Чтобы спасти жизнь пришлось вмешаться хирургам. Но мужественный комсомолец не сдался, не потерял воли. Вый-

дя из госпиталя, он продолжал работать на амурских берегах и, когда началась Великая Отечественная война, внес все свои сбережения на постройку эскадрильи «Дальневосточный комсомолец». Сходя с трапа самолета, Н. Равлюк сказал: «Взволнован до крайности. Ведь Дальний Восток — это моя вторая родина!»

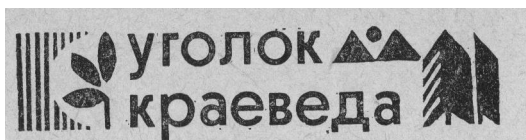
Впервые на амурскую землю прибыли полтавский драматург Александр Чуча, днепропетровский поэт Сергей Бурлаков и одесский прозаик Богдан Сушинский. Все они давно мечтали увидеть романтический дальневосточный край, встретиться со строителями БАМа. И, кажется, не ошиблись в своих ожиданиях.

Уже прилетев самолетом в Хабаровск, украинские гости имели возможность увидеться с инженерами-изыскателями Дальтранспроекта, побывать на заводах энергетического машиностроения и «Дальдизель», встретиться с пограничниками на заставах и молодежью города. Не менее интересное и ожидало впереди.

Вместе с писателями-дальневосточниками украинские гости прибыли на Ургал, где состоялись волнующие встречи с коллективами Укрстроя, МолдавстройБАМа, воинами железнодорожниками. И всюду, где бы ни была писательская бригада, — у строителей ли БАМа, лесорубов или шахтеров Ургала — все начиналось со встреч с людьми, с расспросов о жизни и работе, а на литературных вечерах и книжных базарах читались стихи, велись рассказы о книгах и творчестве советских писателей. И, конечно же, продолжались записи в блокнотах...

За двухнедельное путешествие по восточному БАМу писателям удалось побывать и в поселке Березовом, встретиться со строителями магистрали на светлой Амгуни, посетить предприятия городов Комсомольска, Амурска, Николаевска. Навсегда в памяти запечатлелись беседы с первостроителями Комсомольска-на-Амуре... «Пройдет время и голоса строителей города юности и сегодняшнего БАМа отзовутся голосами героев моих будущих пьес. Это уже непременно», — заметил на прощание драматург Александр Чуча. «Сколько встреч, сколько волнующих впечатлений!... Дюжина заполненных запасных книжек! А это значит еще одна книга о Дальнем Востоке, теперь уже о строителях величайшей магистрали». Это слова Поликарпа Шабатина, человека беспрдельно влюбленного в Амур, в богатый природой и мужественными людьми дальневосточный край.

А. ВИКТОРОВ.

О судьбе природы озера Ханка

Озеро Ханка... Широко известный, наибольший по площади пресноводный водоем Дальнего Востока. К востоку от Байкала до берегов Тихого океана на Азиатском материке нет более крупного водного бассейна. На многие десятки километров раскинулось в нем сплошное зеркало воды, спокойное при тихой погоде и бурное при штормовых ветрах и доходящих до него тайфунах Японского моря.

До недавнего времени озеро Ханка в Приморском крае славилось богатством пернатой дичи и рыбы. Расположено оно на основной «столбовой дороге» миграционных путей, в нем останавливались при перелетах и в массе гнездились многочисленные стаи лебедей, гусей, уток, журавлей, цапель, куликов и других водоплавающих и болотных птиц. Впадающие в него реки и прибрежные плавни издавна были местом нереста ценных пород рыб.

В настоящее время восточное и южное побережье озера интенсивно осваиваются сельскохозяйственным производством. Увеличивается площадь рисовых полей (чехов). Для них осушаются все новые участки болот, сокращая места, пригодные для гнездования птицы. Идет зачастую бесконтрольный выпас скота, выкашивание камыша и вырубка малоценной древесной и кустарниковой растительности, где сохранились последние колонии серых и рыжих цапель, в свое время красочно описанных еще Н. М. Пржевальским.

Пернатые обитатели озера одними из первых столкнулись с обратной стороной цивилизации, когда освоение все новых территорий резко ухудшило место их обитания, привело к сокращению численности некоторых видов. На побережье озера для них особенно губительной стала стихия пожаров, когда в сухой траве и камышах гибнет все живое. Все это продолжает дополняться не изжитыми случаями браконьерства и прессом свободной охоты и рыболовства.

Такое отношение к живой природе Ханкайской низменности не прошло бесследно. Теперь на Ханке уже не стало красных ибисов, несколько пар которого еще сохранилось в Японии. Не наблюдают на

озере и колпиц. Резко сократилась численность лебедей, белых цапель, даурских и японских журавлей, белых аистов, гусей, уток, куликов. Много меньше стало кожных (уссурийских) черепах, сазанов, желтошейка. Из растений под угрозой исчезновения находятся редкие эндемичные виды: бразения, эвриала устрашающая, лотос, могильная сосна.

Недоучет, а иногда и прямое игнорирование необходимых мер охраны единых природных комплексов озера ведут к нерациональному использованию его ресурсов, к утрате красоты естественных ландшафтов, возможности любоваться ее пернатыми обитателями, своеобразной растительностью и чистой водой.

Природные ландшафты окрестностей озера Ханки не могут оставаться неизменными. Объективные законы развития общества и его взаимоотношений с окружающей средой вносят свои коррективы в дальнейшее использование земельных и водных угодий. Научно обоснованный географический прогноз, как и трезвый экономический расчет, определяют пути и сроки изменения и сохранения ландшафтов и слагающих их биогеоценозов. Да и охрана природы не предусматривает консервации ее богатств, невмешательства в ход любых естественных процессов, излишнего сбережения от хозяйственного использования возобновимых биологических ресурсов, в том числе животных и растений.

Между прошлым и будущим природы Ханки не должно быть периода стихийных изменений, появления экономически мертвых заброшенных участков. Необходимость оптимального соотношения в использовании и охране природных ресурсов озера Ханки выдвигает необходимость организации заповедника, как резервата сохранения редких и исчезающих птиц и других животных и растений. Вместе с тем заповедник необходим и как эталон типичных и уникальных ландшафтов, как природная лаборатория ученых для изучения географически обособленной зоны Дальнего Востока.

Заповедник на Ханке необходим и как стационар для контроля за изменениями

окружающей среды в условиях вносимых человеком изменений на окружающих его территориях и акваториях.

В защиту природных комплексов озера Ханки говорилось, писалось много раз. О срочной необходимости организации там заповедника неоднократно выступали в печати профессора и доктора наук А. И. Куренцов, В. Г. Гентнер, А. А. Насимович, Б. А. Кузнецов, К. Воробьев, А. И. Формозов, Ю. И. Исаков и многие другие ученые и знатоки природы.

Вопрос о Ханкайском заповеднике был выдвинут Дальневосточным филиалом АН СССР еще в 1932 году. Это предложение было поддержано биологическим отделением АН СССР, Всероссийским обществом охраны природы, Географическим обществом СССР, решением Ученого Совета Тихоокеанского института географии ДВНЦ АН СССР.

По представлению комиссии по охране природы Дальневосточного филиала АН СССР в 1956 году проект организации Ханкайского заповедника был включен в перспективный план географической сети заповедников СССР и остался там до настоящего времени. Актуальность этого вопроса не может быть снята до организации заповедника или до необратимого изменения природных комплексов Ханки, когда охранять их будет уже поздно. В этом деле потеря времени является невосполнимой утратой.

В 1968 году экспедиция Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР составила проект и обоснование границ Ханкайского государственного заповедника, который был утвержден решением Приморского крайисполкома 10 сентября 1971 года (№ 882).

И наконец в постановлении Совета Ми-

нистров СССР № 1046 от 16 декабря 1975 года пункт 16, подписанном Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным «О мерах по обеспечению выполнения обязательств Советской Стороны, вытекающих из Конвенции о водно-болотных угодьях, имеющих международное значение, главным образом в качестве местобитаний водоплавающих птиц от 2 февраля 1971 г.» вновь упомянуто озеро Ханка.

Создание Ханкайского заповедника стало теперь не только патриотическим долгом приморцев, ученых, всей общественности, но и насущной необходимостью.

Бесспорная необходимость срочной организации заповедника на Ханке не встречает существенных возражений. Однако, вот уже более сорока лет этот вопрос все еще находится в стадии разрешения.

За это время много утекло воды из Ханки, многое изменилось на его берегах, а обоснованные проекты организации заповедника, обрстая все новыми и новыми положительными отзывами и заключениями, уже не раз путешествуют по многочисленным инстанциям.

История с организацией Ханкайского государственного заповедника не показательна для заповедного дела страны и надо полагать, что она будет завершена более энергичными действиями Приморского крайисполкома, прежде всего призванного обеспечить надлежащую охрану и рациональное использование своеобразной, богатой и контрастной природы Приморья.

Заповедник на Ханке необходим.

Ю. МИРОТВОРЦЕВ,
кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник лаборатории
охраны окружающей среды Тихоокеанского
института географии ДВНЦ АН СССР.

НЕУТОМИМЫЙ БОРЕЦ ЗА МИР

4 декабря 1976 года исполняется 80 лет со дня рождения одного из зачинателей советской литературы, выдающегося русского советского писателя, председателя Советского комитета защиты мира — Николая Семеновича Тихонова.

Уроженец Петербурга, он с юношеских лет унаследовал славные революционные традиции города на Неве, раз и навсегда связал свою жизнь, свой незаурядный талант поэта и прозаика, свою кипучую общественную деятельность с делом Великого Октября, с благородными идеями ленинской партии.

Участник первой мировой войны, Н. С. Тихонов в годы гражданской войны сражался на фронтах в рядах Красной Армии, а после демобилизации жил в родном Ленинграде. Здесь и развернулась его литературная деятельность; здесь же он проходил школу классовой борьбы — борьбы за утверждение социализма, борьбы против угрозы империалистической войны, борьбы с вероломно нападшими на нашу Родину фашистскими захватчиками. Николай Семенович руководил Ленинградским отделением Союза писателей, в годы Великой Отечественной войны он возглавлял группу писателей при политуправлении Ленинградского фронта. Вместе с земляками-ленинградцами Николай Семенович пережил годы блокады; пламенным словом поэта он звал к мужеству, вселял веру в победу над жестоким врагом. Его стихи, рассказы, очерки военных лет читала вся страна, они давали необходимую всем информацию о жизни осажденного Ленинграда, о мужестве и героизме ленинградцев. Строки поэмы «Киров с нами» знал каждый сражавшийся на фронте боец. Н. С. Тихонов был удостоен Государственной премии СССР.

В своем творчестве — в поэзии и прозе — Н. С. Тихонов славит Октябрьскую революцию, проследживает ее влияние на широкие народные массы во всем мире, выступает как убежденный интернационалист. С восхищением и глубоким уважением пишет он о советском человеке, на долю которого выпала задача всемирно-исторического значения — первым в мире начать строительство социалистического общества. Строители нового мира — главные герои его книг, и, чтобы увидеть их

Н. С. Тихонов

воочию, он совершил немало поездок по стране. Кто не помнит ставшую хрестоматийной тихоновскую «Балладу о гвоздях». Одним из первых в советской поэзии Тихонов начинает разработку ленинской темы; в год печальной утраты он создает поэму «Лицом к лицу», посвященную В. И. Ленину. И в последующем его творчестве — в писательских раздумьях и в поступках его героев — мы видим частое обращение писателя к животворному источнику вдохновляющих ленинских идей.

Одна из главных тем творчества Н. С. Тихонова — тема дружбы народов, борьбы за мир во всем мире. Она получила особенное развитие в послевоенные годы. Это циклы его стихов и рассказов о Грузии, Армении, республиках Средней Азии, о зарубежных странах Востока, жизнь которых Николай Семенович хорошо знает, наблюдает на протяжении десятков лет. Тут нашли отображение и его неоднократные поездки в страны Запада и Востока в связи с его деятельностью борца за мир. За книгу повестей и рассказов «Шесть колонн» Тихонову в 1970 году была присуждена Ленинская премия.

Благодаря переводческой работе Тихонова масса читателей стали доступными (и в отличных по качеству переводах) про-

изведения многих национальных поэтов братских советских республик и зарубежных стран. Н. С. Тихонов бесспорный авторитет в области теории и практики переводческого дела; он не раз выступал с глубоко обоснованными докладами по этим проблемам на писательских собраниях, пленумах Правления Союза писателей СССР.

С 1944 года Николай Семенович Тихонов избирается секретарем Правления Союза писателей СССР. На Первом всесоюзном съезде писателей, в 1934 году, он выступал с докладом о творчестве ленинградских поэтов. Полгода тому назад он как один из самых авторитетных деятелей советской литературы открыл вступительным словом 6-й съезд писателей СССР.

«Наша литература, — говорил Тихонов, — несет человечеству идеи мира и социализма, укрепляет уверенность в будущем, противостоит пропаганде насилия и человеконенавистничества... Чувствуя свою кровную связь с творческой, трудовой жизнью нашего народа, мы помним свой главный долг — запечатлеть образ нашего современника, создав художественную летопись нашего героического времени».

В этой «летописи» Николаю Семеновичу Тихонову принадлежит немало правдивых, ярких страниц.

В нашей стране и во всем мире Николая Семеновича Тихонова знают как одного из зачинателей всемирного движения сторонников мира, бессменного председателя Советского комитета защиты мира, члена Всемирного Совета Мира. Николай Семенович еще в 1935 году был участником парижского Конгресса в защиту прогресса и мира. Он активно выступал против нараставшей тогда угрозы фашистской агрессии, предупреждал о той опасности, какую нес народам фашизм. Участие в Великой Отечественной войне на одном из самых трудных ее фронтов — в Ленинграде, — последующие поездки писателя по освобожденным областям и странам Восточной Европы еще более укрепили его решимость отдать свои силы и способности благороднейшему делу борьбы за мир.

Николай Семенович неизменный участник многих послевоенных форумов борцов за мир — международных конгрессов, сессий Всемирного Совета Мира; он выступает с докладами на всесоюзных конференциях советских сторонников мира. Советскому комитету защиты мира, который вот уже более четверти века возглавляет Н. С. Тихонов, как известно, принадлежит много ценных инициатив в борьбе за мир. Назовем здесь предложение о принятии Верховным Советом СССР закона о защите мира, одна из статей которого пропаганду войны и человеконенавистничества определяет как уголовно наказуемые дей-

ствия. Усилия Советского комитета защиты мира направлены на осуществление принятой XXIV съездом КПСС советской Программы мира, на борьбу за достижение разрядки напряженности в международных отношениях.

Советское движение сторонников мира является передовым отрядом всемирного движения сторонников мира. Николай Семенович Тихонов личным примером и инициативой многое сделал и делает для сплочения прогрессивной мировой общественности в общем деле защиты и укрепления мира, борьбы против угрозы новой мировой войны, за разоружение. В своих выступлениях на последних форумах советских сторонников мира, в печати, на встречах с борцами за мир зарубежных стран, он подчеркивает историческое значение решений XXV съезда КПСС, роль новых советских инициатив в деле укрепления мира и безопасности народов.

Деятельность Н. С. Тихонова в защиту мира отмечена Международной Ленинской премией «За укрепление мира между народами» и Золотой медалью имени Ф. Жолио-Кюри Всемирного Совета Мира.

Н. С. Тихонову, одному из первых среди писателей, присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Начиная со 2-го созыва, Н. С. Тихонов избирается депутатом Верховного Совета СССР.

Можно только поражаться его неутомимости и кипучей энергии. Занятый постоянно большой общественной работой, Николай Семенович по-прежнему активен в творчестве и нисколько не утратил свойственного ему с юных лет живого интереса ко всему, что делается сегодня на просторах нашей страны. Свидетельством тому является публикуемая в этом номере журнала его статья «Мы построим наш БАМ!».

Статья написана для готовящегося в Хабаровском книжном издательстве трехтомника лучших произведений советской литературы и литератур социалистических стран в подарок строителям Байкало-Амурской магистрали. Читатель сможет с нею познакомиться и убедиться, что это яркий образец целеустремленной советской публицистики. Статьи присущи характерные черты боевой тихоновской публицистики.

Горячо и сердечно поздравляя дорогого нашего юбиляра с его 80-летием, от всей души желаем Николаю Семеновичу Тихонову доброго здоровья и многих лет жизни, того же творческого и общественного темперамента, новых больших успехов в благородном труде советского писателя и неутомимого борца за мир!

Н. РОГАЛЬ,
член Советского комитета
защиты мира.

«ЕГО ЛЮБИЛИ, ЛЮБЯТ И БУДУТ ЛЮБИТЬ»

Эти слова, сказанные о замечательном писателе и человеке Александре Александровиче Фадееве, принадлежат М. И. Губельману — старшему товарищу А. А. Фадеева по подпольной работе во Владивостоке, соратнику С. Лазо, профессиональному революционеру¹.

В справедливости этих слов еще раз убеждаешься при знакомстве с автографами на книгах, которые были подарены А. А. Фадееву в разное время, разными по возрасту, национальности и характеру людьми — поэтами, прозаиками, драматургами, критиками — литераторами Советского Союза и зарубежных стран.

«Дорогому Александру Александровичу Фадееву, строгому и задумчивому лирику и философу, Человеку с большой буквы», — с такой надписью подарил свою книгу избранных произведений известный украинский поэт Павло Тычина.

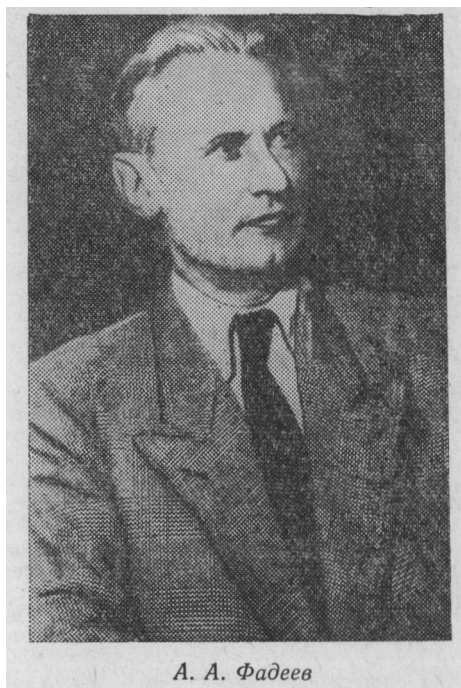
«Дорогому и родному Александру Александровичу с чувством бесконечной дружеской преданности», — этот автограф оставил на своем романе «Путь Абая» видный казахский прозаик Мухтар Ауэзов.

«Большому другу азербайджанской поэзии, дорогому Александру Александровичу Фадееву с любовью товарища по перу. С. Вургун». Эта надпись сделана на сборнике «Избранных произведений» замечательного азербайджанского поэта.

Собрание книг с автографами писателей, находившееся в личной библиотеке А. А. Фадеева, хранится ныне в отделе редких книг книжных фондов Государственного литературного музея в Москве. В дар музею его передала вдова писателя народная артистка СССР А. О. Степанова. Более шестисот томов насчитывает это уникальное собрание, своеобразная антология советской многонациональной литературы, созвездие славных и дорогих имен.

«Любимому писателю, старшему другу от всего сердца. А. Твардовский». Надпись сделана на книге избранных стихотворений и поэм.

«Александру Александровичу Фадееву — большому писателю и доброму человеку».

А. А. Фадеев

Это автограф Анны Ахматовой на книге «Корейская классическая поэзия», изданной в ее переводах.

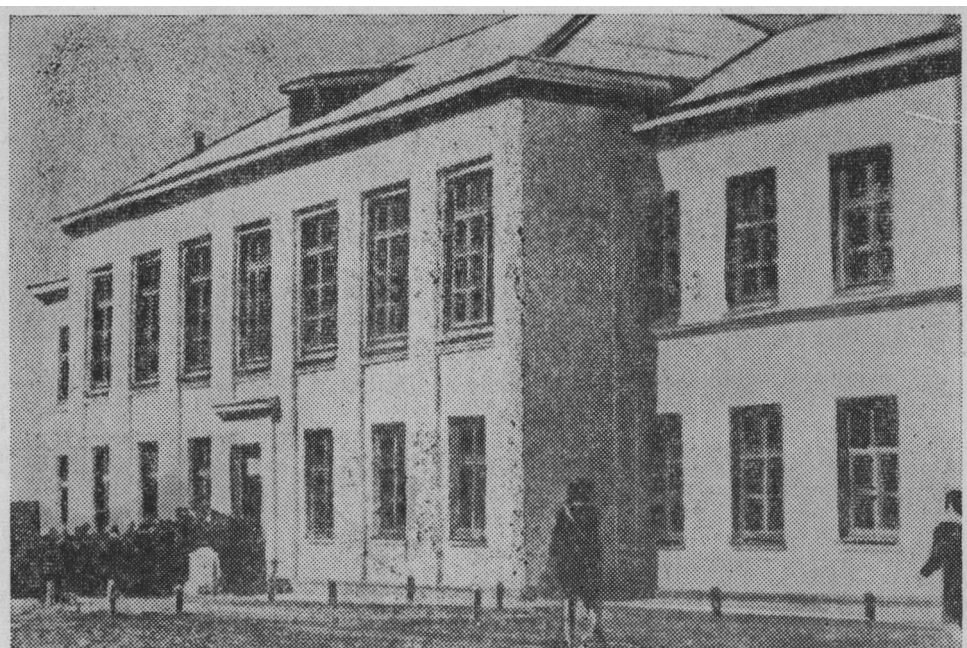
«Дорогой Александр Александрович! Пусть эта маленькая книжка изредка напоминает Вам об авторе, который глубоко уважает и любит Вас, как писателя и человека». Эта надпись поэта Николая Заболоцкого на сборнике «Стихотворения» издания 1948 года.

За каждой надписью, за каждой строкой — неподдельные чувства уважения.

«Художнику с чистой душой и большим человеческим сердцем Александру Александровичу Фадееву с сердечным приветом и глубоким уважением. Б. Полевой» Надпись на книге «Золото».

«Дорогому Александру Александровичу — на память приобщения его к немудрым простым красотам Мещерского

¹ А. Фадеев. Воспоминания современников. М., «Сов. писатель», 1965, с. 74.

Школа имени А. А. Фадеева в Чуговке

края. К. Паустовский». Автограф на книге «Мещерская сторона».

«Александру Александровичу Фадееву — огромному художнику, добрейшему человеку и старому ценителю творческих работ и стремлений». Слова народной артистки СССР Веры Пашенной, подарившей писателю свою книгу «Искусство актрисы».

Шутливая надпись Николая Тихонова на книге «Кочевники»: «Великому вождю удзге Саше Фадееву с любовью смиренный туркмен Н. Тихонов. 1931».

Известный поэт песенник В. И. Лебедев-Кумач выразил свое чувство в стихах:

Когда посеребрят виски седая вьюга, —
Мы все становимся и проще и умней,
И, если в эти дни мы разглядели друга —
Нет дружбы бескорыстней и верней!

Автограф В. И. Лебедева-Кумача остался на книге «Песни» издания 1947 года.

В собрании книг с автографами, подаренных А. А. Фадееву, находятся издания многих зарубежных писателей: А. Зегерс, Ж. Амаду, В. Бределя, И. Бехера, Б. Шоу и других.

«Дорогому Александру Александровичу, другу и учителю, с товарищеским приветом», — с такой надписью прислала А. А. Фадееву свой роман «Сирена» видная чешская писательница Мария Майерова.

«Антология венгерской поэзии», изданная в Москве в 1952 году. На книге автограф известного венгерского писателя А. Гидаша, в 30-х годах побывавшего вместе с А. А. Фадеевым на Дальнем Во-

стоке: «Дорогому Саше плод нашей многолетней работы. С любовью...»

Бережно хранились в библиотеке А. А. Фадеева книги дальневосточников — друзей, товарищей, знакомых.

«Дорогому А. А. Фадееву с глубоким уважением и благодарностью за его книги, которые учат понимать жизнь и бороться». Это автограф Василия Ажаева на романе «Далеко от Москвы».

«Александру Александровичу Фадееву — писателю, человеку, борцу с глубоким уважением от автора. Нагишкин. г. Хабаровск, 27 марта 1950 г.» С такой надписью была подарена А. А. Фадееву книга «Храбрый Азмун».

Николай Задорнов прислал свою книгу «Далекий край» со следующей надписью: «Александру Александровичу Фадееву на память о далеких краях (и вместо отчета)».

Роман Веры Кетлинской «Мужество» — о первых строителях Комсомольска-на-Амуре был получен автором «Разгрома» с таким автографом: «Александру Фадееву с любовью и уважением».

Книга М. Губельмана «Лазо». Автограф автора: «От «Дяди Володи» дорогому Саше «Бульге» — Фадееву на память о славных днях совместной борьбы с интервентами и белогвардейцами за наш родной Дальневосточный край. За социализм».

Интересный автограф оставил на сборнике избранных стихотворений известный поэт Николай Асеев, чья молодость тоже была связана с Дальним Востоком: «Александру Александровичу Фадееву на память о тех временах и тех местах, где —

Уссурийская тайга —
осыпные берега,
горных речек быстрина,
кедров черная стена;
там крадется тенью, тих
уссурийский мощный тигр,
грозноглаз и полозат,
застывая у засад.
Над водой стоит олень,

на свою любуюсь тень,
и блещит в ветвях фазан,
золотист и несказан.

с сердечным чувством Ник. Асеев».

О многом говорят автографы на книгах, подаренных Александру Фадееву. О многом и самом главном — «его любили, любили и будут любить».

Ю. ИВАНОВ.

Музей А. А. Фадеева в Чугуевке

65 лет назад, солнечным сентябрьским днем 1911 года, приехала в глухое таежное село Чугуевку семья Фадеевых. Всего восемь лет прожили в Чугуевке Фадеевы, но до сих пор жители села сохранили глубокое уважение и к родителям и к их сыну — писателю Александру Александровичу Фадееву.

После смерти писателя по инициативе трудящихся Чугуевки, знавших А. А. Фадеева, учителей и учащихся местной школы решено было восстановить домик, в котором жили Фадеевы, собрать экспонаты и открыть здесь мемориальный музей.

Книги, фотографии, вырезки из газет и журналов, воспоминания старожилов были самыми первыми экспонатами музея. Вскоре поступили личные вещи писателя от его жены А. О. Степановой, портрет писателя и собрание его сочинений от Союза художников СССР. Школьники и старики сажали у музея деревья, разбивали клумбы — каждый чугуевец хотел внести свой вклад в общее дело.

4 сентября 1960 года в селе Чугуевке открылся мемориальный Дом-музей А. А. Фадеева.

Нелегко было музею первое время. Работа велась исключительно на энтузиазме чугуевцев. Во все концы страны летели письма, просьбы о помощи, и у молодого музея становилось все больше новых друзей.

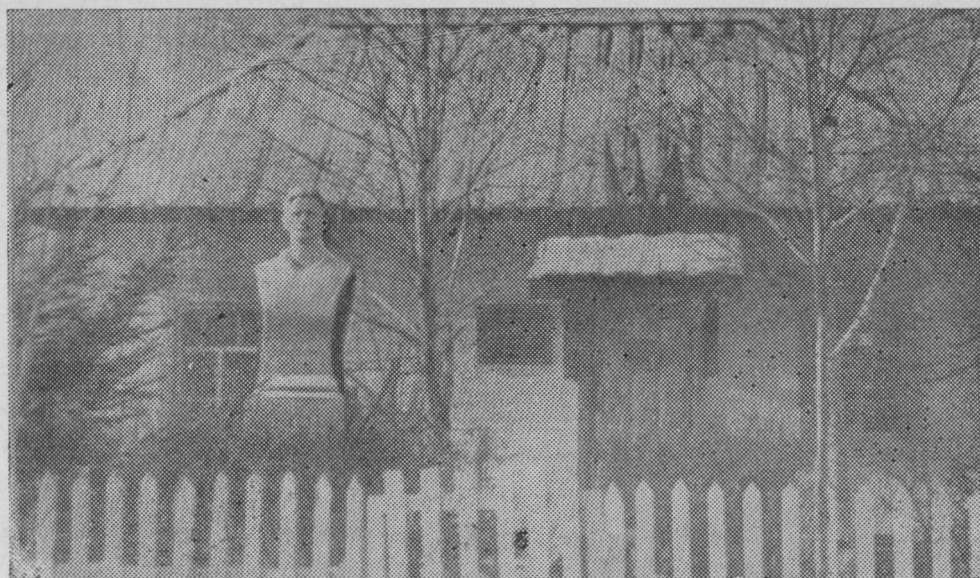
Теперь музею 16 лет. Восемь тысяч посетителей ежегодно осматривают его экспонаты. Едут сюда со всех концов страны: из Владивостока и Москвы, из Хабаровска и с Украины, с Камчатки и из Ленинграда. Помнит домик и многих известных писателей — А. Твардовского, В. Овечкина, К. Симонова, М. Агашину, Е. Евтушенко, писателей Украины, Белоруссии, Дальнего Востока. Более 80 тысяч человек посетило музей за годы его существования.

Перед посетителями часто выступает друг и соратник А. А. Фадеева по больше-

вистскому подполью Тамара Михайловна Головнина. Она почетный член совета музея и его частый гость. В совет содействия дому-музею А. А. Фадеева входят лучшие друзья и помощники музея: сестры писателя — Татьяна Александровна Фадеева, и Вероника Михайловна Сибирцева-Шушарина, актриса Т. Ф. Адельгейм, писатель Б. Л. Беляев, дальневосточные друзья А. А. Фадеева З. И. Секретарева, Т. К. Цивилева, А. Ф. Колесникова, З. П. Станкова, Т. А. Ветров-Марченко, мать комиссара «Молодой гвардии» Е. Н. Кошечая.

Фонды музея насчитывают 1400 экспонатов. Среди них — личные вещи писателя: рубашка, шарф, шляпа, бритвенный прибор, письменные принадлежности. Есть в музее книги, подаренные писателями. Свою фотографию прислал венгерский писатель и друг А. Фадеева Антал Гидаш. Драматурги И. Прут и А. Алексин подарили музею сценарии пьес по романам А. А. Фадеева «Разгром» и «Молодая гвардия».

Герои произведений писателя продолжают жить на сценах театров и в наше время. Всесоюзное театральное общество прислало в музей афиши, программы и фотографии сцен спектаклей по романам Фадеева, поставленным разными театрами страны. Артисты Пражского театра имени И. Волькера прислали сценарий пьесы «Молодая гвардия», программы на чешском языке и фотографии сцен из спектакля, с большим успехом прошедшего в Чехословакии в 1974 году. Большую часть библиотеки дома-музея составили книги А. А. Фадеева на разных языках народов, подаренные Государственной библиотекой имени В. И. Ленина. Тесная дружба связывает музей А. А. Фадеева и Государственный литературный музей, который выделил часть мебели из рабочего кабинета писателя, присылает большое количество фотографий, а недавно — передвижную выставку о жизни и творчестве А. А. Фадеева.

Дом-музей А. А. Фадеева в Чугуевке

В Доме-музее А. А. Фадеева ведется большая и нужная работа по сохранению ценных реликвий. Особенно активизировал музей свою работу в связи с 75-летием со дня рождения писателя. Экскурсии по музею, селу, лекции и беседы в селах Чугуевского района, стационарные и передвижные выставки, вечера, устные журналы, уроки-экскурсии по творчеству А. А. Фадеева — таков круг массовой работы музея.

«Ничто не сравнится с волнением, которое почувствуешь, едва только переступишь порог маленького Дома-музея Фадеева. Прошло столько лет, а тебе все, все кажется издавна знакомым. И вдруг ощущаешь себя живым гостем живого Фадеева. И это удивительное ощущение, прони-

зывая все живое существо, делает тебя счастливым», — так пишет в книге отзывов учительница села Уборки Чугуевского района Е. И. Лазаречнова.

«Прекрасно, что в селе Чугуевке существует этот, пусть небольшой, музей. Спасибо его хранителям, спасибо руководителям района, заботящимся о музее, о сохранении памятных реликвий, напоминающих нам об авторе «Разгрома» и «Молодой гвардии», — эту запись в книге отзывов оставили писатели, участники Дней советской литературы на Дальнем Востоке в 1972 году.

Н. ТУТУШКИНА,
старший научный сотрудник
музея.

НОВАЯ НАХОДКА

В центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС обнаружен документ, относящийся к деятельности А. А. Фадеева в период гражданской войны на Дальнем Востоке. Это доклад Спасского комитета РКП (б) от 3 августа 1920 года за подписью его председателя А. О. Розен-Паспарне и члена комитета А. Булыги (А. Фадеева).

В докладе Спасского комитета РКП (б), за апрель — начало августа 1920 года в Приморский обком РКП (б) сообщалось:

«До 4—5 апреля 1920 года в селах Спасского района работа не велась. После японского выступления коммунисты ушли с отступившими войсками. После заключения мирного соглашения с японцами председатель Спасского комитета связался с Владивостоком. Японцы и белогвардейцы в Спасске убили до 30 чел. Так, например, в последних числах июля было снято с поезда и сожжено в паровозной топке, неизвестных два человека.

Спасский комитет начал работу в двух направлениях. С одной стороны, борьба с бочкаревыми и японскими шпионами и работа среди населения, с другой. Комитет создал нечто вроде летучего отряда для борьбы с контрреволюцией. Спасская милиция засорена, в ней орудовали бочкаревы. Пом. нач. милиции калмыковец.

В Спасском районе до 120 членов партии, ведущих работу в деревнях. Партийный комитет находился на нелегальном положении. Комитет решено перевести в дер. Яковлевку.

Состав Спасского комитета Председатель Паспарне-Филька, секретарь С. Пищелка и член А. Булыга. В Спасске 30—40 коммунистов»¹.

В этом документе дается краткая характеристика обстановки, создавшейся в Приморье в 1920 году и приводятся сведения о численности и деятельности партийной организации Спасского района. Публикуемый документ свидетельствует также о том, что А. Фадеев, будучи двадцатилетним коммунистом, принимал активное участие в работе Спасского комитета РКП (б).

Дальний Восток сыграл огромную роль в жизни широко известного советского писателя А. А. Фадеева. На Дальнем Во-

стоке прошли его детство и юность, здесь же он получил революционное и боевое крещение.

В первые месяцы Советской власти А. Фадеев входил в группу революционно настроенных учащихся Владивостокского коммерческого училища, которая называлась «Соколята» и находилась под большевистским влиянием.

Большое воздействие на мировоззрение А. Фадеева оказали его двоюродные братья коммунисты Всеволод и Игорь Сибирцевы. Во Владивостоке в семье Сибирцевых, у сестры своей матери А. Фадеев прожил несколько лет. Позднее он об этом говорил: «Как большевик я воспитан в этой семье, не в меньшей степени, чем в собственной семье»¹.

В 1918 году, после оккупации Дальнего Востока интервентами и установления белогвардейской власти, А. Фадеев активно участвовал в работе рабочего Красного Креста и в распространении большевистских листовок во Владивостоке.

В сентябре 1918 года А. Фадеев, в возрасте около семнадцати лет, вступил в ряды большевистской партии и после выполнял ряд ответственных партийных заданий. Владивостокского и Дальневосточного областного подпольного комитета РКП (б). А. Булыга — стала подпольной партийной кличкой А. Фадеева.

Он был связным Сергея Лазо, который в 1919—1920 годах являлся членом Дальневосточного областного комитета РКП (б).

В мае 1919 года А. Фадеев с группой коммунистов был направлен в Сучанский район Приморской области для проведения политической работы среди партизан и крестьян.

А. Фадеев был партизаном отряда И. Певзнера (ставшего прообразом Левинсона в романе «Разгром»). С этим отрядом Фадеев прошел героический и тяжелый боевой путь, описанный в романе «Разгром».

Жизненный опыт периода борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке составил основу многих произведений А. Фадеева.

В январе 1920 года колчаковская власть в Приморье была свергнута. 26 января

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 372, ед. хр. 312, л. 51—52.

¹ А. Фадеев. Воспоминания современников. М., 1966, с. 52.

1920 года отряд И. Певзнера вошел в город Спасск. В Приморье под руководством С. Лазо из партизанских отрядов и бывших партизан стала создаваться революционная армия. Но обстановка на Дальнем Востоке была напряженной. С согласия Антанты в Приморье продолжали оставаться войска японских интервентов.

4—5 апреля 1920 года они вероломно и внезапно напали на революционные части в городах Приморья. Погибло несколько тысяч человек, главным образом мирных жителей. В эти дни были захвачены и сожжены в паровозной топке члены военного совета Приморья коммунисты — Сергей Лазо, Всеволод Сибирцев и Алексей Луцкий. В бою с японцами в Спасске был ранен Александр Фадеев.

Революционные части Приморья были вынуждены покинуть города Приморья — Владивосток, Сучан, Никольск-Уссурийский, Спасск, Иман и Хабаровск (входивший в то время в Приморскую область). Японские интервенты 29 апреля 1920 года навязали Временному Приморскому Правительству кабальное соглашение, по

которому по обе стороны Уссурийской железной дороги и Сучанской железнодорожной ветки устанавливалась 30-верстная «нейтральная зона», где не могли находиться революционные войска Приморья. Эту «нейтральную зону» японские интервенты позднее использовали для борьбы против Дальневосточной республики.

Осенью 1920 года А. А. Фадеев, И. М. Сибирцев и Т. М. Головинина были командированы Приморским обкомом РКП (б) в Амурскую область.

А. Фадеев стал одним из организаторов комсомола в Амурской области, а затем был направлен на политработу в Народно-революционную армию ДВР. А. Фадеев исполнял должность военкома 8-й бригады 3-й Амурской стрелковой дивизии. В феврале 1921 года на II конференции военкомов, политработников и коммунистических ячеек НРА А. А. Фадеев был избран делегатом на X съезд РКП (б). Будучи делегатом X съезда партии, А. А. Фадеев участвовал в подавлении Кронштадского мятежа.

А. ШУРЫГИН.

ЭКСПЕДИЦИЯ В ГЛУБЬ ВЕКОВ

Одна эпоха приходит на смену другой. Разрушаются старые и возникают новые государства. Умирают народности, рождаются иные. Но нить истории не прерывается. Порой трудно ее проследить. Слишком глубока пропасть веков. Слишком молода наука о древностях — археология. Человек не из праздного любопытства всматривается в прошлое, не зря создал он науку археологию. Ведь археология «...заставляет говорить камень и позволяет говорить на расстоянии веков... В этой переключке веков человек глубже и полнее познает себя, свое происхождение и развитие» — пишет Михаил Матюшин в своей новой книге¹.

Герои М. Матюшина совсем немного рассуждают о пользе археологии. Повесть написана в приключенческом жанре. А в нем присутствуют вымысел, яркая фантазия автора. Две картины истории, воссозданные художником, два слоя времени: один далекий, склеенный из фантастических черепков прошлого, другой близкий, понятный, но тоже ставший историей: страница жизни мифической страны Ангунии и годы становления Советской власти на Дальнем Востоке.

Силой своего воображения писатель создает государство. В нем живут люди. Они борются, любят, ненавидят. Этим они похожи на людей всех времен, всех народов. Может быть, они похожи и на тех, кто жили на самом деле в VIII—X веках на территории Приморского края. Раскопки показали, что именно там, именно тогда существовало раннее феодальное государство Бохай.

М. Матюшин оттолкнулся от реального факта, но не будем думать, что его задачей было фактически точно регистрировать события дней давно минувших. Он отбрасывает временные рамки в поисках свободы эстетического и этического познания.

Писатель долго готовится к экспедиции в глубь веков. Он уже открыл свою страну Ангунию в романе «Загадка амулета», в повести «Сокровища ангуонов». Тогда были отрывочные упоминания о ней, обрывки легенд. Но уже тогда открылся на нее перспективный вид.

Время, которое было близка приморскому писателю, тема, которую он разрабатывал не один год, сам материал повести «Сокровища ангуонов», использованный писателем в «Очаге свободных» стали его платформой. С нее он и отправился в прошлое.

Грозное время гражданской войны, тема становления Советской власти. Ощущение глобальности исторических перемен дается через переживания подростка. Это сын ученого-археолога Клим Арканов. Знаменательно и его окружение. Многозначительна тишина музея, где живут отец и сын. На ее фоне слышнее раскаты взрыва — это взлетают склады с оружием белых — острее чувствуется ветер Октября. Ведь нити истории держит в руках отец Клим: не только потому, что он археолог и разгадывает рукописи древних ангуонов, а потому, что он большевик.

Клим, несмотря на свой возраст, на всю запутанность водоворота событий, понимает, что интервенты доживают в городе последние дни. Помогают ему понять это его отец, не по годам взрослый друг Коська, портовый рабочий Семен и все то, что с ним произошло.

Подростки у Матюшина под стать взрослым. Они болеют душой за судьбу революции, стараются внести свою лепту в борьбу против оккупантов. Автор не погрешил против художественной правды, изобразив их такими серьезными и деловитыми. Время не делало больших скидок на возраст, да и дети у Михаила Матюшина остаются детьми. Они почитают за счастье прокатиться верхом и оказаться в открытом море на настоящем, пусть небольшом пароходике. Как и многие мальчишки, они мечтают найти клад, стать обладателями сказочных богатств.

Вокруг сокровищ легендарной страны Ангунии завязывается интрига. Для автора такие разработки сюжета не новы. Читатели, знакомые с романом «Загадка амулета», помнят полковника Бекасова, нашедшего несметные богатства в пещере, укрытой в дебрях тайги. Надо заметить, интрига с поиском сокровищ не нова в литературе. Многие образцы старой приключенческой прозы замешаны именно на ней. Тем не менее автору удастся выстроить оригинальную, очень динамичную сюжетную линию.

Заполучить сказочные богатства мечтают не только мальчишки. Захороненными

¹ М. М а т ю ш и н. Очаг свободных. Повесть. Владивосток, Дальневост. кн. изд., 1975.

сокровищами всерьез заинтересовался белый офицер Гамлер, довольно умный и коварный враг революции. Он тоже понимает, что интервентов ожидает крах и делает ставку на обогащение. Преследуя призрачную цель, отряд карателей плывет по морю, пробирается таежными тропами. Но мы знаем: сокровище не достанутся Гамлеру — отряд ведет большевик подпольщик Арканов. И действительно, отряд оказывается в засаде партизан. Действие спрессовано, события стремительны.

Сокровище у М. Матюшина служат поводом для начала экспедиции в глубь веков.

Некоторых может смутить тот факт, что писатель почти без изменения перенес рассказ Клим из повести «Сокровища ангуонов» в повесть «Очаг свободных». Развив новую сюжетную линию и дав повести новое название, М. Матюшин дал жизнь новому художественному произведению.

В литературе было немало примеров, когда художник, найдя тему, конкретное ее воплощение, возвращается к своему опыту, развивает образы, в которых спрессована скрытая сила.

В ранее написанных вещах М. Матюшин очерчивает лишь контур вымышленной страны. В «Очаге свободных» она, вновь оплодотворенная фантазией автора, получает живую плоть и силу. Нашим гидом становится ученый Арканов. О древних предках лесных людей он рассказывает сыну. Одна легенда нанизывается на другую. Но постепенно уходят на задний план рассказчик и слушатель, тем самым писатель дает понять, что слушающей аудиторией становится сам читатель. Главы «Детство Лаилы», «Девушка в шлеме», «Погасший светильник» и другие, вклиниваясь в повествование о бурных днях гражданской войны образуют новую сюжетную линию. И вот рядом с более или менее знакомым миром, где все расцвечено известными, проверенными красками, возникает странный причудливо-фантастический мир. Лишь кратко сообщив, какие в стране дома, улицы, как построена столица, писатель все свое внимание сосредоточивает на людях. Представляет страну, как бы передает эстафету веков древний летописец Легар. В Ангуонии жили свободные люди. Они отражали набеги врагов, занимались охотой, рыболовством. Но вот в образе полночного монаха Дагомара пришла в страну беда. Дагомар и клан, который он представлял, неправдой проникли в верховный аппарат власти ангуонов, и начались насилия и притеснения людей, привыкших жить свободно. Для непокорных были придуманы тюрьмы.

Приключения летописца Легара, не захотевшего быть орудием в руках кармелинов, история его сына Кулара, любовь к нему прекрасной девушки Лаилы, рассказ о молодом кузнеце Юнге, с одной стороны, козни Дагомара и его свиты, с другой стороны, обнаруживают два полусных свода морали, которые существовали всегда в

классовом обществе и вели между собой непримиримую борьбу.

Если сопоставить два разных слоя времени, представленных в одной повести, то окажется, что они лежат в одной плоскости мышления автора. Во все времена, во все эпохи существовали добро и зло, из века в век идет между ними непримиримая борьба. Надо ли говорить, что справедливость всегда была на стороне угнетенных.

Дагомар и Гамлер — люди разных цивилизаций — становятся писателем по одну сторону баррикады, так же, как Арканов и Легар — по другую ее сторону. Писатель находит общее, что соединяет нить времени. Ничто не исчезает бесследно. Дела предков остаются в памяти поколений, в крови народов, живущих через века. Если хотите знать, и в сокровищах ангуонов. Ведь мечтали их найти Клим и Коська для того, чтобы передать в дар молодой Советской республике. Созданные руками древних тружеников, они стали бы реальной помощью революции. Сокровища — по Матюшину — это не только золотые идола, которые хранятся где-то в древней приморской земле. «Сокровища, — говорит отец Клим, — это счастье поколений». Чтобы эти «сокровища» достались народу, боролись и он сам, Легар, Кулар...

Впрочем, выявить всех рыцарей добра мешает имеющая место неточность моральных характеристик героев, и кое-где несогласованность сюжетных ходов. Кулар в первых рядах бьется против кармелинов за свободную Ангуонию. Но про него как бы между прочим сообщается: «Царь Кулар самый богатый человек, человек, который мог купить мир». «Богатый» здесь в самом прямом значении слова. В повести «Очаг свободных» не рассказывается, кто победил в войне между ангуонами и кармелинами. Можно подумать сторона Кулара, раз о нем говорится как о царе. Но опять-таки как бы вскользь упоминается, что править будет «свиный Керун, достойный приемник лживого Дагомара». О достоинствах этого Керуна сказано достаточно ясно, но где-то к его имени будет приставлен эпитет, который явно противоречит такой характеристике: «прославленный Керун». Вот такие противоречия не могли не сказаться на результатах «экспедиции в глубь веков». Ее моральный итог оказывался не всегда прозрачным.

Можно найти десятки параллелей нравам сказочной страны в современности. И это понятно: любая, самая неожиданная фантазия произрастает на реально существующей почве. Мы пробовали проводить параллели в двух сюжетных линиях, и это удалось. Нельзя сказать, что они искусственно склеены, сведены под один заголовок повести. Есть перекличка времен, есть взаимопроникновение двух разнородных материалов, есть, наконец, общие для двух слоев повествования рамки пространства: тайга, по всем приметам Уссурийская, поселение Ада-Сололи, на месте которого воз-

никала потом Старожиловка, столица древнего государства Ведана, на месте ее Тройчинск, прототипом которого, по-видимому, был Владивосток. Тот вариант повести «Сокровища ангуонов», который получил читатель в 1964 году потребовал более глубокой разработки темы. Писатель пошел по пути, часть которого была уже проделана. Но не только новый строительный материал требовался для новой повести, требовалось, вероятно, переосмысление старого, но автор не рискнул пойти на такой шаг. При всей занимательности и динамичности «бывшей в употреблении сюжетной пружины» в ней можно найти несколько неразработанных узлов, где события прячутся за туманные переживания героев. Наивной и неразработанной кажется та ситуация, где Гамлер подобно героям О. Генри, пытается выкрасть Клим, затем, чтобы шантажировать ученого. Арканов бросается в волны бушующего моря плывет за катером...

Туманна и скоротечна развязка. Разбиваются очки у Гамлера. Это Клим пускает меткую стрелу. Посрамленный белый офицер хватается за кабуру пистолета и... «Будто шмель ужалил меня в плечо, замелькал перед глазами слюдяными крыльшками, плюхнулся мне на голову, придал огромный мохнатым мешком. Потом закачалась ветла, закачались большие зеленые ветви», — так описывает переживания Клим автор в ответственный, заключительный момент повести. Как бы запыхавшись от быстрого бега повествования, он сообщает затем, что умер... нет не Клим, хотя именно в него угодила пуля, умер за народное счастье Арканов.

Приключенческая проза, как правило, имеет очень развитую событийную часть сюжета. Хорошо, конечно, когда событие подкрепляется психологией. Идеальный вариант: хорошо развитые событийная и психологическая стороны сюжета. В большей части повести М. Матюшину удастся создать именно такое счастливое сочетание. Но там, где фантазии автора не достало на события, слабыми оказались подстраховки психологии.

При всей выразительности каждой из сюжетных линий заключительные их аккорды прозвучали смазанно. Концы их не пересеклись. Осталась некоторая недоговоренность, недосказанность. На это можно возразить: недоговоренность, недосказанность — свойство присущее литературе. Однако приключенческая литература совершенно особый жанр, он держится на событиях. Там, где исчезают события, прерывается повествование.

Писатель поставил точку. Книга вышла в свет. Волею автора герои живут в сознании читателя. И сам писатель не расстается с ними. Кто знает, не поведут ли они его воображение по новым тропам.

Ю. БРИЛЬ.

„ОН ГОВОРИЛ ОТ ИМЕНИ РОССИИ“

Так называется одна из глав поэмы «Ерофей Павлович»¹ Николая Глазкова, вошедший в сборник «Вокзал», которой он предпослал следующий эпиграф: «Некоторые историки склонны отождествлять русских землепроходцев с испанскими конкистадорами. Сходство у землепроходцев с конкистадорами только одно: и те, и те открывали и покоряли новые земли. Историки, судящие по одному этому внешнему признаку, не замечают существенного социального различия. Испанские конкистадоры — в основном выходцы из дворянства, умеющие сражаться, но не умеющие трудиться, идущие на край света ради легкого обогащения.

Русские землепроходцы — выходцы из народа. Исключение — Поярков. На край света они бегут от крепостного права ради вольной жизни. И при первой возможности землепроходцы вспахивают землю, стараются умножить свой достаток за счет своего труда. Таким землепроходцем был и Ерофей Павлович Хабаров».

Раскроем авторскую «тайну»: в качестве эпиграфа поэт использовал отрывок из своей рецензии на роман Даниила Романенко «Ерофей Хабаров», с которой он выступил на заседании Московского филиала Географического общества СССР 7 мая 1970 года.

Ставя Ерофея Хабарова в один ряд с Ермаком, начавшим освоение Сибири, и Семеном Дежневым, открывшим пролив между Азией и Америкой, проложившим путь из Ледовитого океана в Тихий, Д. Романенко в предисловии к роману писал: «Это были люди недюжинного ума, неудержимых желаний, не останавливающиеся ни перед негостеприимной и суровой природой, ни перед многими неизвестными опасностями и лишениями. Они были патриотами и горячо любили Россию, Родину». Справедливые слова!

Однако требовательный рецензент усмотрел в романе «странную тенденциозность», с которой подошел писатель к образу первооткрывателя. По мнению Н. Глазкова, «Романенко словно задался целью очернить землепроходца Ерофея Павловича Хабарова. С удивительной последовательностью и настойчивостью делает он образ Ерофея Хабарова крайне непривлекательным». Решительно отвергая мелкую завистливость и злобность, которыми щедро наградил романист русского землепроходца, рецензент утверждает: «На деле Ерофей Хабаров потому и одерживал победы, что был расчетливым и талантливым военачальником и пользовался среди казаков заслуженным авторитетом». И надо ли удивляться, читая в поэме Н. Глазкова лишённые дипломатичности строки:

¹ Н. Глазков. Вокзал. Стихотворения, поэма. М., «Сов. писатель», 1976.

Вдруг объявили Ерофея
Они конквистадором.
Мне остается, не робея,
Поспорить с этим вздором.
Хабаров был землепроходцем —
Не землепроходимцем,
Умел за Родину бороться,
Умел он и трудиться.
Оружьем рыцарским владея,
Труд не считал позором —
Не следует нам Ерофея
Считать конквистадором!

Именно трудолюбивым хлебопашцем и отважным воином предстает Ерофей Хабаров в поэме. Вот он обращается к казакам:

«Нельзя хвататься за оружие,
Позабывая труд и хлеб!
На Иртыше и Енисее
Навек засели наши братцы.
А почему навек засели?
Да потому, что хлебопашцы!»

Создавая образ первопроходца и патриота, поэт с полным основанием утверждает: «От имени своей России Он на Амуре говорил!»

В новом произведении Н. Глазкова дана, так сказать, поэтическая версия Амурского похода Хабарова, который начался летом 1651 года. В поэме действуют исторические фигуры — Поярков, Францбеков, Головин, Зиновьев, даурский князь Лавкай. Автор оперирует различными деталями биографии Хабарова, начиная от устройства солеварен на Лене и кончая его опалой по навету воеводы Зиновьева. Поэт изложил давно ставшие хрестоматийными в исторической литературе строки из донесения землепроходца о богатствах Амурской земли:

Писал Хабаров в град Москву ли,
Якутскому ли воеводе:
«А в той великой реке Амуре
Рыбы много против Волги.
А в градах и улусах луги
И пашни тоже, слава богу.
А леса темные, большие,
Соболя и всякого зверя много.
А в земле золото и серебро имеется».
Писал Хабаров Ерофей,
Расписывал свои владения,
Маня промышленных людей.

Имитируя язык того времени, автор поэмы иногда делает, казалось бы, невозможные сопоставления с лексикой наших дней. Впрочем, для тех, кто знаком со своеобразной поэтической манерой Н. Глазкова, с его склонностью к иронии, не удивительно будет встретить такие, например, строки: «Приказ Сибирский вроде министерства, Но только без машинного бюро...»

Или:

В наш век найти довольно просто
Необходимых пару слов:

Был... дезертиром производства
Тот самый Костык Иванова.
Поговорили б с этим Костыкой,
Будь он на стройке наших лет:
— Да уходи и комсомольский
На стол положишь свой билет!
Ну, а тогда воскликнул Костык:
— Айда, братва, свершим побег!
И из Хабаровского войска
Ушли сто тридцать человек!

Речь здесь идет о трагическом для Хабарова моменте его экспедиции, когда отряд покинули заговорщики во главе со Степаном Поляковым, Костыкой Ивановым и Логином Васильевым.

Воспевая высокую историческую миссию Хабарова, поэт в то же время находит впечатляющие краски для характеристики маньчжурских завоевателей:

Шагают, земли покоряя, маньчжуры,
Идут, противников карая, маньчжуры,
Большая сила такая маньчжуры,
Завоеватели Китая маньчжуры!
Чтут огнестрельную науку маньчжуры,
Сметаю древнюю культуру маньчжуры.
Шагают к западу и югу маньчжуры,
Идут и к берегам Амура маньчжуры.

Нельзя однако не возразить автору поэмы по поводу того, что в ней он всячески стремится противопоставить Хабарова другому первооткрывателю — Василию Пояркову. А ведь сегодня мы справедливо ставим имя Пояркова в один ряд с именами выдающихся путешественников. Хотя именно Якутскому «письменному голове» во многом обязан Хабаров, начиная свой поход. К тому же и сам Н. Глазков пишет: «Поярков вдохновил — Хабаров Отважных кличет казаков». Даже зная особенности поэтического письма Глазкова, трудно принять всерьез и такую характеристику Ерофея Павловича: «Как золотая осень, светел Его моральный облик!»

Наверное, перечень не самых удачных строчек можно и увеличить. Но не они, как говорится, делают погоду. Новая поэма Н. Глазкова — достойная дань памяти замечательного русского первопроходца, чье имя носят край и его главный город, железнодорожная станция Транссибирской магистрали и теплоходы, бороздящие волны Тихого океана и Амура. И вспоминается символический эпизод из поэмы — соратник Хабарова якут Бэргэн Мэник рассказывает Ерофею Павловичу:

«Такой мне сон приснился вдруг,
Идет по Лене струг — не струг,
И без гребцов, без парусов
Идет и вертит колесо.
И дом — не дом на струге том,
А из трубы выходит дым.
И в этом дыме твое имя
Сияет буквами большими.
И славен ты для всех времен!»

С чувством благодарности автору мы

знакомимся с его поэмой, утверждающей, что «Славный подвиг Ерофея Не забудется века!»

Е. ГОЛОВКИН.

■ ■ ■

ПЕСНИ ТУНДРЫ

Что вы знаете о долганах — маленькой народности, живущей среди лесов и тундры Таймыра? Верно, то немногое, что появилось за последние год-другой на страницах газет и журналов. Например, что предки долган пришли туда много веков назад с берегов Лены и Оленёка и, смешавшись с якутами, эвенками и русскими промышленными людьми, составили ядро будущей народности. Что язык долган представляет собой как бы диалект якутского языка, а их хозяйственный уклад ближе к эвенкийскому...

Люди, побывавшие в их стойбищах, отмечают исключительную вежливость долган, восхищаются их гостеприимством: перед уважаемым человеком долганы поставят на стол лучшие угощения. А еще говорят, что долганы очень горды. Любят петь и с увлечением играют на баргане, крошечном инструменте, приложенном к зубам, — колебания стальной пружинки издают звуки, которые являются как бы продолжением голоса.

Чем же следует объяснять скудность наших познаний об этих потомственных охотниках, рыбаках и оленеводах? Прежде всего тем, что долганы, как и другие малые народы Севера, не имели прежде письменности, а значит, не могли поведать о себе сами. Их литература рождается буквально на наших глазах. Книга, о которой пойдет здесь речь¹, — по сути, первая книга, написанная на долганском языке. Она-то и вводит нас в новый, прежде незнакомый мир, дает представление о душе долганского народа.

Поэзия Огдо Аксеновой берет свое начало из устного народного творчества. Некоторые ее стихи — это переработанные сказки и легенды, услышанные от соплеменников в пору, когда поэтесса работала в красных чумах, на факториях Попигай, Жданиха, Катырык и Новорыбное. В других отчетливо просматриваются песенные конструкции:

К низкому небу на зимней заре
Тянется пар из оленьих ноздрей.
Хэй, хэй, хэй-хэй!
Четко копыта по насту звенят,
Мчат, как на крыльях, олени меня.
Хэй, хэй, хэй-хэй!

Нету на карте моей сундуков,
Там я не прячу сокровища слов.
Хэй, хэй, хэй-хэй!..

(«Песня оленевода»)

Поэтический голос Огдо Аксеновой не громок, пока она менее известна, чем, скажем, ненец Леонид Лапцуй. Но и Аксенова уже обрела своего читателя, который не может оставаться равнодушным к стихам поэтессы.

Я лежу на горе,
И трава подо мной,
Как роскошный толбон,
И тепла, и мягка.
Прижимаясь к щекам,
Что-то шепчут цветы,
Их, согретье солнцем,
Нежны лепестки.
Звуки, шорохи, тишь
Собирает мой слух,
Вместе с ними в меня
Входят думы земли.
Песням тундры родной
Я слагаю ответ,
Радость отчей земли
Принимая, как дар.

(«Я лежу на горе»)

Следует заметить, что природа в стихах Огдо Аксеновой всегда живая и активная. Даже скованная вечным холодом земля — в ее представлении живое и доброе существо. И вообще в уравновешенной и несколько сдержанной поэзии Огдо Аксеновой ощущается благоговейнейшая радость жизни, преобладают светлые тона, взятые опять-таки с палитры народного творчества. Возможно, кому-то колорит ее стихов покажется примитивным, но такое представление, на наш взгляд, обманчиво. В образах Огдо Аксеновой есть и вещьность, и живые краски. «Шерсть лохматых ветров», — пишет она в одном случае. «Небо, как в шкурах, в густых облаках», — в другом...

Нетрудно понять, что первичным элементом ее образности стал национальный характер: на все поэтесса смотрит глазами уроженки тундры.

Когда зубы мои были снега белей
И брусники алей были губы мои,
В травянистых истоках полярных ручьев
Пас стада я.
Годовалых телят непослушный табун
Был послушен пастушеской воле моей,
Когда вспугивал их, собирая опять
Над ручьями.
Как олень, я бродил по студеной воде,
Потому что был тонок подтаивший лед.
Это все я узнал, охраняя стада...

(«Вновь я в тундре...»)

Национальная основа очевидна не только в образной структуре стихов Огдо Аксеновой, — национальным характером определен и их интонационный строй. Временами стихи поэтессы напоминают «про-

¹ О. Аксенова. Бараксан. Красноярск, Кн. изд., 1973.

тяжные» песни, какие поет каюр, когда долгими часами катит по безбрежной тундре, а то вдруг ее строчки обретают размашистость, пульс их как бы наполняется до предела, ритмика становится жестче:

Парка с ярким шитьем
На девичьих плечах.
Брызжет бисер огнем —
Вышла солнце встречать
Долганская девушка.
Шерсть пороши белей
В стаде у вожака.
Маут ловко набросит
Ему на рога
Долганская девушка...

(*"Долганская девушка"*)

И еще одна особенность налицо: каждое стихотворение Огдо Аксеновой — это какая-то деталь общей судьбы долган, зримая примета их самобытности.

А не ограничивается ли поэтесса «крохотностью» милого ее сердцу Таймыра, скудной данностью тундрового быта? Ведь поэзии последних лет свойственны галактическая бездна тем, глобальность мироощущения... Полагаем, что нет, не ограничивается. Судьба долган открыла Огдо Аксеновой путь для творческого самоопределения, трудная и прекрасная, как сама жизнь, северная земля стала неиссякаемым источником вдохновения, потому-то поэтесса так страстно воспекает все это. Что же касается скудной данности тундрового быта то и в нем она находит многообразие жизни, представляя перед нами то публицистом, то проливая на нас интимное откровение:

Кто ты есть? Почему ты такая? Скажи!
Потому что я с правдой иду против лжи,
Потому что верней, чем оленье чижи,
Дружба греет меня, если вдруг запуржит.
Как и ты, каждый день на работу хожу,
Как ребенка, стихи я под сердцем ношу,
Я долганскими песнями сладко дышу,
Понимаю душой речки Хатанги шум.
С буквы Д начинается имя долган,
Дорожу каждым звуком, что тундрой

мне дан.

Я ловлю их, как ловит оленя аркан,
Я люблю их, как музыку любит барган.

(*«Кто я есть»*)

Огдо Аксенова не встает на цыпочки, чтобы казаться выше, чем есть на самом деле, не стремится сказать больше, чем может. Она такова, какова есть. И в этой естественности главное достоинство ее поэзии.

Хочется поблагодарить и переводчика — норильского поэта Валерия Кравцова, сумевшего в общем-то передать дух оригинала, не нарушая внутренней структуры стиха Огдо Аксеновой.

ВЕЛИКИЕ ВЕРСТЫ

В предисловии к этой книге¹ известный советский писатель Георгий Марков пишет: «Сборник «Великие версты» можно воспринять как одну из первых попыток художественно осмыслить трудовой подвиг советской молодежи, работающей на «магистрале века» — Байкало-Амурской магистрали».

С этим нельзя не согласиться. Все пять повестей, представленных в сборнике и написанных людьми разной писательской судьбы и разного уровня литературного дарования, — несомненно, новый шаг в творческом «освоении» БАМа.

Начиналось когда-то с простого — с путевых заметок, создаваемых на ходу. Времени для раздумий у их авторов не оставалось, читатель настойчиво требовал новой и новой информации. Да и сам ритм возобновившейся в 1974 году стройки, начатой еще в 30-х годах, но затем временно утихшей и пробудившейся шумно и сразу на всем своем трехтысячекилометровом протяжении, невольно диктовал форму подачи материала: документальный репортаж.

Потом, чуть позднее, пошли очерки. Разные. Очерки-портреты, очерки проблемные, очерки о первых километрах проложенного пути. Но уже тогда среди тех, кто с пером и блокнотом в руках ходил по тропам пролагавшейся трассы, были и такие, кто искал и находил среди людей БАМа прообразы героев своих будущих художественных произведений.

Мне довелось быть у истоков создания этой книги. Мысль о ее выпуске зародилась летом 1974 года на совещании молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, проходившем в Иркутске. Прошло неполных два года, и вот в руках читателя сборник повестей. Четыре из них написаны писателями Дальнего Востока.

Сборник открывается художественно-документальным повествованием (в подзаголовке значится «Из записок изыскателя») Александра Побожего «Путь к океану», и в этом есть что-то большое, уважительное к нелегкому труду изыскателей железнодорожных трасс.

Александр Алексеевич Побожий ветеран стройки, инженер, начальник экспедиции Мосгипротранса на трассе Тынды—Нора и писатель. Он один из тех, кто еще в начале тридцатых годов начинал изыскательские работы на БАМе. Ему одному из первых пришлось узнать о невероятной сложности будущего магистрального сооружения. «Ведь если окинуть с высоты взглядом все пространство северных районов Восточной Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, — пишет он, — мы увидели бы громаду гор Байкальского и

С. ЛИВШИЦ.

¹ Великие версты. Повести. М., «Мол. гвардия», 1976.

Северо-Муйского хребтов, покрытых осыпями разрушенных скал, а дальше на восток — хребет Кадар, а еще дальше — более плавный рельеф Яблонового и Станового хребтов и хребет Дуссе-Алинь. Всюду тайга и тайга. Только на самом востоке, в долинах рек и на пологих склонах, разбросаны пятна морей, скованная вечной мерзлотой земля, прикрытая мхом... Даже Транссибирская дорога проложена там, где меньше вечной мерзлоты и мягче климат».

«Путь к океану» — это живой, интересный рассказ о том, как в тяжелейших условиях Великой Отечественной войны группой смелых изыскателей исследовалась железнодорожная трасса на Дальнем Востоке от города Комсомольска-на-Амуре до нынешнего порта Ванино. По ней еще тогда, тридцать лет назад, была проложена стальная магистраль и пошли поезда. Это самый восточный участок БАМа.

Если не считать «прозаических» отступлений автора, необходимых для понимания существа и сложности изыскательского дела, повествование А. Побожего посвящено людям, их смелости, мужеству и находчивости. Ведь как это невероятно трудно в таежной глухомани, среди высоченных гор, петляющих рек и топких болот отыскать единственно-возможную ниточку пути для будущих локомотивов. Картины труда и природы у него как бы сливаются воедино, и у читателя создается впечатление грандиозности и романтичности труда изыскателя. Просто и вместе с тем образно автор умеет рассказать и о «прижимах» на реках, и о переправах с вьючными лошадьми по быстрой воде, и думах людей у костра, их дневных заботах и той тонкой шутке в человеческой психике, которая именуется «инженерной интуицией». Скупое, но выразительно нарисованы образы начальника строительства Гвоздевского, проводника ороча Тараса, да и сам автор, от лица которого ведется рассказ, предстает человеком волевым, хорошо знающим свое дело, опытным воспитателем коллектива.

Мостком, переброшенным из прошлого в настоящее, служит заключительная часть «Пути к океану». Здесь автор показывает уже сегодняшний день изыскателей, прокладывающих пути по средней части великой трассы, рассказывает о том, как технически оснастился труд людей в таежных местах и как это помогает им в осуществлении намеченных планов.

Из других, подчеркнем, чисто «художественных» повестей хотелось бы выделить повесть Бориса Машука «Другие, Лютов и километры». Для ее героев линия будущей трассы уже проложена на карте, и они просто строят ее: делают насыпь, укладывают рельсы. Это уже не блуждания по тайге, это работа, отмеченная строгими координатами, вычисленная кубометрами грунта и звеньями рельсов. И, оказывается, совсем не просто «давать план» по графику.

В вагончике для бригад монтеров-укладчиков пути плакат: «Ты не забыл, что 7 ноября должен быть на 103-м километре?» С другого листа косыми буквами молнии сообщалось: «Рекорд укладки — 1600 метров за смену. Можно ли больше?» Об этом хорошо знает бригада монтеров Бурьянова, которой в эту предпраздничную морозную ночь дано задание довести рельсовый путь до 103-го километра. Справятся ли люди? Ведь никогда еще не бывало такого большого задания — проложить за смену две тысячи сто метров.

«Справятся, — зная людей, озабоченно думает Лютов, начальник строительного поезда, — бесперебойно бы подавались звенья рельсов на путеукладчик. А вертушки со звеньями где-то застряли... Что-то стряслось там, где собираются звенья...»

В Лютове все напряжено до предела. Подгоняя шофера Гафурова, он едет по трассе за десятки километров туда, где на сборке звеньев бригада Стебенькова. «Подъезжая, он надеялся увидеть на участке лучи крановых прожекторов, людей, раскладывающих рельсы, шпалы, костыли — все, что требуется для сборки звена. Но на участке было темно, как в старом заброшенном колодце», — не обещая ничего утешительного, сообщает читателю автор и этим усиливает драматизм создавшегося положения. Не ради разжигания интереса, нет. Такова фактура производственной жизни, где может случиться всякое, даже такое, чего Лютов не ожидал от Стебенькова: бригадир в самый разгар работы отпустил людей отдыхать. Автором хорошо написан конфликт Лютова со Стебеньковым, из которого последний выходит победителем. Прекрасно сделаны сцены труда, показан дух истинного соревнования и победы в последние часы этой до невероятия трудной предпраздничной ночи. Лютов, Бурьянов, Стебеньков, шофер Гафуров — большая удача автора. Да и вся в целом повесть «Другие, Лютов и километры», несомненно, шаг вперед в творчестве Бориса Машука.

БАМ — это не только изыскания и стройка, это и закалка, мужание людей и проверка их нравственных качеств. В повести Вячеслава Сукачева «Беглец» главный герой Юрка любитель громких фраз, героических судеб. Он уверовал, что рожден для чего-то высшего, что жизнь должна быть необычной, удивительно красивой. Это привело его в экспедицию к изыскателям. Но не прижился здесь Юрка. Не прижился ни к людям, ни к тайге. Все было не тем, к чему он готовил себя с детства, читая приключенческие книги. И он сбежал из тайги.

Показывая Юрку в столкновении с людьми, с природой, автор как бы приоткрывает «книжную» его душу и осуждает беглеца. Но повесть получилась бы еще острее и поучительней, удели автор побольше внимания обрисовке характеров Юрки и его таежного друга Димки. Налет очер-

ковости снизил достоинства в общем-то удавшейся повести.

Как бы в противовес беглецу Юрке иркутский писатель Вячеслав Шугаев в своей повести «Паром через Киренгу» ставит жизнелюбивую и стойкую по натуре Зину. Несладкая жизнь выпала на долю этой совсем еще молоденькой женщины. На руках у нее ребенок, незамужняя. Все впредь, и все неясно. Но сердце подсказывает Зине, что счастье ее там, в большом коллективе, где прокладываются стальные пути. Трудности ее не пугают. Самая большая трудность — попасть в этот коллектив, ведь любого туда не берут. Повесть В. Шугаева эмоциональна, читается с интересом.

Несколько по-иному разрешает нравственный спор с «беглецом» Владимир Коренев в повести «Амгунь — река светлая». Главный ее герой — водитель КраЗа Костя Фомичев — не книжный романтик. Это человек труда, труда беспокойного строителя мостов, в местах таежных, к которым с юных лет «прикипел».

Оставив свою семью, уехав на постройку мостов на БАМе, он ведет такой мысленный разговор со своей женой: «Леля милая. Послушай, что я тебе скажу... Роднее тебя, ты это сама знаешь, никого у меня нет. Ты да вот Анютка еще. Она пока не в счет, мала. Так вот, Леля: не смогу я в другом месте жить! По-всякому прикидывал: не смогу!.. Как болезнь какая-то прилипла, напасть, что ли... С ума я сошел на этих мостах. Строить хочу!»

В устах Фомичева это звучит так убедительно, что этому веришь, как и всей повести В. Коренева, написанной рукой опытной и чуткой.

Итак, пять художественных повестей о БАМе. Писателями Дальнего Востока и Сибири выполнен большой социальный заказ времени, поведавший о новых делах, новых открытиях советских людей. И хочется верить, что вслед за «Великими верстами» появятся новые художественные произведения, теперь уже и повести и романы, воспевающие героизм созидателей великой стройки века.

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

■ ■ ■

КОЛУМБЫ РОССКИЕ

Эта книга обратила на себя внимание читателей, интересующихся историей нашего государства. Называется она «Судьба Русской Америки»¹, ее автор доктор исторических и кандидат географических наук Александр Иванович Алексеев. Издана книга Магаданским книжным издательством в серии «Дальневосточная историческая библиотека».

«Судьба Русской Америки» — пятая книга А. И. Алексеева, изданная в Магадане. До этого в Магаданском книжном

издательстве вышли в свет его «Братья Шмалевы», «Колумбы Росские», «Сыны отважные России», «Ученый чукча Николай Дауркин».

История образования Российско-Американской компании, история открытия и изучения Алеутских островов, северо-западной части Северной Америки — одна из замечательных страниц в истории России. Деятельность замечательных русских путешественников и исследователей В. Беринга, А. Чирикова, П. Креницына, М. Левашова, Г. Сарычева, Ф. Врангеля, Г. Шелихова, Ю. Лисянского, В. Головинина, Л. Загоскина, многих простых мореходов и землепроходцев, о которых рассказывает А. И. Алексеев, приумножила славу государства Российского, открыла человечеству удивительный мир, неизвестные дотоле земли и моря.

Автор использовал опубликованные прежде материалы, но главной основой его исследования являются документы архивов: Архива внешней политики России, Архива Академии наук, Центрального государственного архива Военно-Морского Флота, Центрального государственного военно-исторического архива и других.

Глубокое знание предмета позволило автору создать впечатляющую картину открытия, исследования и освоения русскими Алеутских островов, Аляски, Тихоокеанского побережья Северной Америки вплоть до Калифорнии, показать роль русских людей в географических исследованиях большой научной ценности и экономическом освоении северной части Тихоокеанского бассейна.

Начинается книга с рассказа о снаряжении и работе Великой Северной экспедиции Витуса Беринга, рассказ краткий, но дает представление об этом выдающемся событии. Тепло говорит автор о самом В. Беринге. Некоторые исследователи обвиняли его в нерешительности при решении некоторых вопросов, в излишней осторожности. А. И. Алексеев объясняет это умением В. Беринга трезво оценивать обстоятельства. Так, на настойчивое требование члена экспедиции Георга Стеллера провести исследование на острове Каяк, Беринг с горечью заметил: «Мы воображаем, что все открыли и строим воздушные замки; а никто не думает о том, где мы нашли этот берег?.. А берег нам неизвестный, чужой, провианта на прозимовку не хватит».

Велики заслуги в экспедиции и ближайшего помощника Беринга А. И. Чирикова. 15 июля 1741 года Чириков записал в журнале: «В 2 часа пополудни впереди себя увидели землю». Чириков первый из русских увидел северную часть континента Америки.

Конечно, и сейчас остаются неясными некоторые вопросы в истории открытия Северо-Востока. Например, о плавании ближайших предшественников Беринга И. Евреинова и Ф. Лукина автор говорит: «Первая же часть указа Петра I

о проливе между Америкой и Азией осталась неисполненной по вполне понятным причинам — из-за отсутствия необходимого снаряжения и мореходных судов». Это положение звучит не достаточно убедительно. Вероятнее всего, это и не входило в цели экспедиции Евреинова и Лужина, раз Петр I был удовлетворен результатами их плавания. Вряд ли Петр не знал о существовании пролива между Азией и Америкой. Чтобы снарядить грандиозную по тем временам экспедицию, нужно было знать о предыдущих открытиях на Северо-Востоке во всех деталях, и Петр I наверняка об этом знал. На эти вопросы ответят дальнейшие исследования.

После экспедиций Беринга на восток от Камчатки двинулся Е. Басов, замысливший смелый план промышленного освоения Курильских островов. Заключив союз с московским купцом Н. Трапезниковым, он совершил ряд плаваний, которые положили начало освоению и присоединению к России островов, лежащих к востоку от Камчатки.

Путешествия и открытия русских не прошли мимо внимания других держав. И, чтобы предупредить проникновение иностранцев в северный бассейн Тихого океана, была снаряжена сюда русским правительством экспедиция Креницына и Левашова. Усилиями правительства и промышленников было укреплено русское влияние на вновь открытых землях. Из многих мелких промысловых компаний образуется несколько мощных купеческих, среди которых выделялись компании купцов И. Голикова и Г. Шелихова. Они-то и явились основой для создания Российско-Американской компании в конце XVIII века.

О деятельности Шелихова, Баранова, Кускова, Загоскина, Вознесенского, Врангеля, Гегемейстера и других, чьими усилиями была создана Русская Америка, о драматических событиях, которыми полна история этой русской земли живо и интересно рассказывает А. И. Алексеев.

Автор впервые осветил заслуги перед наукой скромного ученого Ильи Гавриловича Вознесенского, имя которого мало известно современным читателям. Им сделано много в изучении животного и растительного мира Русской Америки, огромный вклад его в этнографию, антропологию, географию, геологию; многочисленные коллекции, собранные им, не потеряли научного значения и в наши дни. Большую ценность представляют его дневниковые записи и зарисовки. В то же время А. И. Алексеев с горечью отмечает, что материалами Вознесенского пользовались другие ученые, писали по ним свои научные трактаты, но никто не помог самоотверженному исследователю обработать и издать его материалы.

Так же тепло пишет А. И. Алексеев о научной деятельности ученого-священника, образованнейшего человека своего времени, Иннокентия Вениаминова, который десять лет прожил в Русской Америке, за

это время детально изучил природу Алеутских островов, жизнь, занятия, нравы и обычаи местных жителей — алеутов. Исследования Вениаминова были проведены на таком высоком уровне, что не потеряли своей научной ценности и в наше время.

Со времени открытия русскими Северо-Западной Америки и до продажи Аляски Соединенным Штатам прошло 126 лет. А. И. Алексеев приводит интереснейшие сведения о том, сколько пота, страданий и жертв стоили освоение, исследование этой земли, сколько выдающихся русских людей отдали этому делу свои жизни, думая прежде всего о благе Отечества. Н. П. Резанов, например, так писал о главном правителе Русско-американской компании А. А. Баранове: «...всех хуже живет наш приобретатель сих мест, в какой-то дощеной юрте, наполненной сыростью до того, что всякий день плесень обтирают и при здешних сильных дождях со всех сторон как решето текущей. Чудный человек! Он заботится только о спокойном помещении других, но об себе самом беспечен до того, что однажды нашел я кровать его плавающую...»

С понятной гордостью читаем мы в книге строки о славных деяниях «Колумбов русских», принесших на Крайний Северо-Восток передовую по тому времени культуру, увидевших в местных жителях равных себе людей, только отставших в развитии от цивилизованных народов в силу сложившихся условий. Из них они сумели воспитать таких исследователей, как Николай Дауркин, Александр Кашеваров, Семен Лукин, Руф Серебрянников.

Обстоятельства продажи Русской Америки хорошо известны. Автор книги умеет подать материал по-своему, помогает современникам лучше понять то, что происходило в далеком 1867 году.

Книга А. И. Алексеева «Судьба Русской Америки» счастливо соединяет в себе прочную научную основу и занимательность.

В. ЮХИМЕНКО.

■ ■ ■

КНИГА О ДРЕВНЕМ И СРЕДНЕВЕКОВОМ ТИБЕТЕ

«Страной снегов», «Заоблачной страной» часто называют Тибет. И действительно, непрерывные цепи снеговых вершин возвышаются здесь одна над другой, как ступени сказочной лестницы, ведущей в неведомые заоблачные края. И как все же силен разум человека, если он смог набросить узду даже на вздыбившиеся выше облаков горы, если он вот уже на протяжении тысячи лет сумел и здесь подчинить природу своей воле.

Жизнь и быт, культура и язык народа «Страны снегов» издавна привлекали внимание русских и зарубежных путешественников и ученых. Богатая материальная и духовная культура тибетцев, их жизнь в сложнейших условиях горного и горно-степного ландшафтов поражали умы средневековых путешественников, в трудах которых давалась интересная и часто не лишённая вымысла картина истории одного из древнейших народов Центральной Азии.

Но цельного и достаточно ясного представления о жизни и быте тибетцев не имелось вплоть до XX столетия. «Заоблачная страна» оставалась для исследователей «белым пятном». Как известно, до конца XIX века лишь одиночкам-смельчакам удавалось проникнуть в Тибет, да и то многие из них нашли там свою могилу... Неутомимый исследователь и мужественный человек Н. Я. Бичурин (Иакинф) сумел проникнуть на окраины Тибета и даже написать еще в 1833 году знаменитый свой труд «История Тибета и Хухунора».

Но честь подлинного «открытия» Тибета для русской и мировой науки выпала на долю никому дотоле не известного агинского бурята, а впоследствии профессора Г. Ц. Цыбикова. Долгие годы его капитальный труд «Буддист-паломник у святынь Тибета», написанный во Владивостоке, оставался единственной в мире крупной работой по этнографии, филологии и истории культуры Тибета. Его коллега по Восточному институту профессор Н. В. Кюнер оставил наиболее полное описание Тибета с точки зрения его истории, географии и частично этнографии (Н. В. Кюнер. Описание Тибета, ч. 1, вып. 1, Владивосток, 1907). Эти две крупные работы намного превосходят по глубине и широте охвата многообразия жизни и быта тибетцев все обширные научные публикации о Тибете, издававшиеся за рубежом.

Прошло много лет, тибетология сделала большой шаг вперед в своем развитии, но интерес к Тибету, к замечательной и древней культуре его народа не только не остыл, а наоборот, стал в наши дни особенно актуальным.

Поэтому столь современной оказалась живо и интересно написанная известными советскими востоковедами Е. И. Кычановым и Л. С. Савицким книга «Люди и боги Страны снегов», скромно названная авторами научно-популярным очерком¹.

И хотя эта книга действительно написана в жанре научно-популярной литературы, она является крупным и значительным исследованием истории древнего и средневекового Тибета, жизни и быта людей, населявших эту страну, их высокой и самобытной культуры.

С первой главы «Страна снегов» автор, как бы вводит читателя в загадочный мир, занимающий площадь около четырех миллионов квадратных километров, покрытый горами, речными долинами и плоскогорьями, где в долинах — жаркий субтропический климат, а в горных районах даже летом люди кутаются в теплые меховые одежды.

Самая большая глава книги — «Люди». На наш взгляд, она и самая удачная. Из нее читатель почерпнет немало сведений о жизни и быте тибетцев, об их хозяйстве и древних верованиях, о своеобразной пище и одежде, о социальной организации средневекового тибетского общества, познакомится с удивительными обычаями и традициями, а также с чудесным миром тибетских легенд.

Тибетцы в большинстве своем — красивый, статный народ, а по натуре своей они жизнерадостны, доброжелательны, непосредственны. Цамба (мука из пережаренных зерен цинко — местного сорта ячменя) — главная пища как в бедной, так и в зажиточной семье. Своеобразны и жилые постройки тибетцев, сложенные из неотесанных камней, двух-, трехэтажные, с маленькими оконцами лишь наверху, у самого карниза плоской крыши.

Интересно, что тибетцы приходили в этот мир почти с теми же обычаями, суевериями, предрассудками, что и народы Сибири, Монголии, Дальнего Востока в средние века. Женщина рожала вне дома, ибо ее крики при родах могли якобы испугать духа очага и лишить семью его защиты.

А вот покидали тибетцы «белый свет» способом более оригинальным, нежели их ближние и дальние соседи. Смерть тибетца принимал спокойно, как естественный этап в цепи перерождений. Он верил в вечность всего живого, проходящего через бесконечную цепь перерождений, а так же и в то, что с помощью молитвы и добрых дел он получит наконец освобождение от перерождений и достигнет нирваны, состояния Будды. Тибетец начинал думать о смерти после 45 лет, человеческий век измерялся 60 годами. Трупы умерших либо сжигались (по поверью тибетцев, наличие старого тела мешало перерождению), либо скормливались птицам, животным или рыбам.

В главе «Боги» авторы интересно рассказывают не только о хорошо известной официальной религии Тибета — буддизме, проникшем туда в VII веке н. э. из Индии, но и о древней религии бон, согласно которой тибетцы верили во множество духов, очень обидчивых и мстительных. Каждая гора, река, озеро, дерево и поле имели своих духов, которых требовалось закармливать жертвами, чтобы без страха, сомнений и грозных последствий пользоваться плодами земледелия, скотоводства, охоты.

Однако в добуддийском Тибете никогда не было, по мнению авторов, стройной и

¹ Е. И. Кычанов, Л. С. Савицкий. Люди и боги Страны снегов. М., «Наука», 1975.

законченной системы мифов, подобной античной или древнеиндийской. Комплекс ранних тибетских верований содержал ряд черт, которые имели много общего с анимизмом и шаманизмом, и только к VII веку оформляются особенности более стройной, хотя и незавершенной религиозной системы.

Последняя глава книги называется «Люди и боги». И это название вполне закономерно. Именно в Тибете буддизм пустил наиболее глубокие и прочные корни, оказав влияние и на социальную структуру страны, и на культурное развитие, определив мышление тибетца, общественные и индивидуально значимые ценности в его жизни, а также сущность и назначение искусства, архитектуры, литературы, театра, музыки.

В этой главе читатель ознакомится с языком и письменностью тибетцев, с их книгами, способами книгопечатания и системой просвещения. К сожалению, очень кратко, скороговоркой авторы рассказывают о тибетской литературе, о танцах, о театре, о народных общественных праздниках, об изобразительном искусстве и архитектуре. До предела сжато дан очерк о тибетской медицине. Почти ничего не говорится о народном декоративном искусстве тибетцев, об их богатой сокровищнице орнамента. То искусство, о котором упоминается в книге, было официальным, насквозь пронизанным религиозной буддийской тематикой и полностью подчиненным строго определенным канонам.

Но ведь существовало у тибетцев искусство народное, родившееся в бедном жилище. Тибетцы хорошо знали свойства металлов, декоративные особенности разных пород дерева, владели секретами высокого мастерства вышивки и аппликации. К сожалению, в рецензируемой книге читатель так и не найдет достаточного материала о декоративном искусстве тибетцев.

С интересом, как детективная повесть, читаются разделы о VI Далай-ламе Тибета, послужившие как бы канвой книги. Однако в целом книга воспринимается не как обычный научно-популярный очерк, а как серьезное и талантливо написанное исследование, в котором с марксистско-ленинских позиций обобщены или заново пересмотрены все те достижения, которые имела до сегодняшнего дня мировая тибетология. Достаточно сказать, что список использованной авторами литературы включает в себя 104 названия, половина из них — на западно-европейских и восточных языках.

Наверное, в этом и заключается такой большой успех книги «Люди и боги Страны снегов», которая при тираже десять тысяч экземпляров моментально исчезла с книжных прилавков, став сразу же библиографической редкостью.

Весьма значителен политический разонанс рецензируемой книги. Закрывая ее, читатель невольно задумывается о сегодняшней судьбе тибетского народа, оценит его

свободолюбивый дух, его замечательную художественную культуру, оставившую заметный и неизгладимый след в мировой цивилизации.

Н. КОЧЕШКОВ.

■ ■ ■

ЧЕРЕЗ ВСЕ ПРЕГРАДЫ

Книги 1-й русской революции в редком фонде Хабаровской краевой научной библиотеки

Революция 1905—1907 годов в России — одна из наиболее ярких страниц в истории нашей Родины. «Без «генеральной репетиции» 1905 года, — говорил впоследствии В. И. Ленин, — победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»¹.

Первая русская революция была знаменательным этапом в истории русской культуры и книги. Общий политический подъем в стране вызвал огромный спрос на политическую литературу. Вспоминая об этом времени, В. И. Ленин писал: «Миллионы дешевых изданий на политические темы читались народом, массой, толпой, «низамы» так жадно, как никогда еще дотоле не читали в России»².

В период революции возникло свыше 350 новых издательств, из них около шестидесяти занимались изданием социал-демократической литературы. Крупнейшими издательствами политической брошюры были «Колокол» и «Молот» в Петербурге, «Труд» в Москве, «Буревестник» в Одессе, «Донская речь» в Ростове-на-Дону. Большевистскую литературу печатали охотно многие издательства, и печатали они ее отчасти по соображениям прибыльности.

Выдающаяся роль в воспитании и организации рабочего класса в эпоху революции принадлежала большевистской печати. В мае 1906 года в Петербурге было создано центральное большевистское издательство «Вперед». В нем сотрудничали видные деятели партии, общее руководство осуществлял коллектив большевиков, членов ЦК РСДРП, во главе с В. И. Лениным. Издательство печатало произведения, посвященные актуальным вопросам революции. При издательстве был открыт книжный магазин и обширный склад, в котором сосредоточивалась политическая литература, выпускаемая другими издательствами. Работа типографии «Вперед», магазина и склада проходила в исключительно тяжелых условиях, под постоянным наблюдением полиции.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 9—10.

² Там же, т. 22, с. 83.

Большой вклад в дело издания марксистской литературы внесло издательство «Знание», одним из главных руководителей которого был А. М. Горький. Выбором книг для печати занималась редакционная комиссия, в которую входил В. И. Ленин. Доходы шли в кассу ЦК на нужды революции.

С деятельностью последнего легального большевистского издательства «Зерно» связаны важнейшие страницы большевистского книгоиздания. Выпустив первое в России собрание сочинений В. И. Ленина, значительное количество массовых революционных брошюр, издательство помогло партии в тяжелый период реакции.

По приблизительным подсчетам только центральное партийное издательство «Вперед» и большевистские отделы издательства «Колокол» и «Знание» выпустили свыше 230 названий произведений общим тиражом около 30 миллионов экземпляров.

Правительство было не в силах бороться с огромным наплывом политической литературы. Книги изымались из продажи, их конфисковывали, уничтожали. Особенно жестоко преследовалась политическая брошюра, рассчитанная на массового читателя. Широчайшее распространение в массах революционной марксистской книги В. И. Ленин считал одним из достижений революции.

Более 150 изданий, увидевших свет в годы первой русской революции, выявлено в фонде Хабаровской краевой научной библиотеки. Значительную часть их составляют работы классиков марксизма-ленинизма, изданные в 1905—1907 годах. Впервые труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина стали издаваться в немалом числе названий и большими тиражами. Многие из этих изданий бережно хранятся в библиотеке.

Отлично выглядит, чуть-чуть пожелтевший от времени, один из томов первого партийного издания «Капитала», значительно больше пострадала брошюра «Революция и контрреволюция в Германии» Ф. Энгельса, на обложке которой ошибочно указано имя автора — К. Маркс; выскользнул из лап жандармов сборник Ф. Энгельса о России — «Статьи 1871—1875 гг.»; избежали полицейской расправы и «Письма к Л. Кугельману» под редакцией и с предисловием Ленина. На обложке книги можно разглядеть гриф несуществующего издательства «Новая дума». Хранятся в редком фонде и неоднократно арестовывавшаяся настольная книга рабочих — «Анти-Дюринг» — и другие работы классиков марксизма-ленинизма.

Большой исторический и библиографический интерес представляет том «Аграрный вопрос. Ч. 1.» — память о первой попытке большевиков издать собрания сочинений В. И. Ленина в годы первой русской революции. Редким является и экземпляр брошюры В. И. Ленина «Социал-демократия и избирательные соглашения». Выпущенная в период «свободы печати», она

вскоре была запрещена и уничтожалась по приказу полицейских властей. Сведения о бессмертных изданиях К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, хранящихся в редком фонде Краевой научной библиотеки, публиковались в журнале¹.

В непрестанной борьбе с царской цензурой и полицией издавались книги, написанные русскими большевиками в ходе самой революции. За ними власти охотились особенно свирепо.

...Небольшая книжечка «Деятельность второй государственной думы»² на титульном листе значатся два автора — К. Никитин и И. Степанов. Авторы статей раскрывали истинную сущность контрреволюционной политики правительства. Сборник напечатан тиражом 6000 экземпляров, но полиции удалось конфисковать лишь 50. Сыскная полиция и охранное отделение так и не смогли установить, кто скрывался под псевдонимом «Никитин» и «Степанов». Книга же была написана известными большевиками К. Н. Левиным и И. И. Скворцовым-Степановым.

Титульный лист книги весь испещрен штампами разных организаций. Через много рук прошла и брошюра Н. Ростockой «Потемкинские дни в Одессе»³. Это перепечатка с некоторыми дополнениями жевневского издания ЦК РСДРП о восстании на броненосце «Потемкин». Название работы и псевдоним автора были изменены. Выход брошюры был очень своевременным в связи с июльским восстанием 1906 года в Свеаборге, Кронштадте, Ревеле. Полиции удалось конфисковать лишь незначительное количество экземпляров.

Среди изданий первой русской революции в фонде библиотеки немало политических переводных брошюр. Еще в 1908 году В. И. Ленин отметил как знаменательное явление то, что в период первой революции «...в России распространена такая масса серьезной, теоретической литературы, — главным образом переводной, — которая еще принесет плоды»⁴. И это предвидение блестяще оправдалось.

Невозможно дать здесь обзор издательской истории всех уцелевших экземпляров, остановимся на наиболее примечательных.

¹ А. Маслова. Бессмертные издания (Прижизненные издания В. И. Ленина в Хабаровской краевой научной библиотеке). — «Дальний Восток», 1970, № 2, с. 112—116; Э. Осипова. Времени не подвластны. Издания трудов К. Маркса и Ф. Энгельса в редком фонде Хабар. краевой научной б-ки. — «Дальний Восток», 1973, № 12, с. 132—135.

² К. Никитин и И. Степанов. Деятельность второй государственной думы. Сб. статей. Вып. 1. М., Типогр. А. Мамонтова, 1907.

³ Н. Ростockая. Потемкинские дни в Одессе. Спб., «Наш голос», 1906, 32 с.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 292.

В декабре 1904 года вышла анонимно в издательстве Скимунта книга «Очерки по истории Германии в XIX веке»¹. Это была работа известного немецкого социал-демократа В. Блоса «Германская революция 1848 года». Чтобы книга не встретила препятствий, имя автора было снято, а заглавие заменено. Для отвлечения внимания властей от политически острых мест И. И. Скворцов-Степанов написал «солидную» вводную главу «Экономический строй Германии в 1-ю половину XIX века». Изданная в декабре 1904 года книга разошлась очень быстро. Год спустя Скимунт выпустил 2-е, удешевленное, издание под тем же названием. 27 августа 1905 года Н. К. Крупская писала М. И. Ульяновой из Женевы: «Пришли, пожалуйста, поскорее... книгу Степанова и Базарова «История Германии в XIX веке», очень нужно». Над экземпляром, который хранится в библиотеке, кто-то много и вдумчиво работал, в нем много отмечиваний, пометок.

Очень зачитана работа К. Каутского «Эрфуртская программа»². В конце книги публикуется текст Программы РСДРП, принятой на II съезде партии. Книга К. Каутского печаталась без разрешения властей и лишь случайно оказалась в поле зрения Московского комитета по делам печати, который усмотрел особую опасность в опубликовании Программы РСДРП. На книгу был наложен арест. Но к этому времени весь тираж разошелся.

Большой популярностью пользовался труд А. Бебеля «Очерки по женскому вопросу. Женщина и социализм». А. Бебель был знаменосцем борьбы за освобождение женщин от оков буржуазного общества. Его книга в годы революции в русском переводе издавалась неоднократно разными издательствами. Одним из первых выпустило книгу издательство «Колокол»³ (партийная редакция), но с последующими изданиями вышел довольно неприятный инцидент. Переводчик Поссе дал доверенность на переиздание своих переводов издательству «Буревестник», и последнее, имея в виду коммерческие интересы, сделало все, чтобы помешать большевистскому издательству «Вперед» выпустить книгу «Женщина и социализм».

«Буревестник», — писала Н. К. Крупская, — доведет дело до суда, а судебный процесс будет крайне вреден для всего дела легального издательства, да и дело Вы проиграете наверняка.

Советуем войти поскорее в соглашение с «Буревестником» по поводу издания «Женщины»¹.

Но договориться с «Буревестником» было невозможно, и большевистское издательство «Вперед» вынуждено было готовить новый перевод уже целиком набранной книги.

В библиотеке сохранились два экземпляра книги А. Бебеля «Женщина и социализм». На одном экземпляре марка издательства «Колокол», а на другом «Буревестник». Они побывали, судя по штампам, во многих городах России.

Многие могут рассказать, о многом напомнить штампы, печати, пометки на сохранившихся экземплярах. На небольшой брошюре А. Бебеля «Массовая политическая стачка и социал-демократия», выпущенной большевистским издательством «Утро», отлично виден штамп — «Партийный архив при Центр. ком. РСДРП». Центральный архив и библиотека РСДРП были организованы в Женеве при активном участии В. И. Ленина. Он был частым посетителем библиотеки. После Октября книги вывезли в Россию. Очень может быть, что и эта книга совершила такое путешествие, прежде чем попасть в фонды краевой библиотеки.

А на другой книге А. Бебеля «Профессиональное движение и политические партии. Закон против социалистов Германии» и на труде В. Блоса «Французская революция» виден штамп Санкт-Петербургского охранного отделения. Сборник статей К. Каутского в переводе В. И. Ленина проштемпелеван: «Книжный склад Союза социалистов Народной армии. Петроград. Таврический дворец». Брошюру Лассалья «К рабочему вопросу»² читали члены РСДРП, рабочие-большевики Балтийского завода, а работой А. Бебеля «Антисемитизм и коллективизм в Германии» пользовались эсеры — об этом говорят штампы на сохранившихся экземплярах.

Довольно много в фонде библиотеки изданий товарищества «Знание», возглавляемого А. М. Горьким. В 1905 году Горький осуществляет свою давнюю мечту — демократизировать книгу, пустить ее в массы читателей по небывало дешевой цене. Издаваемые массовыми тиражами брошюры серии «Дешевая библиотека» проникали в отдаленные уголки страны. Горький с готовностью поддержал предложение ЦК большевиков и организовал в «Дешевой библиотеке» отдел политической марксистской литературы. Доходы от издательского дела шли на нужды революции. В серии «Дешевая библиотека» вышли произведения К. Маркса, Ф. Энгельса, П. Лафарга и другие книги. Издавались в серии как оригинальные произведе-

¹ Очерки по истории Германии в XIX веке. Пер. с нем. В. Базарова и И. И. Степанова. Спб., изд-во Скимунта, 1905.

² К. Каутский. Эрфуртская программа. С 3-мя предисл. авт. Полн. пер. с нем. М., «Социал-демократ», 1905, 160 с.

³ А. Бебель. Очерки по женскому вопросу. Женщина и социализм. Пер. с нем. В. А. Поссе. М., «Колокол», 1905, 574 с.

¹ «Пролет. революция», 1925, № 12 (47), с. 18.

² Лассаль. К рабочему вопросу. Спб., «Утро», 1906.

дения, так и переводы. Оригинальные брошюры были посвящены злободневным вопросам революции и были написаны доступным даже для малообразованного читателя языком, а переводы отличались высоким качеством.

В период революционного натиска борющийся пролетариат России живо интересовался революционным опытом Запада. Немало было издано книг и о Парижской коммуне. Среди них особое место занимали воспоминания непосредственных участников Коммуны. Бережно подклеена книга парижского журналиста Лиссагаре — «История Парижской коммуны». Книга, написанная на основе большого фактического материала и получила одобрение К. Маркса. Книга вышла в серии «Дешевая библиотека» издательства «Знание».

Огромной популярностью пользовались сборники товарищества «Знание». Из 40 выпущенных сборников в библиотеке обнаружено 34. Современные рассказывают, что ни одна книга не имела такого успеха, как сборники «Знание». Царская цензура всегда недоброжелательно относилась к книгам этого издательства, но появление в мартовском сборнике 1907 года первых глав романа М. Горького «Мать» вызвало целую бурю. Комитет по делам печати потребовал возбудить против Горького судебное дело.

В «Ведомостях Петербургского градоначальства» была помещена курьезная публикация: «По обвинению Санкт-Петербургского окружного суда отыскивается нижегородский цеховой малярного цеха мастер Алексей Максимович Пешков (Горький), обвиняемый по 1 и 4 п.п. 129, 73 и 132 статей уголовного уголовного»¹. Публикация была комична тем, что о пребывании «нижегородского цехового» на Капри было известно всему миру.

Конфискованного XVI сборника, в котором печаталось начало романа, к сожалению, в библиотеке не обнаружено, все последующие выпуски имеются.

В годы первой революции впервые увидели свет произведения русских революционеров разных поколений — декабристов, народников, революционных демократов. Больше века находилась под цензурным запретом первая русская революционная книга — «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Радищева. Почти весь тираж первого издания был истреблен. В 1858 году «Путешествие» переиздал в Лондоне А. И. Герцен. И только революция 1905 года открыла путь сразу нескольким изданиям «Путешествия» в России.

В библиотеке представлены три экземпляра, вышедшие в частных издательствах. Внешне они очень разные — темно-фиолетовый переплет издания Врублевского, аккуратный томик с переплетом под мрамор с золотым обрезами — Суворина и дешевое

издание Глазунова для школьных библиотек. В предисловии школьного томика говорится: «Текст может быть пригоден исключительно в старших классах мужских среднеучебных заведений».

Труды декабристов, книги о них также смогли выйти только в годы первой революции, то есть восемьдесят лет спустя после событий на Сенатской площади. В 1906 году был издан печатный текст «Русской правды» П. И. Пестеля¹. В «золотом фонде» революционной книги труд крупнейшего идеолога декабризма занимает почетное место. Кто-то очень скрупулезно изучал эту работу, на сохранившемся экземпляре многочисленны карандашные пометки, в старой орфографии.

В 1905—1907 годах издавались не только труды декабристов, но и книги, знакомящие с жизнью и личностью первых русских революционеров. Привлекает внимание читателей большая, отлично изданная книга «Декабристы. 86 портретов».

Портреты декабристов обязаны своим происхождением кисти Н. А. Бестужева. Он писал портреты своих товарищей с изумительным сходством. Портреты сопровождаются текстом, краткой биографией каждого. Когда листаешь страницы этой удивительной книги, то поражаешься не только мастерству художника, но и сведениям о декабристах. Вот небольшой отрывок из биографии М. А. Бестужева: «Бестужев Михаил Александрович — штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, приговоренный к вечной каторжной работе в Чите и Петровском заводе, предаётся многочисленным и многосторонним занятиям: у Завалишина он учился испанскому языку, у Рукевича — польскому и латинскому, у Поджио — итальянскому, у гр. Чернышева — английскому; переводил философские и исторические статьи, повести и рассказы, изучил золотое дело, часовое, переплетное, токарное, башмачное, картонажное и шапочное мастерства».

...Старый Шлиссельбург. Сюда, в казематы, царское правительство заточало самых опасных для него людей. Даже в официальных документах Шлиссельбургская крепость именовалась «безысходной тюрьмой». Здесь томились просветитель Н. И. Новиков, некоторые из декабристов, но главным образом Шлиссельбург «прославился» как могила героев «Народной воли».

В 1905 году ворота крепости растворились. Изображенный над входом в нее двуглавый орел с хищно нацеленными когтями увидел небывалое: вышли на волю заключенные, проводившие в крепости по двадцать и более лет.

В 1905—1907 годах издаются книги, рассказывающие о героях-революционерах, узниках Шлиссельбурга. Тридцать удивительных биографий содержит отлично сохранившаяся книга «Галерея шлиссель-

¹ Цит. по кн.: И. Груздев. Горький. М., 1960, с. 185—186.

¹ П. И. Пестель. Русская правда. Спб., «Культура», 1906.

бургских узников»¹. В ней приводятся биографии и портреты А. И. Ульянова, Н. Морозова, В. Фигнер, Г. Лопатина, Л. Волкенштейн и других революционеров.

Полтора года народовольцы охотились за царем. Только 7-е по счету покушение увенчалось успехом... Вести следствие по делу «цареубийц» было поручено самым опытным судебским чиновникам. 26—29 марта 1881 года суд разбирает дело об убийстве Александра I. Большую обвинительную речь произнес Н. Муравьев, стремившийся представить обвиняемых «кровавыми чудовищами». Поведение «первомайцев» на суде отличалось стойкостью и решимостью. Они вызывали уважение даже у тех, кто раньше их не знал или не понимал. Именно так случилось с художником Маковским, который рисовал участников процесса. Царское правительство жестоко расправилось с народовольцами, но ему мало было уничтожить людей физически. Официальные газеты сделали все, чтобы исказить образы народовольцев. Достаточно посмотреть подборку газет по процессу (конволют их недавно обнаружен в библиотеке). Наступил 1905 год, и вышло на суд людской то, что казалось погребенным на века. В редком фонде краевой библиотеки сохраняется экземпляр с материалами судебного процесса «Дело 1 марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др.»². Это издание проливает свет на весь судебный процесс. Предисловие к книге написано членом группы «Освобождение труда» Л. Дейчем, он лично знал некоторых народовольцев.

Первая русская революция сняла запрет с имен и сочинений «государственных преступников» Н. Г. Чернышевского и А. И. Герцена. В истории русской литературы найдется немного книг, бывших под столь строгим запретом, как сочинения Н. Г. Чернышевского. Правительство преследовало даже за упоминание в печати имени Чернышевского. Особенно жестокому преследованию подвергался роман «Что делать?», пропущенный на страницы журнала «Современник» по оплошности цензуры.

В 1905—1906 годах младший сын Чернышевского издает в России «Полное собрание сочинений»³ отца в 10 томах. Это знаменательное событие было с большим удовлетворением встречено передовой русской общественностью. Но первое собрание сочинений Н. Г. Чернышевского не могло быть ни полным, ни точным. Слишком мало было времени для подготовки

издания. Разборка бумаг, писем производилась одновременно с отпечаткой текстов. Это вызвало разные исправления, вставки. Кроме того, издателю не был доступен ряд произведений Чернышевского, написанных им в Петропавловской крепости и в Сибири, так как его рукописи находились в секретных жандармских и иных архивах.

Темно-малиновые тома первого в России собрания сочинений Н. Г. Чернышевского носят следы неоднократного ремонта, на некоторых экземплярах штамп: «Магазин М. С. Заблоская в Хабаровске».

Крупным событием было и появление в России сочинений А. И. Герцена. Допуская отдельные публикации на страницах научных журналов, царская цензура не разрешала издавать собрания сочинений эмигранта-революционера. Лишь в 1905 году выходят «Собрания сочинений и переписка с Н. А. Захарьиной»¹. А. И. Герцена. Издал первое собрание сочинений писателя известный просветитель Ф. Павленков. В сочинениях опубликованы редкие фотографии А. И. Герцена, предоставленные сыном писателя профессором А. А. Герценом. Очень пострадали от времени тома этого собрания сочинений, стерлась позолота заглавий, выцвел коричневый переплет, потускнели виньетки.

В годы первой революции увидело свет и «Полное собрание сочинений» М. Е. Салтыкова-Щедрина², вышедшее как приложение к популярному журналу «Нива» за 1906 год. Издание осуществлено книгоиздателем А. Марксом, по-видимому, с учетом особого интереса к творчеству писателя-сатирика в революционную эпоху. Впервые в собрание сочинений вошли произведения, ранее запрещавшиеся цензурой, в том числе и сказки. До революции все попытки предпринять дешевое народное издание сказок встречали резкий отпор царской цензуры.

Книги М. Е. Салтыков-Щедрина все очень зачитаны, и не сразу они попали на Дальний Восток. На томах сочинений 1906 года видны штампы библиотек различных городов страны.

Книги времен первой русской революции занимают почетное место в редком фонде Хабаровской краевой научной библиотеки. Они встречают сейчас свой 70-летний юбилей, и нельзя не гордиться книгами-борцами. Проникая в самые глухие окраинные районы страны, они, словно яркие факелы, освещали путь в революцию сотням тысяч ее борцов.

Э. ОСИПОВА,
главный библиограф Хабаровской
краевой научной библиотеки.

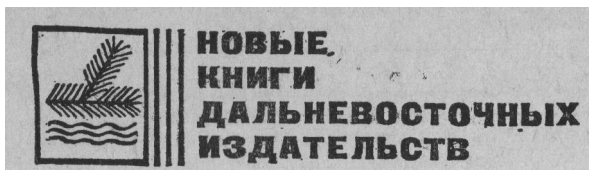
¹ Галерея шлиссельбургских узников. Ч. 1. Спб., Типогр. М. М. Стасюлевича, 1908.

² Дело 1 марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др. Со статьей и примечаниями Л. Дейча. Спб., «Свободный труд», 1906.

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., В 10-ти т. Пб., Изд. М. Н. Чернышевского, 1906.

¹ А. И. Герцен. Сочинения и переписка с Н. А. Захарьиной. В 7-ми т. Спб., Изд. Ф. Павленков, 1905.

² М. Е. Салтыков-Щедрин. Полн. собр. соч. В 20-ти т. М., Изд. А. Маркс, 1905—1906.

ХАБАРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

В. М. Кабузан. КАК ЗАСЕЛЯЛСЯ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК (вторая половина XVII — начало XX века). Издание 2-е, дополненное. Ред. А. И. Алексеев, В. С. Шевченко, Худож. Г. Д. Павлишин. Хабаровск, Кн. изд., 1976. 200 с. Тираж 15 000 экз. Цена 26 коп.

Исследование доктора исторических наук В. М. Кабузана посвящено дореволюционному периоду освоения Приамурья и Приморья. Новое издание книги, впервые вышедшей в конце 1973 года, дополнено сведениями о материальном положении русских и украинских переселенцев; более детально показано значение Транссибирской магистрали в заселении Дальнего Востока; введены новые данные о размерах миграций на Дальний Восток и в Сибирь в 1906—1917 годах.

Книга адресована историкам, пропагандистам, работникам местной печати, дальневосточным краеведам.

ОЧЕЙ ОЧАРОВАНИЕ... Стихи русских поэтов о природе. Сост. Л. Андреев, О. Мамонтова, Вст. статья Л. Озерова. Худож. Вл. Медведев., Хабаровск, Кн. изд., 1976. 576 с. с ил. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 67 к.

«Очей очарование» — пушкинская полустрока... вынесена в название книги. В стихах, написанных в разные эпохи, созданных разными авторами, запечатлена «природа русской чистой души», — как говорил Владимир Луговкой... Эту книгу можно и должно читать, то и дело возвращаясь к ней», — так поэт Лев Озеров представляет читателям сборник, в котором сделана попытка выбрать лучшее из классического наследия, а также познакомить читателя с творчеством современных поэтов, наиболее активно разрабатывающих тему природы.

Н. Задорнов. КАПИТАН НЕВЕЛЬСКОЙ. Роман. Послесл. Л. Швецов. Благовещенск, Амурское отд-ние Хабаровского кн. изд., 1976. 736 с. с ил. (Байкало-Амурская библиотека «Мужество»), Тираж 50 000 экз. Цена 1 р. 41 к.

Видный советский писатель, лауреат Государственной премии Николай Задорнов известен читателям историческими романами «Амур-батюшка», «Далекий край», «Первое открытие», «Капитан Невельской», «Война за океан», посвященными героическому прошлому Сибири и Дальнего Востока. В романе создан яркий об-

раз замечательного патриота, передового человека своего времени, моряка, ученого Г. И. Невельского, внесшего неоценимый вклад в изучение и освоение Приамурья. Писатель дает в книге широкую картину жизни России в 40-е и 50-е годы XIX века, подробно повествует об упорной напряженной борьбе, которую пришлось вести Невельскому с тупыми царскими сановниками за осуществление своих идей, проникнутых заботой о процветании Родины.

М. Карповский. В ПЕРВОЕ ПЛАВАНИЕ. Худож. Е. Ведерников. Хабаровск, Кн. изд., 1976. 208 с. (Для среднего и старшего школьного возраста). Тираж 15 000 экз. Цена 28 коп.

Автобиографическое повествование Михаила Карповского о том, как бывший беспризорник находит свое призвание и открывает для себя большую жизнь, став профессиональным моряком. Дружба с товарищами по кораблю, счастье от сознания быть нужным родной стране делают главного героя близким и понятным молодому читателю.

Н. И. Казак. БРИГАДНЫЙ МЕТОД В ДЕЙСТВИИ. Лит. запись Л. А. Сладковской. Благовещенск, Амурское отд-ние Хабаровского кн. изд., 1976, 36 с. («Опыт передовиков — в массы!») Тираж 1000 экз. Цена 5 коп.

Начальник Амурского транспортного управления Н. И. Казак рассказывает о внедрении бригадного метода организации труда водителей на предприятиях управления. Этот метод помог намного улучшить основные производственные показатели, досрочно выполнить задания девятой пятилетки, укрепить дисциплину и повысить сознательность работников. Работа выходит в серии «Передовой опыт — в массы!»

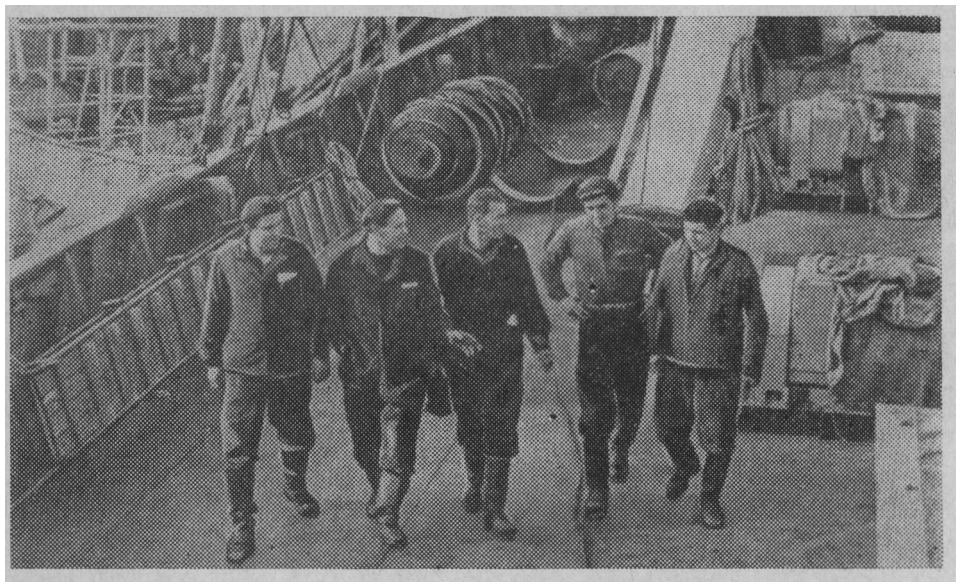
Г. П. Котенко. ВЫСОКИЕ И УСТОЙЧИВЫЕ УРОЖАИ СОИ. Лит. запись. Е. П. Маковеева. Благовещенск, Амурское отд-ние Хабаровского кн. изд., 1976. 24 с. («Передовой опыт — в хозяйства Приамурья»). Тираж 2000 экз. Цена 3 коп.

Директор ордена Трудового Красного Знамени совхоза «Партизан» Амурской области, Герой Социалистического Труда Г. П. Котенко рассказывает о том, как коллектив этого передового хозяйства на протяжении многих лет, независимо от погодных условий, получает высокие урожаи сои. Брошюра выходит в серии «Передовой опыт — в хозяйства Приамурья».

А. ЕВГРАФОВ.

РЕКЛАМАЦИЙ НЕ ПОСТУПАЕТ

Судоремонтный завод в Приморье — одно из старейших и крупнейших предприятий судоремонтной промышленности на Дальнем Востоке. Ему исполняется двадцать лет. За это время выросли и завод, и его люди. Сейчас здесь «лечат» самые мощные современные рыболовные и китобойные суда. Около ста судов ежегодно обретает здесь вторую жизнь.

В коллективе родилось много замечательных починов и начинаний, инициаторами которых были новаторы и передовики производства. Сегодня с личным клеймом уже работают около ста бригад и сдают свою продукцию, минуя ОТК. И что характерно: рекламаций не поступает, оборудование и изделия, как правило, работают безукоризненно и надежно, потому что рабочая совесть и честь коллектива дороже и выше всего прочего. Выдавать продукцию без брака становится нормой каждого цеха, брига-

ды, каждого рабочего, всего коллектива.

Здесь с гордостью называют бригады, которые возглавляют Григорий Кузьменко, Александр Голоскок, Александр Федченко. Все они за успехи в социалистическом соревновании награждены орденами Трудового Красного Знамени.

В десятой пятилетке на заводе родился новый почин. Передовые бригады предложили работать под девизом «Качеству — рабочую гарантию!» И в большинстве случаев выпускаемая продукция отвечает высокому качеству, отремонтированные механизмы и оборудование принимаются с оценкой «хорошо» и «отлично».

Коллектив завода на десятую пятилетку принял повышенные социалистические обязательства, одними из главных пунктов которых является значительное повышение производительности труда на каждом рабочем месте. Эффективность всего производства, строительство новых и

реконструкция существующих цехов, внедрение передового опыта. Все это позволит поднимать судоремонт на более высокую научную основу, вести его эффективно и с высоким качеством, выполнить пятилетку досрочно.

Завод набирает темпы. Объем судоремонта постоянно возрастает. И, чтобы выполнить поставленные задачи, коллектив постоянно ищет новые резервы, использует достижения науки и техники. Вносят свой вклад рационализаторы и изобретатели. Только в минувшей пятилетке внедрено в производство 251 предложение. Экономический эффект составил почти полмиллиона рублей.

Есть полная уверенность, что коллектив приморских судоремонтников выполнит десятую пятилетку, как и обязывался, досрочно.

На снимке: бригада Г. И. Кузьменко.

И. ШИМАНСКИЙ.
Фото автора.

В свой последний приезд в Хабаровск Дмитрий Дмитриевич Нагишкин обошел его почти весь. Прежде всего, конечно, побывал в Союзе писателей, где работали его друзья и читались когда-то его первые произведения. Потом прошелся по парку на берегу Амура, постоял с хабаровчанами на утесе, завороченный, как и все, могучим разливом дальневосточной реки. Зашел на минуту во двор тихой хабаровской улочки, где прожил много лет, а задержался на целый час — окружили бывшие соседи и за разговорами и воспоминаниями долго не отпускали.

Позже забежал в КрайТАСС, в редакцию «Тихоокеанской звезды», где он сотрудничал и как журналист и как художник, вспомнил, что надо зайти в издательство, на радио, в дендрарий, в краеведческий музей... И все без услуг машин и автобусов, пешком, чтобы полнее почувствовать город своей юности.

Не так уж, кажется, давно Хабаровск трудно

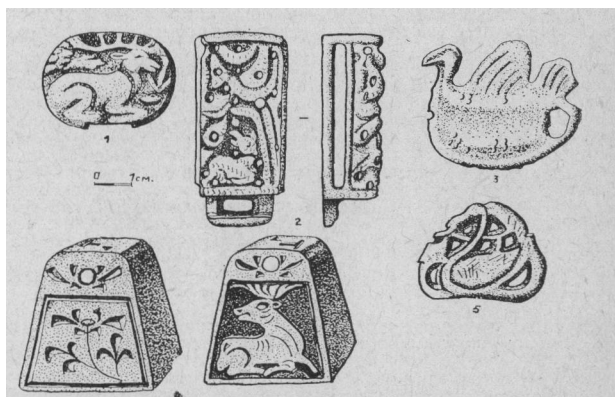
было представить без Дмитрия Дмитриевича Нагишкина — писателя, публициста, художника. Здесь он написал «Тихую бухту», «Амурские сказки», широко известный роман «Сердце Бонивура», исследование «Сказка и жизнь». А его повесть «Город золотого петушка», во многом биографическая, хотя и создана в Риге, тоже начинается в Хабаровске. Последний же роман «Созвездие Стрельца» повествует о городе на Амуре — Хабаровске.

Отдавая дань памяти своему земляку, исполком Хабаровского городского Совета принял недавно решение присвоить имя Нагишкина одной из улиц в Центральном районе города. Улице этой предстоит расти, украшаться и благоустраиваться, и земляки писателя сделают ее достойной его памяти.

Н. Н.

Фото В. Волошенко.

Звериный стиль в искусстве чжурчжэней

Дремучая тайга окружала города и селения Приморья в средние века. Обильная полезными для человека растениями и дикими животными, она, наряду, с земледелием и животноводством, играла значительную роль в хозяйстве древних. Идущие из глубины веков предания, легенды и мифы, связанные с тайгой и ее обитателями, еще прочно держались в представлениях людей.

Все это нашло свое отражение в искусстве чжурчжэней, обитавших на территории Приморья в XII — начале XIII века.

Произведения искусства этого народа дошли до нас среди другого археологического материала, при раскопках средневековых памятников Приморья и Приамурья. Эту работу долгие годы ведут сотрудники. Сектора археологии средневе-

ковых государств Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР во главе со старшим научным сотрудником Э. В. Шавкуновым.

Будучи отличными охотниками, чжурчжэни хорошо знали повадки зверей, птиц, рыб. Свои наблюдения, свое отношение к животному миру они запечатлевали на ткани, коже, бересте, дереве, глине, кости, металле, различных породах камней. До нас дошло множество железных блях в форме стилизованной головы тигра, найденных при исследованиях средневековых городищ Приморья. Все они инкрустированы тончайшей серебряной проволокой.

Среди находок, обнаруженных в Шайгинском городище Приморского края — одним из крупных ремесленных центров чжурчжэньской империи, — отлитая из бронзы портупейная пронизка с рельефным изображением оленя. Он спокойно лежит, поджав под себя ноги, ветвистые рога закинута за спину. Перед грудью животного кустик какого-то растения, а в пространстве между спиной и рогами намечены контуры облаков. Таким образом, вся отведенная для изображения плоскость равномерно заполнена и представляет собой цельную композицию.

Там же найден бронзовый хомуток с петелькой внизу для подвешивания к поясу различных предметов. В нижней части хомутка изображен лежащий безрогий олень. Голова его повернута назад, а перед грудью уже не кустик, а дерево с раскидистой кроной.

Пять бронзовых безменов и фрагментов от них было найдено в жилищах Шайгинского городища, и все они украшены головками животных. В одном случае это голова дракона, а в остальных — коней. Каждая головка композиционно отличается от другой, но всех их объединяет упрощенное исполнение с наличием некоторой граничности формы.

Из тонкого листа бронзы отштамповано изображение лебедя, посеребренного с внешней стороны. Видны слабые следы насечек обозначавшие перья. Изделие, судя по имеющимся отверстиям,

предназначалось для нашивания его на одежду, возможно шамана.

Особенного расцвета достигает у чжурчжэней искусство резьбы по камню, в частности, различных брелочков, их носили как часть системы для подвешивания разнообразных предметов к поясу. Лебедь, куропатка, тюленята, зайчик, мышь, рыбка, и другие животные нашли свое отражение в камнерезном искусстве.

В мае 1976 года в Ананьинском городище Приморского края найдены две уникальные вещи. Одна из них — печать из черного камня в виде усеченной прямоугольной пирамиды. На основании ее вырезана надпись. В верхней части имеется отверстие для продевания шнура. В нижней части одной из сторон в рамке заключено изображение цветка, а на другой стороне — изображение оленя.

Вторая вещь, выполненная из камня, — ажурное украшение. Его покрывает сплошной сложный узор, при рассмотрении которого различаешь лебедя и извивающееся вокруг него тело дракона. Перышки лебедя обозначены насечками, характерными для шайгинских камнерезов, но все остальные черты свидетельствуют о местном искусстве резьбы по камню.

Таким образом, изображения животных продолжают фигурировать в средневековом искусстве чжурчжэней как отголосок звериного стиля, зародившегося у разных народов в бронзовом веке и получившего распространение в железном веке. В первом тысячелетии до н. э. в искусстве племен Южной Сибири звериный стиль, получивший название скифо-сибирского, выступает в наиболее развитом виде. Однако в искусстве мохэ, предков чжурчжэней, проявление звериного стиля не наблюдается. Анализируя археологический материал, Э. В. Шавкунов приходит к выводу, что этот стиль появляется в IX — начале X века с приходом и расселением на Дальнем Востоке уйгуров, у которых традиции этого стиля продолжали еще существовать.

Л. ГУСЕВА.

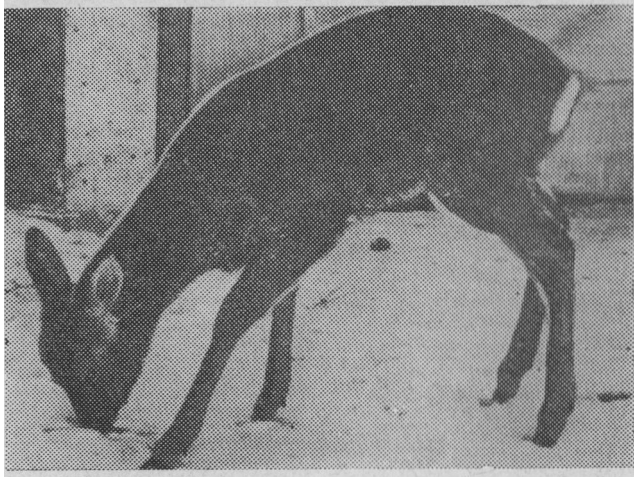
Нанайско- русский словарь

Издательство «Русский язык» готовит к выпуску нанайско-русский словарь, который составлен старшим научным сотрудником Института истории, филологии, философии Сибирского отделения Академии наук СССР, кандидатом филологических наук С. Н. Оненко под редакцией члена-корреспондента АН СССР, профессора В. А. Аврорина.

Этот труд — плод пятнадцатилетней кропотливой собирательской работы автора. Такой словарь подготовлен впервые. В его основу положен говор, являющийся базовым для нанайской письменности. В словаре широко раскрывается многозначность слов. Читатель найдет здесь большое количество лексического материала, отражающего историю, этнографию, фольклор и другие области жизни нанайского народа. Это и хороший справочник для учителей, учащихся школ.

А. ФЕДОРОВ,
доктор филологических наук,
профессор.
«Тихоокеанская звезда».

ЗИМНЯЯ РОМАШКА

Главный охотовед Анучинского коопзверопромхоза Станислав Яковлевич Хоменко предложил мне: «Хотите, я покажу вам Ромашку...»

«Ромашку среди зимы?!» — удивился я.

Но Станислав Яковлевич твердо обещал сурприз.

И вот мы мчимся ранним утром в Новосысо-евку.

Вскоре нас знакомят с очаровательным зимним

«цветком» — прирученным изюбренком Ромашкой.

Как лепестки, топорщатся ресницы ее глаз, влюбленно смотрящих на хозяйку — доярку Люду Матвееву. Та вместе с бабушкой Настасьей Дмитриевной подносит ей лакомство — сырую картошку.

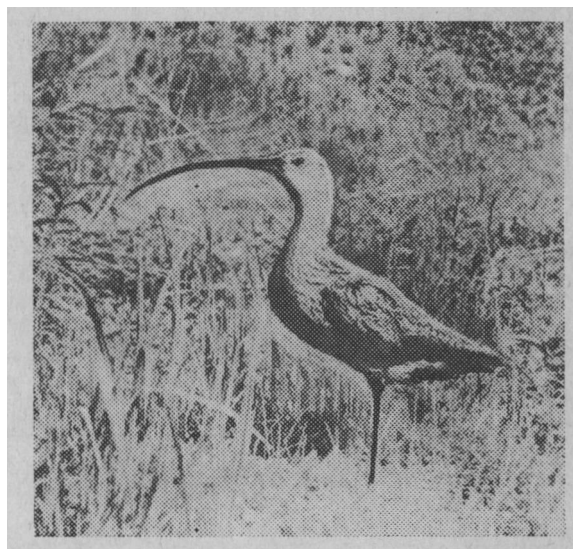
Егерь Виктор Нечепуренко рассказал нам, как собаки обнаружили изюбренка в прилежках

к селу лесам и погнали. У звереныша оставался один выход — броситься за помощью к людям. Изюбренок перепрыгнул через ограду и оказался у крыльца Матвеевых. Они впустили его в дом.

Ромашка растет не по дням, а по часам, становясь все краше, — будто распускается спасенная красота.

Вл. СВИРИДОВ.
Фото автора.

Царь-кулик

Куликов все знают, птицы знакомые. Ноги длинные, клюв тоже долгий и живут на болоте да у реки. Много их водится в нашем крае и посещает Приамурье на пролетах. Более трех десятков наберется. Есть совсем крохотные, с воробышка. А есть и побольше, бекас, например, дупель, или вальдшнеп. Это уже перво-классная дичь.

Но наш дальневосточный кроншнеп стоит того, чтобы о нем рассказать особо. Правда, он не наряден, оперение его все в серовато-бурых тонах. Но размером, пожалуй, с добрую утку будет. Ногастый, осанистый, длинный изогнутый клювище в целых 20 сантиметров вымахал. В общем, всем куликам кулик! Недаром слово кроншнеп в переводе с немецкого означает «коронный кулик», главный, или, точнее, царь-кулик!

«Фьюии, фьюии, фьюии!» — слышится мелодичный, чуть грустный заунывный посвист в воздухе. Кроншнepy летят! Над головой, не спеша и медленно взмахивая крыльями, проплывают несколько крупных серых птиц. Длинные кривые носы (характерная примета этих больших куликов) вытянуты вперед. Присядешь, затаишься! Достанешь костяной или сложенный из пера пинчик и выводишь такое же заунывное «Фьюии!» Добродушные долго-

носики обязательно отзовутся. И даже подлетят справиться: кто зовет? Иной раз и садут вблизи. Вот тогда и любуйся, фотографируй, сколько упрaviшься!

Но только искусство подражать меланхолическому свисту кроншнепа, конечно, не всякому дается. Чуть что не так, кулики сразу же уловят фальшивые нотки и дадут облет. Или же садут поодаль, не ближе чем. по их мнению, положено. А сами поглядывают.

Весной с первыми проталинами, когда в синеве небес покажутся первые журавлиные клинья, кроншнеп уже тут как тут. Он рано прилетает, задолго до того, как надвинется девятый вал птичьего перелета. Гнездится наш царь-кулик небольшими колониями, в две-три пары, по заливным лугам и обширным моховым болотам, по всему Приамурью. Есть он и в северных районах Хабаровского края. Причем места всегда выбирает с хорошим обзором. Близко не подпустит. Полная кладка — четыре яйца, как и полагается всем куликам. Только весит больше 50 граммов. Вначале клювик у него короткий и прямой. Потом, с ростом начинается искривление клюва. И через месяц полтора птенец уже летает.

Зимует наш кулик далеко-далеко, в Юго-Восточной Азии и в Австралии и доходит до Новой

Зенландии и Тасмании. Иной раз залетает и в Африку. Огромные пространства суши и моря разделяют места гнездовья и зимовки. Но это кроншнепу не помеха. Каждую весну и осень он совершает этот тысячекилометровый марш-поход по определенному маршруту. И никогда не запаздывает.

Любопытно, что научное латинское название нашего кроншнепа «нумениус мадагаскариензис». Многих интересует — почему мадагаскарский? Но дело в том, что великий инвентаризатор природы, описавший многообразие птиц и создавший основу научной систематики еще в XVIII веке, Карл Линней никогда на Дальнем Востоке не был и жил в Швеции. А описал он птицу по экземпляру, полученному с Мадагаскара.

Питается наш кроншнеп водяными насекомыми, моллюсками и охотно ест раков, которых легко достает на мелководье своим длинным кривым клювом, как пинцетом, и заглатывает целиком.

Кроме крупного дальневосточного кроншнепа у нас в Приамурье встречаются в дни пролета еще два вида — средний и малый кроншнepy. Но гнездятся они на Севере, в Якутии.

в. яхонтов.
Фото автора.

СОДЕРЖАНИЕ

журнала «Дальний Восток» за 1976 год

НАВСТРЕЧУ XXV СЪЕЗДУ КПСС

Буренин Н. — Курсом трудовых свершений, № 2
Котенко Г. — Земля, которую люблю, № 2
Меньшикова Н. — Горжусь профессией своей, № 2
Числов К. — Созидатели, № 2

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

Балябин В. — Забайкальцы, роман, № 1, 2, 5, 6
Бухаев С. — Погасло Ульяновское солнце, повесть, № 4
Бушуева Г. — Елька, рассказ, № 12
Бытовой С. — Учитель истории, рассказ, № 4
Васильев Ю. — Дом Варга, повесть, № 3
Горбачев В. — За далью непогоды, роман, № 8—10.
Гук Г. — Ошибка штурмана Басманова, рассказ, № 3
Ефименко Ю. — Сложная история, повесть, № 11
Зыков В. — При свете дня, повесть, № 5
Зятков П. — Чертова дюжина, рассказ, № 5
Клипель В. — Там, где дремлют таймени, № 4
Корнев В. — Дениска, повесть, № 6
Кравченко И. — Девушка с Океанского проспекта, рассказ, № 12
Кузаков Н. — Добрые духи Авдо, главы из повести, № 3, 4
Липицкий А. — Запах снегов, рассказ, № 10
Лоншаков Г. — Чистые пруды, рассказ, № 3
Максимов А. — Три рассказа: ...И еще день, Развод, Земляки, № 7
Мишкин А. — Птицы летают без компаса, повесть, № 2
Никаноров А. — Поиск, повесть, № 9
Никонов В. — Супруги Ферко, повесть, № 1
Попов Г. — Шоференок, рассказ, № 1
Портнягин Н. — Два рассказа: Простое задание, Сашка Пермь, № 10
Рожков Е. — Праздник Молодого Оленя, повесть, № 12
Ситиков Н. — Фарватер, записки старпома, № 8
Стариков Ф. — Трудная наука, повесть, № 11
Сукачев В. — На маленьком забытом полуострове, № 7, 8
Федоров В. — Петечка, повесть, № 12
Шиханов М. — Соседи, повесть, № 7
Щербановский О. — Старик, рассказ, № 12
Яценко Н. — Неутомимый русский молодец, очерк, № 5, 6

СТИХИ

Архипов В. — Столица БАМа, «Россия — свет...», стихи, № 12
Авдюшин Е. — «Живем в ожидании «схватки», стихи, № 9
Асламов М. — Из цикла «Зейская тетрадь»: К спору о славе, Встреча, Поиск, Прораб смотрел пейзаж индустриальный, «Вспомнил, контуженный...», «Сторона дорогая моя, это ты ль?..» Колыбельная, «Нынче жалобы слушал всю ночь...», «Столичный город побережья...», стихи, № 3
Бадаев А. — Из песен Сурхарбана: Прославление года, Прославление мастера, «Земля выдыхает белесую дымку тумана...», «Вы, о молодость и старость, — тайна бытия...», «Будь беспокойным, когда не грянут перемены...», «Природа сотворила горы, реки...», стихи, № 11

- Бимбад Б.** — «С моей военной судьбою...», стихи, № 9
- Богданов В.** — Памяти Петра Комарова, «В эту пору и сладко и горько...», Песле марша, Случай в карьере, «Полнолуние, тихий мороз...», стихи, № 12
- Вальгиргин М.** — Хозяин тундры, Хорошо родиться на этой земле, Песня улицы, Сердце тоскует, «Не за службу вековую...», стихи, № 7
- Вассерман Я.** — Мыс Анива, Антошка, Где-то в мае, Девчонкам послевоенных годов, Песочные города, Метель, стихи, № 11
- Вишняков М.** — «Есть в судьбе и памяти моей...», «И расскажет мне бабка...», «Сломалась береза...», стихи, № 1
- Головатый Г.** — Утро, Сапоги, Вдалеке, стихи, № 1
- Головко О.** — Объяснение в любви, Катай-город, «Тайга такая — для начала...», «Не спеши при неудаче...», Мои соавторы, Город, стихи, № 2
- Граубин Г.** — Праздник в Певеке, Гуси, стихи, № 1
- Доржипалам С.** — Осень, стихи, № 5
- Дракохруст А.** — Из книги «Раздорожье»: «Знакомых слов невнятица...», Майский дождь, В белостокском лесу, «Он падал из дымящегося зноя...», Под Невинномысской, День поминовения, Через тридцать лет, Другу, «И опять распутица, распутица...», В ночь на 22 июня, «И гром утих, и свет померк...», Свидания, «Мне долго-долго будут сниться...», «Уже не верю в поздние удачи...», «Радуга над маленькой плотинкой...», стихи, № 5
- Еращенко В.** — «Холмы Хабаровска, я в сердце принял вас...», «И все же пал Сайгон...», «И в этот раз мне что-то помешало...», «Опять забеспокоился мой сын...», «А что, мои философы, семья...», «Первые гуси и первые цапли...», «Мне кто-то улыбнулся из трамвая...», «Послушайте, я постараюсь быть...», «За все, что сердце тяготит...», стихи, № 4
- Еремин И.** — Встреча с детством, «Да, было нелегко, не скрою...», Мать, Сердцеви-на, Утром, «Вот иду без дороги...», стихи, № 4
- Жамбалон А.** — Приветствие городу, стихи, № 1
- Завьялова С.** — Сахалин, «Тишина за проселком...», «В стране, что так щедра и так добра...», стихи, № 3
- Калюжная Е.** — «Мне говорят, что в облаках витаю...», «То растает, то выпадет вновь...», Травинка, Обида, стихи, № 12
- Кашук Ю.** — Тринадцатый день, Сердце, Стихи самому себе в день рождения, Пластинка, «С кем протекли его боренья...», «Десятилетие или час...», На пятый месяц рейса, стихи, № 8
- Киселев Г.** — Созвездие Ориона, Мама, «А Блока читать тяжело...», В путь!, За-кливание, стихи, № 8
- Козлов Г.** — «Меня уводит детство по тревоге...», «И уходили из дому...», **Зима**, «Все реже я смеюсь...» «Цветы на синих грядках...», «Ты говоришь: огонь угас...», «Ни беды не знал, ни счастья...» «Она решительна в порыве...», «В окне рассвет клубился...», стихи, № 8
- Копалыгин Б.** — Стихи о Сережке, Последний полет Экзюперы, стихи, № 5
- Коротаев А.** — Возвращение, Летний дождь, Сенокос, Сон тракториста, Начало зимы, стихи, № 9
- Кравцов А.** — «Здесь пока что земля...», «Когда глубокие следы...», стихи, № 2
- Кузнецов Г.** — «У дочки первая разлука...», стихи, № 1
- Лившиц С.** — Ты надейся, Россия; На Севере, стихи, № 5
- Лысенко Г.** — «На нет игру воображенья...», «Спецовку примеряют не спеша...», Еще в цене чернорабочий...», «Кому лицо — лицом...», «Ольга — мастер ОТК...», «Все явственнее крылья ночи...», «Горячий снег электросварки...», «После сме-ны...», «Птицы босы...», «Как совместить весну с железом?..», «От птичьих прав отказываться грех...», «Рояль без нот...», «На сердце руку положи...», «Всю вселенную до весны...», «Какие кубометры выдавали...», стихи, № 6
- Магистрова Л.** — «Живу я неприкаянно и просто...», «Сто дорог...». «Умирал чело-век...», «Мой черный нескладеныш будет догом...», «Какое счастье знать, что ты не лишний...», стихи, № 11
- Макаров Б.** — «Дожди грибные бродят в рощах...», Память, «Ты кукушечка, ку-куй...», стихи, № 1
- Мекшен С.** — Характер, Художник, Невеста, «Не в укор сердобольной судьбе...», «Говорят, словно брат с сестрою...», стихи, № 3
- Миланич Л.** — Новые стихи: «Разматывается клубок...», «Только выйдешь в чисто поле...», В гостях, Сказочка, «Впервые в жизни в сад российский...», «Пласти воды и воздуха и света...», «Мой отец... Он вчера обезножил...», «Потери, Потери, Потери...», «Квартира Пушкина...», «Опять судьбу и время прокли-наю...», «Нежданный ангел дня воскресного...», «Так рассвета...», «Был закат тревожно нежен...», «От личной обыденной драмы...», «Ты называл меня лю-бимой...», «Ночное небо — словно шاپито...», «Раскрылся парашют зимы...», «Как холодно на свете...», стихи, № 10
- Миллер Б.** — «С утра ко мне в окно...», В начале дня, стихи, № 11
- Милиошкин К.** — Весною, стихи, № 1

- Нефедьев В.** — Высокое лето: «Высокое лето...», «Как весело солнце встает...», «В разгаре таежное лето...», «Средь кедров и елей...», «В районах Охотского моря...», Комсомольск, «Внезапно ночь была насквозь...», Сопка любви, Апрель, «Таня, дорогая...», «Снегом покрыты вершины...», «Снега уходят, тихие снега...», стихи, № 10
- Повный С.** — «Кашляли надрывно минометы...», «Хотя иду по жизни без опаски...», стихи, № 2
- Пушкин В.** — Новые стихи: «Все меньше ходит в дом гостей...», «В балагане из берез...», «Достаточно весен...», «Едут свадьбы...», Дед, Песня, Ваня, стихи, № 9
- Романов А.** — Птенцы, «Здравствуй, юность в защитной пилотке...», Вспоминая узкоколейку, «Могуч неоглядный простор...», Роща, Спортивное, «Эх, робкий мальчик!...», «Тучи нахлынули...», Мужская радость, «Калитка, темная дорожка...», стихи, № 7
- Репин Б.** — «Знаю, многое простится...», «Бьет пулемет — не поднять головы...», Миномет, Солдатская дорога, Закат, стихи, № 9
- Рыжкова Т.** — «Как ярко деревьев осенний наряд...», «Туман в ногах у оголенной рощи...», «Вышивает солнце на земле узоры...», «Нет, я ни о чем не жалею...», «Лаской твоей не согрета я...», «По вечерам на улицу не тянет...», «Печальное время, глубокая осень...», «Страдание на сердце мне легло...», стихи, № 12
- Савостин Н.** — Летящий дом, Зимник, Чара, У океана, стихи, № 4
- Санги В.** — БАМ, стихи, № 11
- Семенов А.** — «Чей это голос, кого-то зовущий?..», Все мне снится Родина сожженная, Как мало на земле живых созвучий, «Завезла меня телега...», Как краю украли, «На краю поляны...», «Колокольчики в росе...», Кедровка, Завещание, стихи, № 6
- Соломатов В.** — «От краснотала розовеют склоны», «Город зябко кутается в сумерки...», «Здравствуй! Как поживаете?..» «Август щедро ранетом усыпал сады...», Предзимье, «Сентябрь добавил дворникам работы...», стихи, № 12
- Туфанов В.** — «Все резче звезд капли...», стихи, № 9
- Урванцев А.** — «Пропахший до костей махрой...», «В верховьях Керби бьют ключи...», «И вот тайга...», «Крыльцо резное, край села...», Старый автобус, стихи, № 7
- Филиппов Р.** — Чапай, И я про НТР, Рукописи Райниса, «Все для тебя, живи счастливо...», Возвращение, стихи, № 1
- Цэдэндорж М.** — Песни хура, стихи, № 5
- Якубенко В.** — В степи, стихи, № 1

ПО ДАЛЬНЕМУ ВОСТОКУ

- Бугаенко Е.** — Лососи нерестятся... на заводе, фотоочерк, № 12
- Гапич Л.** — Братья Корнеты, очерк, № 3
- Голубниченко В., Малый А.** — Здесь Отчизна моя, очерк, № 10
- Гончаров Е.** — Три дня страды, очерк, № 12
- Григорян А.** — Первая дальневосточная, очерк, № 2
- Долгодворов В.** — Карандин, очерк, № 6
- Жилин М.** — На охоту с... фоторужьем, № 7
- Ключиков З.** — Покорение Бурей, репортаж, № 11
- Корнев В.** — Живой огонь, очерк, № 11
- Леонтьев А.** — Одержимые, очерк, № 12
- Лисичкин Г.** — Секреты красной рыбы, очерк, № 8
- Малый А., Голубниченко В.** — Здесь Отчизна моя, очерк, № 10
- Мещерский С.** — Когда прилетают птицы, очерк, № 5; Призвание Валентина Горяинова, очерк, № 7
- Мифтахутдинов А.** — Степень причастности, очерк, № 3
- Никутьшина Н.** — В море — на промысел, очерк, № 10
- Нефедьев В.** — У истоков ключа, очерк, № 5
- Пастухов С.** — Рейс на Север, очерк, № 2
- Прохоров Б.** — Два товарища, очерк, № 8
- Пушкарь А.** — Стальные плечи БАМа, очерк, № 2; Солдаты БАМа, очерк, № 9, 10
- Романов В. Е.** — Байкало-Амурская магистраль. Восточный участок, репортаж художника, № 2
- Санеев Н.** — Рыбачья Сероглазка, очерк, № 4; Сердцем выноси, очерк, № 12
- Сапрыгина Л.** — Остров Шумшу помнит все, очерк, № 9
- Светиков В.** — Мои сослуживцы, очерк, № 9
- Тимофеев Н.** — Николай Иванович, № 4
- Туманов В.** — Теплоозерские цементники, очерк, № 9
- Фадеев Л.** — Портартурцы, очерк, № 2
- Федоров В.** — Характеры трассы, очерк, № 4; Тоннельщики, очерк, № 11
- Филиппов Р.** — Ожидания Чары, очерк, № 3

- Фотьев Н. — Высокая мера, очерк, № 6
Халилецкая Е. — Женщины солнечной долины, очерк, № 10
Чапаров М. — Мы молоды, нам пятьдесят, № 11
Щедрин Г. И. — Электрик с «С-56», № 7
Эдидович М. — Экспедиция «Белый медведь», очерк, № 12
Яворский Д. — Смотритель Золотого кольца, очерк, № 8

ПО ЗАБАЙКАЛЬЮ

- Алешкин А. — Неоконченный дневник, № 1
Бирюкова В., Братушев В., Фадеев Л. — Сделано в девятой пятилетке, № 1
Братушев В., Бирюкова В., Фадеев Л. — Сделано в девятой пятилетке, № 1
Красиков И. — Там, под землей, солнце, очерк, № 1
Смирнов В. — Медный клад Удокана, очерк, № 1
Фадеев Л., Бирюкова В., Братушев В. — Сделано в девятой пятилетке, № 1

ПРОБЛЕМЫ И СУЖДЕНИЯ

- Логунов В., Сбитнев В. — Человек и Север, № 1
Полетика А. — Арифметика и грамматика освоения, № 5
Сбитнев В., Логунов В. — Человек и Север, № 1
Сытников Е. — В мире качества, № 7

ПУБЛИЦИСТИКА

- Вдохновенное слово партии, № 4
Матафонов М. И. — Край наш — Забайкалье, № 1
Халицкий Г. — Время больших свершений, заметки писателя, № 3

К 70-ЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИИ 1905—1907 ГОДОВ

- Чернышева В. И. — Хабаровск в годы первой русской революции, № 11

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

- Иванов Ю. — «Его любили, и будут любить». (К 75-летию А. А. Фадеева), № 12
Иртышский Б. — Здравствуйте, товарищ Комаров!, № 8
Маслова А. — Глазами А. П. Чехова, № 6
Рогаль Н. — Новая книга о Петре Комарове, № 8; Неутомимый борец за мир (К 80-летию Н. С. Тихонова), № 12
Тихонов Н. — Мы построим наш БАМ, № 12
Тутушкина Н. — Музей А. А. Фадеева в Чугуевке, № 12
Шурыгин А. — Новая находка, № 12

ЛЮДИ И КНИГИ

- Воскобойников М. — С Чукоткой в сердце, № 4
Пайчадзе С. — Симеон Банков и его книги, № 4

ДЕЛА И ЛЮДИ

- Балабанов В. — А. И. Кулибин — горный инженер и поэт, № 9
Воскобойников М. — Родная моя сторона, № 5
Улаев Н. — Время поисков, открытий и тревог, № 7

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

- Ключиков З. — Рассвет над Канвондо, № 8

ЗА РУБЕЖОМ

- Казенное Е. И. — Путь банкротов, № 9
Попов Д. — Соединенные Штаты Америки в год своего 200-летия, № 7

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

- Юровский С. — Муза пламенной сатиры, № 1

ИЗ ПРОШЛОГО

- Дворниченко Н. Е. — Декабристы в Забайкалье, № 3
Никонова С., Сбитнева Л. — Первые революционные бои в Забайкалье, № 1
Окладников А. П. — Узловые вопросы ранней истории советского Дальнего Востока (Приморье и Приамурье), № 9
Полевой Б. П. — Новое о Владимире Атласове, № 4
Сбитнева Л., Никонова С. — Первые революционные бои в Забайкалье, № 1

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

- Полевой Б. П. — Этнограф С. Понятовский о В. К. Арсеньеве, № 9
Полевой Б. П., Утин Г. Н. — Находка карты В. К. Арсеньева, № 11
Утин Г. Н., Полевой Б. П. — Находка карты В. К. Арсеньева, № 11
Цейтлин Е. — Глазами сердца, № 3

УГОЛОК КРАЕВЕДА

- Меркушев И. — Нивхские топонимы, № 10
Миротворцев Ю. — О судьбе природы озера Ханка, № 12
Мягкий И. — Сюрпризы природы, № 4
Яхонтов В. — Остров Верхотурова, № 6

НАУКА

- Конопацкий А. К. — За первыми американцами, № 6

ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ

- Белозеров Т. — У моря. Камни, Лось, стихи, № 5
Прозоров А. — Варезки, Санки, рассказы, № 5
Шишов Ю. — Два рассказа: Трудный день Васьки Грачева, Юрка, № 5

СПОРТ

- Крестинский А. — Международный турнир в Хабаровске, № 3

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Агишев Р. — На берегах Байкала, № 4
Александровский Н. — Великие версты, № 12
Асатуров Э. — Приспешники маоизма, № 5
Ботвинник И. — Это было в его сердце, № 8
Бриль Ю. — На пути к мастерству, № 6; Повторение пройденного, открытие нового, № 10; Экспедиция в глубь веков, № 12
Бубнис Г. — Даты и события Магаданской области, № 6
Бутенко Н. — Ради жизни на земле, № 2; Северная Лениниана, № 10
Владимирский С. — Торжество российской коммуны, № 7
Вольпе Л. — Время романа, № 5; Отважные сердца, № 9
Востриков Л. — Путешествие без погони и выстрелов, № 3
Гаврилов И. — Главный плацдарм, № 3
Головкин Е. — «Он говорил от имени России», № 12
Гонтмахер П. — Сахалинские тропы Штернберга, № 7
Дичаров З. — Несколько слов о главном человеке, № 2
Ефименко В. — Незабываемая земля, № 3; Империя «трех бриллиантов», № 9
Журавина О. — Светлая даль зовет, № 9
Зельцер А. — На пороге зрелости, № 7
Зорин В. — Из поколения семидесятых, № 8
Кабakov А. — Трудная нефть, № 11
Кочешков Н. — Книга о древнем и средневековом Тибете, № 12
Кузнецов И. — Книга о поэзии Сибири, № 4
Мамонтов А. — Полезный ежегодник, № 8
Маслова А. — Краеведческая библиография на Дальнем Востоке, № 8
Москаленко А. — О друзьях-товарищах, № 10
Митрофанов Н. — Об этом надо помнить, № 6; Глазами самих американцев, № 10
Михнова И. — Когда жить интересно, № 7
Наволочкин Н. — Адресовано детям, № 7; Линия опасности, № 9
Настин Д. — Подвиг на дальневосточных рубежах, № 8
Новгородов А. — Книга о возрождении малых народов, № 2
Новиков П. — В мире буржуазной «свободы личности», № 4

- Осипова Э.** — Через все преграды, № 12
Полевой Б. — Исследования о нивхах, № 8
Пушкин В. — Тридцатый праздник жизни, № 7
Рассадин В. — Чувство времени, № 1; Сделать жизнь с кого?, № 2
Рогаль Н. — Гражданственность поэта-лирика, № 11
Руссков В. — Живое знамя революции, № 8
Спивак И. — На литературной карте — Доволенка, № 10
Татарников П. — Актуальная монография, № 9
Татуйко А. — Литературное Забайкалье, № 1
Фетисов А. — Последняя страница гражданской войны, № 6
Чапаров М. — Конец «Чертовой пасты», № 9
Чиров Д. — Постылая память, № 5; А цель всегда впереди, № 6
Шпрыгов Ю. — «Хранить вечно», № 3; Рождение северной Ленинианы, № 4; Полярное сияние, № 6
Юхименко В. — «Коломбы Росские», № 12
Якимова Л. — Современная повесть Сибири, № 11
НАШИ ЮБИЛЯРЫ, № 4
НОВЫЕ КНИГИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ИЗДАТЕЛЬСТВ, № 1 — 12
КНИГИ ОБ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ МИССИИ СОВЕТСКИХ ВООРУЖЕННЫХ
СИЛ НА ВОСТОКЕ, № 10
КОРОТКО О РАЗНОМ, № 1—12

Школьница

Фото Ф. Машечко

Школьница

Фото Ф. Машечко

50 коп.

ИНДЕКС
73103